

A close-up portrait of a man with a beard and short dark hair, looking down and to the right with a thoughtful or somber expression. His right hand is resting on his forehead. He is wearing a dark, textured shirt and a watch on his left wrist. The background is dark and out of focus.

МАКСИМ

ШЕВЧЕНКО

СКВОЗЬ
Мутное
Время

**РУССКИЙ ВЗГЛЯД НА НЕОБХОДИМОСТЬ
СОПРОТИВЛЕНИЯ ДУХУ ВЕКА СЕГО**

Annotation

Книга одного из самых известных журналистов России сложилась за несколько лет, ее составили статьи, эссе, интервью и стихи Максима Шевченко. Автор размышляет о времени слома столетий, когда страна поднималась из ужаса небытия 90-х, входила в театр 2000-х и искала свой путь к свободе и справедливости.

- [Максим Леонардович Шевченко](#)
 -
 - [ПОЧЕМУ МЫ НЕ ТАКИЕ, КАК ОНИ?](#)
 - [ВЕРА: ОБЩЕЕ В БОРЬБЕ](#)
 - [Кто наши враги и почему мы должны крепить единство?](#)
 - [Так страшен ли нам русский бунт, бессмысленный и беспощадный?](#)
 - [Какая нация нам нужна?](#)
 - [С чем нам невозможно согласиться?](#)
 - [Мы не Европа? И слава богу!](#)
 - [Что такое «либеральное безумие»?](#)
 - [Почему с прибытием Депардье русских прибыло?](#)
 - [Зачем нужна религиозная журналистика?](#)
 -
 - [МЫ – РУССКИЕ!](#)
 - [Почему мы на стороне беглых каторжников?](#)
 - [Все ли русские националисты являются таковыми?](#)
 - [В чем великая тайна России?](#)
 - [Зачем нам послан «ледяной дождь»?](#)
 - [Почему так смертельна эта русская женщина?](#)

- [И что нам в этом Достоевском?](#)
- [Что мы увидели сквозь дым?](#)
-
- [ЛИБЕРАЛЫ](#)
 - [В чем сущность современной номенклатуры?](#)
 - [Мизантропические мысли о зиме русской демократии](#)
 - [Ну почему они такие?](#)
 - [В чем смысл быть «дюже знаменитым!»?](#)
 - [Как продать Родину?](#)
 - [Кому ОМОН не нужен?](#)
 - [Что они дали России?](#)
 - [Зачем нужна национализация элит?](#)
 - [Почему деньги победили труд?](#)
 - [Какая такая «элита»?](#)
 -
- [РОДИНА](#)
 - [Зачем России Палестина?](#)
 - [Почему сделка Шалита – это позор мировых СМИ?](#)
 - [В чем проблема доверия?](#)
 - [Что такое русская цивилизация?](#)
 - [Свадьба в маниловщине](#)
 - [Кто заказал дагестанскую свадьбу?](#)
 - [В чем проблема Северного Кавказа?](#)
- [КАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА КАК СУТЬ БУДУЩЕГО РОССИИ](#)
 -
 - [Как стать вменяемыми людьми?](#)
 - [Демократия или свобода?](#)
 -
- [ЭЛИТЫ ДОЛЖНЫ ВСПОМНИТЬ О НАРОДЕ ИЛИ ИСЧЕЗНУТЬ](#)
 -
 - [Зачем нам московские умники?](#)
 - [Величие Красной армии](#)

- Откуда берутся небылицы про Грозный?
- Зачем нам ЕГЭ?
- Зачем нам День России?
- Зачем увозить детей из страны?
- Почему нами правит надежда?
-
- ПЕРСОНАЛЬНО
 - Что читать перед сном?
 - Почему мы вспоминаем о Сталине?
 - Какая элита нужна России?
 - Мерзкий выводок пусей...
 - Еще раз о девках и о прощении...
 - Процесс и третий путь
 - Все начинается с песенки
 - Почему мы говорим спасибо Ассанжу?
 - Почему Муамар Каддафи - последний герой?
 - Он пал в бою. Почему это важно для нас?
 - Сирия: проиграть нельзя победить
 - Назовем ли мы Обаму «славным парнем»?
 -
- ВОСТОК-ЗАПАД
 - Кто они - эти легитимные подонки?
 - Почему нам надо договариваться?
 - Кто такие «пикейные жилеты ПАСЕ»?
 - Почему нам так важна республика Науру?
 - Кто посягает на душу Грузии?
 - Что мешает Эстонии и России стать друзьями?
 - Почему коррупция и произвол главный фактор поддержки терроризма и экстремизма?
 - Почему цыгане - наши навсегда?
 - Кому нужна эта премия «мира»?
 - Почему Западная Европа - общество несвободы?
 - За что интеллигенты любят Брейвика?

- - Что такое наше право быть человеком?
 -
 - СМЫСЛЫ
 - Почему поэт всегда прав?
 - Что такое воздаяние?
 - Что для нас субъект истории?
 - В чем рождение нового?
 - Почему молодежи не существует?
 - Что значит победить жертвой?
 - Кто такой повелитель времени?
 - Почему советский опыт - попытка земного воплощения чаяний русского народа?
 - ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ
-

**Максим Леонардович
Шевченко
Сквозь мутное время. Русский
взгляд на необходимость
сопротивления духу века сего.
Книга публицистики**

*Бывает такая разновидность страха,
которая завораживает,
как неисследованная земля.*

Эрнст Юнгер

«В СТАЛЬНЫХ ГРОЗАХ»

Расулу Кудаеву

*Был ли подвал или не был
били его или нет
видел он черное небо
мертвый последний поэт
где-то кричали и пели
где-то гуляли в ночи
мыли его и жалели
сестры и злые врачи
мимо летели и выли
пыльные пули ЧК
кони какие-то в мыле
в трупах зеленых река
мерзкой собачьей породы
мучил его прокурор*

*и собирался под своды
камеры света узор
время достало поэта
он не хотел умирать
били его и за это
чтоб неповадно опять*

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ТАКИЕ, КАК ОНИ?

Вместо предисловия

Я, как известно, вел митинг на Поклонной...

Толкнуло меня на это естественное чувство отвращения к городской протоплазме, из которой я, москвич, вышел как первосущество из протоокеана и которая всегда вызывала и продолжает вызывать у меня приступ душевной тошноты (если, конечно, душу может тошнить...).

Представив все это курчавое и лысое, патлатое и сжатое, кривое и строгое, косое и острое, толстое и тощее, пучеглазое и раскосое, косоротое и губошлепое, нестандартное и неформальное, умненькое и туповатое, хихикающее и постное, националистическое и либеральное, безумное и хитрованное, воняющее и нежно пахнущее, я понял, что не могу быть с ними никак...

С их твиттерами, фейсбуками, лайфжорналами, вконтакте и одноклассниками...

С их мечтами и надеждами, с их тщетой и борьбой.

«Вы нас даже не представляете!» – креативили они на плакатах под аплодисменты вальяжных вельмож пиар-индустрии.

Может, Кремль их и не представлял, но я-то их знал как облупленных! И иллюзии отнюдь не смущали пустыми надеждами...

Конечно, бюрократия, чиновничество, депутатство, силовики, олигархи кремлевского пула – все это было мертво и не стоило слов... А что стоило?

В декабре, как раз перед первой Болотной, в Махачкале убили создателя газеты «Черновик»

Хаджимурата Камалова. Незвестный всадил шесть пуль практически в упор на пороге редакции его любимой газеты.

Мягкий с виду, интеллигентный Хаджимурат бросился к убийце, но последняя пуля оказалась смертельной.

Говорят, что в этот час на самой охраняемой улице Махачкалы оказались отключенными видеокамеры.

Хаджимурат не был мне другом, но мы много разговаривали о том, о чем в Дагестане разговаривают политические журналисты, – о пытках, беспределе, о бессудных расправах, о том, как остановить неотвратимость гражданской войны.

Его тело еще не остыло, как мне позвонил Биакай Магомедов, главный редактор «Черновика», и сообщил, что только что у него на руках умер Хаджимурат.

Утром мы с Гейдаром Джемалем вылетели в Махачкалу. В аэропорту встретили братьев и сестру Хаджимурата, его дядю, председателя Союза журналистов Дагестана Али Камалова.

Говорить было не о чем, слова соболезнования ложились ледяными камнями на понимание, что нет больше Хаджимурата, нет его страсти, его ошибок, его безудержной храбрости.

Это он, журналист, не имеющий иного оружия, кроме ума и таланта, бросил на заседании у президента Дагестана в лицо всесильному министру МВД Адильгирею Магомедтагирову: «Ты бандит, вор и убийца – и я это докажу!»

А в тот декабрьский день, когда блудливая Москва готовилась показать Кремлю и миру свою креативную сущность, тысячи мужчин, сменяя друг друга, несли по улицам замершей Махачкалы носилки с телом Хаджимурата Камалова.

По исламским обычаям, хоронить надо как можно быстрее – эти десять километров до городского

кладбища стоили тысяч Болотных.

Не было женщин (они не хоронят по тем нормам ислама, которые распространены в Дагестане), не все успели приехать из отдаленных аулов.

Успели бы – тысяч двадцать мужчин прошагали бы по грязным проспектам дагестанской столицы в грозном молчании.

Ледяной ветер, страшный, не виданный мной доселе, несущиеся обрывки облаков на ослепительно-голубом небе и грозные молодые мужчины, стоящие вокруг открытой могилы.

Из аэропорта мы успели только на кладбище. Успели кинуть несколько комьев замерзшей глины в отверстую пасть, в которую когда-нибудь уйдем и мы все.

В Москве я не мог объяснить, что случилось в Махачкале, – для них это была далекая смерть далекого туземного интеллигента.

А для меня они сами казались пустыми куклами, которыми играет жестокая власть, обитателями картонных декораций ненастоящих страстей, выдуманной политики и искусственной смерти.

На следующий день я написал вот такое стихотворение:

Ветер резал людей пластами
Беспощадно и аккуратно
На столичном кладбище в Дагестане
Хоронили Камалова Хаджимурата

Три тысячи мужчин прошагали в молчанье
За носилками с телом по городу страшному
И друг друга от всех они отличали
Тем что сердцем остались во дне вчерашнем

В котором Хаджимурат издавал газету

Боролся с произволом и беспределом
Собственно и был он убит за это
Приняв шесть пуль своим смертным телом

Последняя пуля пробила горло
И он не успел сказать во что верит
Но умер он честно красиво и гордо
И смело вошел прямо в Рая двери

Многие завидовали ему пряча лица
От ударов ветра ища спасенья
И нельзя было от ветра нигде укрыться
Ни под светом солнца ни в смертной тени

Этот ветер был очень странным ветром
Словно выдох чей-то в себе носил он
Словно он зародился не здесь а где-то
Где есть сила веры и правды сила

Мы не знали в целом что говорить нам
Что еще не сказано в мире этом
И мешались с ветром слова молитвы
Чтоб потом опять обернуться ветром

И ворваться в город и закружить там
И покончить разом одним ударом
С этой мелкой подлой и жалкой жизнью
Чтобы новый мир встал над миром старым

Но молчали горы хрипело море
Было все как бывало уже когда-то
И у всех в душе каменело горе
Больше нет Камалова Хаджимурата

Из этого стихотворения очевидна внутренняя несовместимость того мира, в котором есть подлинная жизнь и смерть, – с блудливой Болотной, ее ксюшами, димами, лешами, борями, ленями, сережами, витями...

А как же власть и Путин? Хоть с чертом, лишь бы против большевиков – так говорили донские казаки в Гражданскую.

Химеры власти, ее контуры и черты, расплывающиеся во мгле суетного времени, все же менее противны, чем этот компот городского мещанства, его коллективное эго, его желейное тело.

Всякая власть от Бога – даже коварная и пошлая, ментовская и криминальная.

Так же как от Бога снег и дождь, пожары и наводнение. От нее можно укрыться, как от стихии. Может она и убить, подобно стихии.

И против нее можно и должно бороться, как против мора, глада и саранчи, семи казней, посылаемых Господом.

Человеческое же море – иной природы. От него не защитишься иначе, как идущим от сердца и из глубины криком: «Это я, Господи! Да будет воля Твоя, да придет Царствие твое! Я – оружие в руках твоих, поступи со мной по Воле Твоей!»

И море, рыча и голодно урча, отступит...

Но зверь коллективного и властного, тысячеголовый и похотливый, выходит именно из него.

Эта книга о том, чему и почему нельзя ни за что поддаваться.

И том, что дает нам силы к сопротивлению.

ВЕРА: ОБЩЕЕ В БОРЬБЕ

Кто наши враги и почему мы должны крепить единство?

Противодействие неолиберальному катку не только необходимо или возможно – оно является условием нашего продолжения в истории.

Для этого мусульмане должны стать мусульманами, а христиане должны стать христианами.

Люди, не имеющие примерного представления о религии, могут сформировать только синтез чего-то такого спиритуалистического, комфортного, необязательного.

Все усилия настоящих верующих православных и настоящих верующих мусульман должны идти в России на укрепление горизонтальных, социальных и культурных связей.

Мы не обсуждаем веру друг друга. Мы не комментируем вероисповедальные принципы. На это – табу.

И это табу должно идти изнутри конфессий. Не православные должны следить за тем, чтобы мусульмане не критиковали их там каким-нибудь образом, не обижали их.

И наоборот – не мусульмане должны отслеживать какие-то высказывания православных по их адресу. Изнутри должны идти эти запреты – по отношению к другим.

Это политический вопрос. Пусть он в какой-то мере ущемляет свободу слова.

Но в нашей ситуации есть реальная угроза внешнего врага, есть реальная угроза превратить наши общины в инструмент внешних сил.

Эти силы действуют от имени материализма, потребления, духовного разврата, кощунства,

идолопоклонничества – всего того, что у верующих православных христиан и мусульман ассоциируется со злом, с Антихристом или даджалом.

Общая борьба с этими силами, которые хотели бы поработить наши народы, – это принципиальная позиция, которая должна быть принята как позиция политическая. Потому что так сейчас надо.

Прозелитизм между монотеистами сейчас неверен, неправилен, ошибочен. Он ослабляет единый фронт борьбы.

Единый фронт борьбы против нового языческого Рима, против Запада, против идущей оттуда унификации, которая делает наших женщин, христианок и мусульманок, доступными всем.

Унификация лишает наших мужчин мужского достоинства, меняет их пол. Против этого надо выступать единым фронтом, выдвигая концептуально пространство традиционных ценностей, основанных на вероисповедании наших общин, наших конфессий.

Я в своей жизни общался с самыми радикальными людьми, людьми самых радикальных взглядов. В том числе и в исламских общинах. И они мне говорили: почему ты так знаешь все хорошо, много знаешь, а не принимаешь ислам?

Я им отвечал: потому что я верю в Бога. Не хочу никого обижать. Мы верим в одного и того же Бога. Мы верим в то, что мы умрем, в то, что мы предстанем на Страшном суде.

Давайте предоставим Всевышнему судить о наших делах. Судить о том, ради чего мы жили в наш короткий исторический период, как мы справились с теми задачами, которые Всевышний перед нами поставил.

Ведь это же не случайность, это ведь не игра, что каждый из нас был рожден в это смутное, страшное время XX–XXI века.

Во время, которое диктует нам особые правила, отличные во многом от правил Средневековья, когда человек был целостным.

Когда у человека не было на руке тикающего времени. Когда человек измерял свою жизнь часом молитвы, часом церковного колокола или азаном, который звучал с минарета.

А сегодня человек живет в расколоте пространства, в расколоте времени, в расколоте мире. Правила поведения – другие.

Предоставим Богу – Богово. А человеку оставим возможность думать о том, к чему его призвал Бог, и сопротивляться тому, что уничтожает в нас человеческое.

А человеческое в нас только то, что связано с Господом Богом. В этом я уверен на сто процентов. И в этом моя политическая, мировоззренческая и жизненная позиция.

Так страшен ли нам русский бунт, бессмысленный и беспощадный?

Россия – страна особого религиозного сознания, сочетающего в себе и глубокий «естественный» мистицизм, и столь же глубокое «естественное» богоборчество.

Еще Достоевский показал отсутствие рационализма в движениях «русской души». Даже «бессмысленный и беспощадный» русский бунт – бунт не столько против обстоятельств жизни, сколько против навязанной извне необходимости самой жизни.

Признание реальности бытия этого ИЗВНЕ диктует и взаимоотношения с ним – или вышеупомянутый истерический бунт («но так, чтобы и все вместе со мной исчезло!»), или полное религиозное смирение, церковная красота которого, собственно, и «спасет мир».

Подобная глобальность, воспринимаемая тонким европейским сознанием как признак варварства, лежит в основе знаменитого русского мессианства, до сих пор насыщающего евразийское духовное пространство.

«Излечить» Россию от этой религиозности можно, только полностью уничтожив ее иррациональную «почву», бросив страну в иные, прагматические миры – миры «всесторонне описанного Бога», поставленного на службу человеку и обществу.

Эпоха советского тоталитаризма, нанеся страшный удар по внешним формам проявления религиозности, не затронула ее «почвенной» основы. Вера большинства населения СССР в торжество социальных идеалов (от коммунистических до советско-имперских) подтвердила эту гипотезу.

Вера необходима России как воздух – вопрос только в формах этой веры. Большевики ловко использовали этот «вопрос формы», предложив народу в качестве варианта вышеупомянутый «бунт».

Поставив перед Россией сверхзадачу лидерства в деле изменения мирового порядка, они потянули ее в бездны «провоцирования» Апокалипсиса.

Осмелимся предположить, что любая иная идея (парламентаризм, права трудящихся, всеобщая грамотность и даже социальная справедливость) не подняла бы массы народа на масштабную братоубийственную (а по сути своей почти религиозную) войну.

Но бунт не бесконечен – прошло время, и «русская душа» потянулась к свету, пытаясь вернуться к своим исконным корням – к традиционной религии.

Традиционные религиозные организации России оказались не готовы к духовному лидерству. Достаточно спокойно существовавшие в выделявшейся им социально-духовной нише, они долгое время боролись в основном лишь за изменение обстоятельств своего существования (больше храмов, учебных заведений и т. д.).

Иные сферы деятельности – духовные – почти не затрагивались. Впрочем, в этом трудно кого-либо обвинять – любые попытки борьбы с идеалами, выдвигаемыми властью, были бы тотчас жестоко подавлены.

Советская власть со всеми ее «духовными глобализмами» рухнула за пять лет. Это крушение, по крайней мере с 1988 года, сопровождалось так называемым «религиозным возрождением».

Сегодня, по прошествии некоторого времени, отчетливо видно, что радостная эйфория по поводу тех событий оказалась несколько преждевременной.

Возрождение обернулось в основном восстановлением имущественных и общественных прав традиционных конфессий, без какого-либо серьезного их проникновения в сферу духовной жизни народа.

Привыкшие к жизни в советском болоте, они продолжали действовать по принципу «кто сам к нам пришел – тот и наш, а других нам не надо».

Но свято место пусто не бывает – инертность одних компенсируется активностью других. Русская религиозность требовала и требует форм – на пространстве постсоветского хаоса «кто смел – тот и съел».

Неужели, например, православные, не возражающие против государственных карательных мер в отношении «тоталитарных сект», не понимают, что те мальчики и девочки, которые толпами ушли за «дудочкой» Марии-Дэви-Христос в «белое безумие», могли пополнить православную Церковь?! Но их жажду религиозности утолили другие «ловцы душ». Какие к кому претензии?

Другой, не менее серьезный по своим последствиям внутренний конфликт современной России заключается в появлении достаточно широкой, уже не западной (в терминологии XIX века), но западнообразной, чиновничьей и интеллигентской, прослойки.

«О, лучше бы он был холоден или горяч!» Слова из Апокалипсиса Иоанна, адресованные «ангелу Лаодикийской церкви», вполне применимы и к этим людям.

Дело не в их атеизме (русский атеизм вполне в религиозном духе) – дело в их безразличии ко всему, кроме обстоятельств жизни.

Если до революции они только угадывались, потерянные среди общего кипения и борьбы, в раннее советское время отсиживались в стороне, а в

хрущевско-брежневские годы формирования пристойного в глазах «мирового коммунистического истеблишмента» полезли наверх, то сейчас – их время.

Это не Ставрогины, не Карамазовы, не Верховенские, это даже не Смердяковы. Это подлинная «третья сила».

Дьявол, патетически воскликнул Достоевский, борется с Богом, и поле этой борьбы – душа человека. А если не борется? Если «консенсус»?

Не холоден, не горяч разум «консенсуса» – позитивистские рационалистические религии современного Запада как раз по нему. «Бог любит вас» и «Как попасть на небо» – простые истины раздавались пачками на станциях Московского метро.

Но осмелимся утверждать, что в России эти игры даром не проходят. То, что так модно называть «конфликтом архетипов», приобретает в российских реалиях страшный смысл.

Позитивистское безразличие современных образованных слоев России, карикатурно повторяющее естественный позитивизм западной цивилизации, вступает в жестокое противоречие со слепыми духовными метаниями населения страны.

В духовных недрах России вызревают опасные плоды. Ничего еще не кончилось – русский бунт только взял передышку, русская душа пока не утолила жажду жизни и смерти.

Неужели не ясно, что дикое увлечение населения нашей страны магией и колдовством не имеет ничего общего со спокойным «бытовым эзотеризмом» new age США и Европы?

Что эти «странные люди», маги и волшебники, просто так получают колоссальную власть над толпой? Власть, не снившуюся никаким Гитлерам, – власть религиозную! Какова «их религия», кому она подсудна?

Нерелигиозной Россия быть не может – тогда она просто перестанет быть Россией. Стало быть, вопрос выбора религии для нее – вопрос первоочередной.

С этого выбора она когда-то началась при князе Владимире. При другом Владимире она сделала оборотный выбор. При ком произойдет еще одна перемена?

Какая нация нам нужна?

Без христианства нация, которая сформировалась как нация христианская, бесспорно скатывается к совершенно тяжелейшим глубинам подсознания, языческим.

Этому пример дала Германия. Поднимаются те глубинные силы, которые многие века зажимались христианством и загонялись как бы вовнутрь. И отсюда появляется чудовищная иррациональная жестокость, отсюда появляется и то, что принято называть фашизмом, который противопоставляет себя христианству.

Что касается лозунга *«Русь святая, храни веру православную»*. Этот лозунг не вызывает у меня возражений. Другое дело, что мы называем *«Русью святой»*. Если Русь святая – а так оно и есть, как мне кажется, – это Церковь православная.

Лозунг *«Церковь православная, храни веру православную»* настолько очевиден и бесспорен, что с ним даже спорить не приходится.

На территории России не христиане дают пример нации. Может быть, это общность метафизической идеи формирует из племен нацию.

Вполне допускаю, что атеистическая, а скажу более жестко – и антихристовая идея может сформировать некую новую общность, которая также будет нацией. Почему бы нет, собственно говоря?

Другое дело, что, если мы взглянем в душу этой нации, мы увидим там только пульсацию крови, такой родовой крови, которой будут приданы черты какого-то нового человечества. И это не может вызвать ничего, кроме ужаса!

Потому что, все-таки вглядываясь в душу христианского народа, мы видим в глубинах этой души как таящийся потенциал греха, тяжелого греха, абсолютно любого, но также мы видим и свет Христов, и способность к покаянию, способность к раскаянию, способность к спасению, в конце концов, способность к самопожертвованию.

Мне кажется, что атеистическая нация, атеистическая русская нация может быть сформирована в России совершенно спокойно. И это будет нечто, что сумеет противостоять истории России прямо, жестко и совершенно конкретно.

С чем нам невозможно согласиться?

На Западе можно свободно увидеть похабные фотографии, продающиеся свободно, на которых папа и Дева Мария или какие-то святые Церкви изображены в чудовищно похабных ситуациях.

Поэтому могу сказать, что в Европе существует не просто антикатолическое, или какое-то антиправославное лобби, или антиисламское, или антииудейское, а в принципе лобби, ненавидящее все, что связано с религией, с этикой, с моралью.

Лобби, ненавидящее и принципиально пропагандирующее самым грязным, мерзким и похабным способом, который можно назвать старым русским словом «пашквильянство», свои антирелигиозные взгляды.

То, что в Европе ведется война против религии в целом, – это, безусловно, правда. И католическая церковь, безусловно, является объектом атаки и со стороны левых. Так что очень серьезная ведется война.

Уважаю людей верующих, верящих в ту этику, которая испокон веков формировала человеческую цивилизацию и культуру.

Верующие в современном мире представляют собой меньшинство – атакуемое меньшинство, унижаемое, оскорбляемое меньшинство.

Почему-то конституции современных государств, особенно западных, написаны в интересах атеистов. Они постулируют атеизм и безбожие как некий принцип организации общества и государства.

Меня спрашивают: а как тогда людям договориться, если каждый будет твердить о первостепенности своей религии? А зачем договариваться, когда Богу – Богово, а кесарю – кесарево.

В этой жизни, мне кажется, надо придерживаться моральных норм, одной из которых, в частности, является неоскорбление веры другого человека.

При этом я являюсь противником публичной пропаганды безнравственности, гомосексуализма, гей-парадов и всей этой мерзости - потребления наркотиков и всего прочего.

Мы все умрем, нет человека, который бы не умер.

Вот, умерев, мы и узнаем, кто прав, а кто неправ. Предоставим Господу решать, как нас судить - на Страшном суде.

Мы не Европа? И слава богу!

Между Россией и Западом идет война. За человека и то, каким ему быть. Пока холодная, без артобстрелов, но уже настоящая – без дураков.

На Западе и в России одновременно принимаются взаимоисключающие законы.

Запад легализует гомосексуальные браки.

Россия запрещает даже пропаганду гомосексуализма. Под запретом, по сути, Запад и его гей-законы.

Россия не хочет отдавать им своих детей и ставит под сомнение ювенальную юстицию.

На Всероссийском родительском съезде Путин сказал, что «следует избегать слепого копирования чужого опыта, в том числе и по причине небесспорности этих моделей управления общественными явлениями в данных сферах и в тех странах, где наиболее широко применяют правила так называемой ювенальной юстиции».

В переводе на простой и понятный язык это значит – «то, что даже и немцу не хорошо, то нам вообще и на фиг не надо!».

Понимание, что мы с большинством западных людей принадлежим, скорее всего, к разным гуманоидным видам, внешне похожим, но внутри уже принципиально иным, не только не покидает – усиливается и укрепляется.

С этим непросто смириться – ведь мы привыкли думать, что там живут люди, о которых мы читали книги, смотрели фильмы.

А оказывается, там живут какие-то иные существа, совсем не похожие на тех, к кому мы привыкли!

Старый мир Запада с его образами людей, жаждавших свободы и ненавидевших тиранию, злодеями и героями больше не имеет смысла.

Похоже, что и человек как индивидуум на Западе тоже больше не имеет смысла.

Человека там, похоже, отменили.

Вместо него учредили налоги, законы о правах и обязанностях, торговые и туристические центры, места отдыха и развлечений.

Бизнес, образование, кредиты и информацию, заполняющую каждое мгновение времени, втягивающую душу и мозг в непрерывное проживание чужих жизней и судеб.

Больше нет греха или святости – есть желания, возможности их достижения и разрешение общества.

Это раньше человек был грешником – когда еще был человеком. Ведь грех – человеческое понятие. Теперь, когда он официально не мужчина, не женщина, а просто гражданин и партнер (пол не важен), греха нет.

Принятый во Франции закон «Брак для всех» фактически отменяет в гражданском кодексе понятия «мать» и «отец», «мужчина» и «женщина» и вводит понятия бесполой существ: «родитель А» – «родитель Б».

Мы, по большому счету, то, что сами о себе придумаем, и то, на что решимся.

Маленький капрал становится императором Франции, а сын грузинского сапожника – повелителем половины мира, живым богом и надеждой угнетенных большей части Земли.

Тяжелобольной верит в исцеление – бросает костыли и бежит, крича от радости.

Герои были строителями истории, символами того, что все можно изменить.

История кончилась – герои объявлены антиобщественными элементами, опасными и

зловещими. Их заменили спортсменами и актерами.

Вера антиобщественна, религия радикальна и создает неравенство – вот тезисы неолиберализма, написанные над входом в тюрьму современного мира.

Одна из величайших тайн человеческого бытия в том, что любое общество бесчеловечно и тотально.

С точки зрения общества свобода воли – явление крайне опасное. Оно ведь не нуждается в разрешении.

А разрешение на то, чтобы быть свободным, – одно из важнейших свойств общества.

Собственно, война общества против человека и заключается в желании узурпировать все формы личной свободы, придав им характер общественной санкции.

Общество порождает бюрократию – управленческую, экономическую, культурную.

Именно бюрократия заведует разрешениями от имени общества человеку быть человеком (общественным, разумеется).

Бюрократия – это не обязательно квадратные дядьки в костюмах и галстуках. Бюрократия – это сегодня и неолибералы-гомосексуалисты в джинсах и свитерах.

Помню, однажды одна депутат бундестага от фракции зеленых (естественно, лесбиянка) сказала мне: «Мы будем прививать гомосексуализм в немецких школах, чтобы понизить тестостерон, который создает угрозу нацизма».

Говорят, доктор Менгеле был вивисектором над живыми людьми – над десятками, может быть, сотнями несчастных узников.

А сознательное и проектируемое изменение психологии и биологии миллионов – как назовем?

Итак, Запад идет к тому, что человек, как он понимался на протяжении истории («дьявол с Богом борется, а поле битвы – душа человеческая»), больше так пониматься не должен.

Ни тебе дьявола, ни Бога - одна душа и предлагаемые этой душе и придуманные разными дядями и тетями «правовые коридоры» и психологические сценарии.

Поневоле укрепляешься в мысли, что монотеистическая религия, вера в единого Бога (иудаизм, христианство, ислам), поставившая человека в центр истории, есть величайшая форма защиты от этой уничтожающей человека силы.

Монотеизм говорит о человеке как о главном творении Бога, как о Его заместителе на Земле.

Я даже не обсуждаю сейчас, есть Бог или нет. Я говорю о том, что в монотеистических цивилизациях этот тезис является своего рода защитной грамотой каждого человека от всеобъемлющего желания общества подчинить себе человека до самой последней его мысли и чувства.

Религия есть свобода от человека ничем и никак неотъемлемая.

В финале оруэлловского ужаса «1984» главный герой, признавшись под пытками, что он агент всех разведок и террорист всех терактов, отпускается палачами только тогда, когда под страхом перед крысами, способными выгрызть ему глаза, передает возлюбленную: «Не меня - Джулию!»

И палачи его отпускают. Он им больше не нужен - в нем нет личного, нет тайного укрытия любви, делавшего его иным, антиобщественным...

Он встречает возлюбленную и понимает, что она тоже предала его, - герои Оруэлла сломаны, и у них больше нет личной тайны. Они полностью принадлежат обществу, и у них больше нет от него защиты.

Сила монотеистической религии в том, что Бога предать невозможно - даже отрекаясь от Него, человек способен вернуть Его себе в любую секунду. Простыми словами: «Прости меня!»

А вместе с Ним вернуть и свободу – быть грешным или праведным, но самим собой, а не таким, как прикажет партия или парламент с газетами и телевидением.

И никому об этом чуде не докладывать и не сообщать. Эта свобода принадлежит только ему – человеку, решившемуся поверить.

Россия сопротивляется Западу и тому, что там происходит, пока по инерции.

Наши начальники всех мастей инстинктивно чувствуют – что-то не так. Сомневаются и не верят глазам и ушам своим. Понимают спинным мозгом, что, имея дело с Западом, они имеют дело с чем-то страшным, что уже никогда не отпустит.

Но ведь на Западе так комфортно и клево – там деньги и удовольствия, там статус и технологии...

Плата за вход – разум, как прочитал однажды герой Германа Гессе на воротах, нарисованных на стене. Я скажу так: плата за вход – ты сам.

Уверен, что идеология сопротивления этому злу нового либерального тоталитаризма будет развиваться и формулироваться именно здесь, в России.

Только в ней три монотеистические религии встречаются и находят возможность приемлемого и равного диалога об общем кошмаре, наползающем на человека.

Важно только понять, что из невнятного ощущения неприемлемости легализации «голубых» по пацанским принципам необходимо пройти путь до философского и политического осмысления того, почему мы – люди, а они там, похоже, уже не совсем.

Необходимо оказывать поддержку сопротивлению – христианскому, исламскому, иудейскому, традиционалистскому – там, на Западе.

Это сопротивление людей, которых там пока еще очень много против нечеловеческого, которого все-таки

уже больше.

Ведь Запад же зачинает, рождает и пестует у нас своих неолиберальных «постчеловеков».

Они появляются не от союза мужчины и женщины – от мощной медийной машины пропаганды отсутствия греха и культа потребления вкупе с требованием «общественных прав» и ненависти к православию, исламу, иудаизму.

И естественно, все это под ласковым взором щедрых западных фондов.

Это война – сражаться без понимания, за что ты воюешь, значит, заранее проиграть.

А у нас на это просто нет права – ведь похоже, что мы – один из последних оплотов человечества и человека.

Что такое «либеральное безумие»?

В ноябре 2009 года Страсбургский суд удовлетворил иск итальянской гражданки Соиле Лаутси, финки по происхождению. Она настаивала на том, что наличие христианских распятий в школах – в классах в Италии везде висят распятия – нарушает родительские права на светское образование ее детей.

Пароксизм шизофренического либерального безумия очевиден в этом иске, как видны и внутренние противоречия Европейского союза.

Греки, например, не пускают на Афон женщин. Кто-то подаст скоро иск и против Афонского синода, потому что феминистки и лесбиянки хотят прорваться на Афон и загорать там топлес. Этот вопрос поднимался уже неоднократно – почему, мол, такая дискриминация?

Я являюсь сторонником человеческой свободы. Если есть люди, которые при виде креста начинают дымиться, которым не нравится вид распятия, то, мне кажется, этим людям надо пройти обряд изгнания бесов.

Они явно одержимы, потому что род сей боится поста и молитвы и крестного распятия, крестного знамения боится. Это мы знаем из истории человечества.

Конечно, если данная финка, или какие-нибудь еще финки, или кто-либо еще полагает, что Бога нет и все это только такая символика пустая и бессмысленная, то тогда, конечно, их не переубедишь.

И если они думают, что это их право так считать, тогда и у католиков и католических родителей, и православных родителей есть право иметь распятия и иконы, символы веры в классах.

Если есть хоть один ребенок-католик или православный в этом классе, если, конечно, мы еще не дожили до того времени, когда просто людей за их веру в Бога будут бить, гнать и преследовать.

Мне кажется, что можно оставить в покое и мусульман – как они ходят, закрывают лица или не закрывают их женщины.

Тут все видели фотографию жены президента Саркози, где она, голая, демонстрирует всему миру свою грудь. А мусульманкам, значит, закрывать свое лицо нельзя?

В современном мире люди одеваются как хотят, делают себе операции – мужчины меняют пол на женский, женщины на мужской меняют пол. Но именно к верующим надо цепляться – запрещать носить хиджаб, кипу, кресты.

Кстати, к буддистам никто не цепляется. Почему-то цепляются только к монотеистам, цепляются только к мусульманам, христианам и иудеям.

Понимаете, далай-ламе, да хоть он прошел бы по всей Европе, только будут кланяться, руки ему целовать и говорить: «Как хорошо, что вы приехали, ваше святейшество».

Почему мы должны ориентироваться на мнение людей, которые активно борются против религиозных символов, против религиозных норм и против религии?

Почему эти люди, эта небольшая группка одержимых, должны задавать тон в современном обществе? Хотя верующих в нем гораздо больше, гораздо больше.

Почему эти революционеры либеральной модернизации должны диктовать волю подавляющему большинству населения Земли, которое является религиозным?

Мне кажется, что это дико. Это пленение верующих в некоем гетто.

Ну хорошо, уберут они из классов христианскую символику. И повесят при этом портрет какого-нибудь атеиста, например Джордано Бруно.

А если этот портрет оскорбляет чувства католиков? Вот смотрят они на Джордано Бруно и думают: а ведь это человек, который пошел против церкви и был отцом философского атеизма!

Есть на Земле свободная страна под названием Сирия. В Сирии живут православные, монофизиты и мусульмане. В этой стране понимают, что вера – это личное дело каждого человека.

И там совершенно спокойно в школу ходят девочки в хиджабах, девочки с крестами православными, с покрытой, непокрытой головой, общаются.

Вот так и должны жить люди в свободном мире, в мире, в котором уважается вера и содержательная часть жизни другого человека.

Почему с прибытием Депардье русских прибыло?

Почему такая ненависть к Депардье у либерал-шпаны («пьяница», «бездельник», «бежит от налогов...» и пр.) и такая симпатия у народа (быдла - по определению либерал-шпаны)?

Почему такая опасливость по поводу Депардье, несмотря на положенный чиновникам восторг (Путин принял!), у правящей номенклатурной касты?

Потому что либерал-шпана и номенклатура хотят одного и того же - создания в России эффективного общества и государства западного типа - машины перемалывания в социальную труху человеческих судеб и жизней.

Одни - господством спекулятивных форм производства денег (власть банкиров и шоу-бизнеса), другие - эксплуатацией недр и дойкой бюджета (власть чиновников и госкорпораций).

Но обе эти силы, как лев и крокодил из известной притчи, хоть и дерутся, соприродны: мечтают пожрать человека, каждый на свой лад.

Депардье всем своим видом (расхристанность на встрече с Путиным и т. п.), всей своей киножизнью показывает, что именно человек-бунтарь - свободный и азартный, опасный и разный (злой или добрый, не важно) - является его главной мечтой и образом.

Все герои Депардье - асоциалы, практически все.

И комический преступник из фильмов с Ришаром, и галл, дурачащий империю и императора, и конечно же незабываемые герои (уже ветераны!) войны против общества из фильмов Бертрана Блие.

В Депардье народ чувствует и опознает своего, народного артиста.

Ведь тайна (любого!) государства в том, что оно всегда инструмент войны правящих элит против народа.

Главная задача любой власти – продолжаться во времени.

Не позволить народу или порождаемым народом героям отобрать власть, нарушить систему гармонии вертикали – вот забота правителей.

Власть – самодостаточна, эта ценность осознается только теми, кто познал ее. Для остальных она – теория.

Демократия, монархия, деспотия – только ширма, прикрывающая подлинное господство нескольких десятков, может быть, в случае США, сотен семей. Они вне закона, вне конституций, вне всех этих глупостей. Они – власть.

Потребление, развлечения, информационная завеса – все годится, чтобы умалить энергию народа в борьбе за оспаривание власти у правящих элит.

Это оспаривание – один из его первичных и главных социальных инстинктов.

Даже не владея политическим, философским, методологическим инструментами анализа и понимания истории, народ чувствует на уровне инстинкта самосохранения, что правящие элиты – его смертельные враги.

Господа, пожирающие его жизнь, отведенное под них единственное и неповторимое время.

Пожирающие привязкой к труду (не на себя), кредиту (который бесконечен), медиабессмыслице (которая не дает сосредоточиться), отсутствию тишины, в конце концов.

Отсюда такая инстинктивная любовь народа (сознание которого сегодня предельно зомбировано потреблением и шоу-бизнесом, гонкой по кругу в духе «зарабатывай, чтобы тратить» и т. п.) к асоциалам, даже преступникам.

Господство блатной культуры, цыганщины, шансона – доступная необразованному в структурализме и социопсихологии народу форма стихийного культурного протеста.

Жерар Депардьё – глубоко народный артист.

Судя по его фильмам, Депардьё органически ненавидит буржуазный истеблишмент.

Миллиардер и владелец винных подвалов? Самый популярный актер Европы конца XX века ненавидит буржуазный истеблишмент?

Конечно, актер и его роль – не одно и то же. Нас предостерегают об этом тысячи кинокритиков. Они вопят об этом и умоляют нас не забывать.

Но слишком уж показательна цепь его фильмов – «Вальсирующие», «Прощай, самец!», «Вечернее платье», «Слишком красивая для тебя»...

Даже Ватель с его самоубийством из-за того, что вроде бы не доставили рыбу к трапезе короля, а по сути, из-за невыносимости сосуществования свободного и страстного творца с миром жрущих и блудящих господ.

Остановимся на «Вальсирующих» – одном из первых фильмов Депардьё.

Два подонка (но каких обаятельных, каких завораживающих!) ведут индивидуалистическую войну с обществом – с помощью воровства, насилия, секса и постулирования этики свободного человека, твердо знающего, в чем добро и зло, и выбирают конфликт там, где они сталкиваются с обществом и его феноменами.

Они буквально прут навстречу этому конфликту. И не потому, что так написали в газетах или рассказали в университетах.

Их враги персонифицируются в парикмахерах, платных врачах и тюремщиках.

Их антибуржуазность не подразумевает аскезы. Когда есть бабки (естественно, отобранные у буржуа),

герой Депардьё и его спутник шикают: дорогие машины, хорошие костюмы, лучшие рестораны, гламурные шлюхи.

И похоже, это не просто эпизод кинобиографии месье Жерара – похоже, он сам.

Кино вторгается в жизнь, как писали в советских журналах: последние два президента Франции символизируют врагов героев «Вальсирующих».

Саркози – мент и тюремщик, Олланд – из семьи отоларинголога (не жителя социального квартала, естественно).

Можно выносить де Голля – аристократа и солдата, можно выносить Миттерана – масона и социалиста, можно вынести д'Эстена, даже филолога Ширака...

Но вороватого и как-то жалко распутного (бросившего жену ради манекенщицы, почти шампунщицы, как по сюжету Блие) тюремщика или примерного тихушника-социалиста выносить невозможно.

Против этого восстает душа Франции – страны Вийона, Рембо, Бодлера, де Местра, де Сада, Жида, Блие и Депардьё. Страны, во многом породившей и сформулировавшей философию радикального бунта личности против системы.

И душа Франции (то, что от нее осталось) бежит, эмигрирует...

Почему в Россию? Говорят, налоги меньше... Возможно... Но не думаю.

Дело, кажется, в том, что Россия при всей видимости государства и его надутых щеках – страна, хранящая в себе «тайну беззакония» (по Достоевскому). Тайну последнего, глубинного сопротивления человека и человеческого беспощадной машине закона, порядка и социума.

Даже на уровне криминализации всех слоев общества, приоритета и права силы во всем – от

экономики до политики.

Это насилие и произвол, как ни странно, более человечны и позволяют в большей мере сохранить в человеке человеческое (пусть и за счет неприятия и сопротивления), чем социальный зоопарк «цивилизованного мира».

Лучшим умам и сердцам Франции это понятно, как в никакой другой стране.

Русский бунт – бессмысленный и беспощадный? А французский с гильотинированием святых на фронтонах готических соборов – осмысленный?

Эта страна тоже прикоснулась к «тайне беззакония», причастилась ею. Пусть и более рационально.

Не в таком масштабе, как мы, но, кажется, мы понимаем друг друга с полуслова – и левые, и правые. И Селин, и Арагон, и Аполлинер – в России их читают.

«И пью я эту воду как огненную боль, и огненную боль я пью как алкоголь»... Это понятно русскому.

Депардье – наш. В России стало больше на еще одного стихийного анархиста.

И слава богу! Это делает ее еще более русской.

Зачем нужна религиозная журналистика?

Религия должна быть не способом спрятаться от мира. Религия – это вызов миру. Свеча зажженная не ставится под стол, она ставится на стол, чтобы светить всем.

Многие приходят в религию, религиозную журналистику, чтобы создать мир сублимированной веры, сублимированных человеческих отношений.

Среди многих верующих господствует представление, что вот мы в Церкви, а за пределами границы – зло, грех, Вавилон, которые надо ненавидеть, презирать и игнорировать.

Это глубокое заблуждение. Если свеча ставится под стол – в ней нет смысла; если соль теряет силу, зачем нужна эта соль? Это очень важно.

Если вы верите, что ваша религия, то, что является светом вашей души, – это истина, ради которой стоит умереть, – смотрите смело в глаза миру и преображайте этот мир, атакуйте!

Позиция верующего – это всегда позиция священной войны. Нечего прятаться за то, что у мусульман есть джихад, а все остальные – покладистые лапочки.

Верующий должен занимать наступательную позицию. Религиозная журналистика должна противостоять обществу потребления.

Современный сатанизм – это общество потребления, превращающий человека в матрицу эмоций и психических состояний.

Надо открыто выступать против ростовщичества, против ростовщического процента, который прямо запрещен в Библии.

Когда православный журналист пишет об экономике, он об этом должен писать, о том, что греховно делать деньги не на труде, а на продаваемом воздухе, что это сатанизм.

Есть несколько очень важных принципов, которых надо придерживаться в публичной жизни, – с кем нельзя вместе есть, что нельзя вместе пить, с кем нельзя вести бизнес. Их никто не отменял, но православные живут так, будто этих правил нет.

С одной стороны, все хотят следовать букве как начетчики, а с другой стороны, «надо понимать все в духе времени». Так и до браков между мужчинами дойти можно.

Здесь должна быть борьба, постулирование своего взгляда – вот это и есть религиозная журналистика.

Джулии

А жизнь – это что? песок или ветер?
или камень застывший под диким небом?
или удар какой-то огненной плети?
или повод сказать, что не знаю, не был...

Россия так красива холодным утром
когда все мучительно месят будни
я стал таким тоскливым и мудрым
как сидящий у дороги усталый путник

ты там с воинами да с поэтами
в мире, где нет места дурацким слухам
и не слышишь меня поэтому
своим точеным красивым ухом

а я в стране заполненной монстрами
уродами разными безобразными
они себя полагают острыми

а также синими, белыми, красными

они думают, что жизнь – это мельница
что мелет для них хлеба подовые
а я знаю, что жизнь – метелица
и камни, камни к бою готовые

к рукам, глазам, мозгам и отчаянью
к печали, плачу и послесловию
я так люблю тебя, что случайно
чуть было не стал твоей черной кровью

Россия – вот оно то осеннее
что мучает душу и глазу нежное
безбрежной нежности отнесение
мое к тебе бесконечно прежде

МЫ - РУССКИЕ!

Почему мы на стороне беглых каторжников?

В Перми инкассатор Александр Шурман ограбил инкассаторскую машину. По опросам социологов, 58 процентов жителей Перми не стали бы сообщать о беглом инкассаторе в правоохранительные органы.

В обычаях русского народа не сдавать лихого человека полиции. Это всегда считалось плохим делом. Даже песня такая есть - «Славное море священный Байкал».

Там человек бежит с каторги, и ему помогают - парни махоркой, девки что-то тоже приносят. Вот и инкассатора этого не захотели сдавать. Значит, жива еще душа народа. Все равно его поймали.

Хотят сделать из нас швейцарцев, которые, если на асфальт окурков бросишь, сразу звонят в полицию. Окурков на асфальте у них, конечно, меньше, чем у нас, это хорошо. Зато и мы не швейцарцы, слава богу.

Да, мы другие, мы хаотические, мы безумные.

Такой он, слава богу, русский характер. Поэтому я горжусь своей страной и характером моего народа. Хотя окурки - это, конечно, безобразия.

Мне кажется, что русские люди глубже. Это по-русски - считать, что, если человек пошел на злодеяние, значит, у человека этого такая боль, или беда, или такие мотивы, которые разрывают его связь с миром.

У нас роман об этом написан, который весь мир читает, - «Преступление и наказание».

В любом случае в традициях русских людей входить настолько глубоко в мотивы преступника, что чуть ли не начинать ему сочувствовать.

В этом – душа народа. Тут ничего не поделаешь. Слишком уж наш народ страдал всегда. От власти страдал, от кого только не страдал.

Переделать душу народа, конечно, есть желание, особенно у городских, у столичных жителей, но я надеюсь, что ее не переделаешь, что она такой уже и останется.

И русские люди не перестанут сочувствовать беглым каторжникам, и помогать заключенным не перестанут, когда те станут бежать, и не будут выдавать их полиции.

Солженицын писал, что сталинское время сильно изменило характер людей – начали выдавать беглецов из лагерей, хотя никогда не выдавали до этого.

Значит, восстанавливается душа народа, если сегодня выдавать беглецов тоже не желают. Пусть полиция ищет тех, кто бежит.

Все ли русские националисты являются таковыми?

Символом москвича и русского для меня является Пушкин – маленький чернявый человек с жесткими курчавыми волосами, с такими губами, шлепающими одна другую, с длинным носом, небольшого роста, со смуглой кожей.

На Манежной он наверняка был бы забит просто в мясо, как там были забиты в мясо несколько чернявых русских подростков, которые были русскими, а совсем не кавказцами, хотя это, конечно, не оправдывает.

Но почему это так? Потому что Достоевский русскому человеку сказал, что Пушкин являет собой русского человека, каким он будет через двести лет. В Пушкине нам явился прообраз русского всечеловечества.

Какую альтернативу мне предоставляют под видом русского разные политтехнологи и разный космополитический сброд, который формирует этот новый этнический конфликт в России?

Какие-то странные русские, которые закрывают лица, ходят в масках, чего-то боятся, которые не похожи на русских, которые матерятся.

Я бываю на форумах русских националистов – там стоит мат-перемат, там обещают друг друга поиметь в разные места, там они так себя ведут, как никогда в истории русские себе не позволяли.

Ни у Афанасьева, где русский народ использовал низовую культуру для описания разных комических отношений, ни у Даля, ни где-то еще.

А русские националисты никакие не русские. Поэтому я отказываю им в том, что они русские, и говорю: Россия для русских, а не для этого сброда. Это

не про них Суворов когда-то сказал: «Господа, мы русские! Какой восторг!»

Когда Суворов стоял и говорил это, на него смотрел князь Багратион, на него смотрел Кутайсов, турок по происхождению, на него смотрели те люди, которые преодолели Альпы и своими штыками проложили себе путь через Италию и через Швейцарию.

Русские – это те, кто признает русскую идею, русский исторический проект. В истории Россия была явлена нам, по крайней мере пока, в двух ипостасях.

Первая Россия – это Россия имперская, которая созидалась в истории как военно-аристократическая империя, и русскими назывались те, кто включался в этот процесс.

Мы, русские, очень воинственная нация. Мы завоевали половину мира, мы подчинили огромное количество народов, которые включались в нас, русских, которые становились составной частью нашего русского.

Князь Михаил Багратион, грузин, на Бородинском поле, получая тяжелое ранение, говорил, что он русский офицер.

Кутайсов, тяжело раненный и убитый на Бородинском поле, говорил, что он русский офицер.

Первая русская военно-аристократическая империя закончила свое логическое существование в начале XX века, потому что она подчинила себе такое количество новых национальных и цивилизационных анклавов, которые она не смогла переварить.

Ни грузинская, ни азербайджанская, ни польская буржуазия не могли кооптироваться в военную элиту империи. Элита империи их не принимала.

Потом появился советский проект, который дал новую жизнь русскому проекту в истории. Это был проект огромной тотальной модернизации, который,

кстати, на первое место поднял Кавказ, грузина Сталина.

И кавказцы для вас, господа русские националисты, возглавили величайший в истории русского проекта победоносный момент – разгром соединенных войск Европы, которые сюда пришли нас всех поработить и уничтожить.

Характерно, что эти враги кавказцев сегодня сочувствуют Гитлеру, что они обожают неонацизм, тайно или явно, зачитываются писаниями и мемуарами немцев.

Теперь перехожу к третьей ипостаси России. Так как мы, русские, являемся нацией, которая всегда была связана с государством, с государственным проектом, с историческим проектом, мы никогда не были этносом в истории.

Это, наверное, тяжелая страница нашего исторического развития. Вокруг нас были этносы. Нас, русских, постоянно мобилизовали для государственных политических и исторических интересов.

Сегодня у нас появилась возможность третьей эманации русского проекта, уже в демократической форме.

Считаю, что мы, русские, должны вырвать из рук космополитического глобалистского отребья все лозунги о демократии, о свободе, о либерализме, о свободе слова, о свободе религии, о свободе частной собственности, о свободе торговли, о свободе любой собственности.

Потому что это русские идеи. Потому что за них столетиями проливали кровь русские мальчики.

Это было квинтэссенцией всей исторической борьбы и судьбы многонационального русского народа, который хотел выйти на историческую арену.

То, что сейчас происходит, – это провокация этницизма под видом якобы русского движения.

И хотя лиц этих людей я не видел, они в масках, может, они вообще не русские, может, они по-русски плохо говорят, не знаю, но у меня есть такое подозрение.

Все эти этнические, якобы «русские», группировки являются глубоко враждебными русскому проекту. Думаю, что их нам специально подсовывают, что их специально актуализируют те, кто является врагами исторического русского проекта. Те, кто не хочет, чтобы Россия продолжалась в истории как демократическая империя, подобно США, чтобы были созданы Соединенные Штаты Евразии, если угодно, в которых торжество закона, гражданских прав будет превалировать над всем остальным.

Думаю, что этнический проект выгоден прежде всего бюрократии и олигархии, которые вместе повелевают сегодня постсоветским пространством и которые хотят нас всех разделить на какие-то странные группировки – фанатов, русских, нерусских...

Не важно, кто вы по этническому происхождению. Важно другое – признаете ли вы русский исторический проект?

Признаете ли вы государство, которое теперь должно быть построено как демократическое, как союз, если угодно, этничностей, как союз традиционных образований, религиозных общин, как союз коренных народов, которые живут на этой земле?

Вот это и есть русский проект, который в последнем своем воплощении назывался Советский Союз. И сегодня мы должны начать борьбу за то, чтобы русский проект имел форму демократической евроазиатской страны.

В чем великая тайна России?

Существует мнение, что в каждом городе находятся люди, которые празднуют 6 июня день рождения Пушкина. К сожалению, таких людей в нашей стране с каждым годом все меньше.

Напомнишь какую-нибудь цитату стихотворную из Пушкина – молодое поколение не понимает, кто это написал и откуда это идет.

Вместе с тем, как сказал Достоевский в своей «пушкинской» речи, Пушкин является тем русским человеком, каким он явится через двести лет.

Пушкин – маленький, похожий на цыгана, кучерявый человек – сегодня на современной российской улице был бы остановлен полицейским патрулем для проверки документов.

Скорее всего, он не носил бы с собой паспорта, по свойственной Пушкину расхлябанности. Он был бы идентифицирован как гастарбайтер, притворяющийся русским.

Тем более что он говорил по-русски с легким французским акцентом. Но полиция не уловила бы, французский это акцент или таджикский, например.

Думаю, Пушкин был бы препровожден в КПЗ. Там бы ему как следует вломили, потому что он требовал бы, чтобы ему дали позвонить государю императору, с которым он был лично знаком.

Потом, может быть, разобрались бы. Приехали бы в больницу, где Пушкин лежал бы с проломленной головой, принесли бы цветы и сказали бы: «Мы не знали, что вы, оказывается, не черный, а наш, русский!»

А мы-то реально знаем, что Пушкин – всечеловек. Мы дышим его стихами. Пушкин и создал русское. Он

создал то, что мы собой представляем – по языку, по способу мышления.

Его «Руслан и Людмила», «Повести Белкина», «История села Горюхина»... Его «Маленькие трагедии», его «Евгений Онегин»... Его поэтическое вдохновение и является нашей коллективной душой, во многом ее описывает.

Когда думаю о Пушкине, мне всегда становится легко. Я люблю бывать в Пушкинских Горах, в Михайловском. Гулять там – между Михайловским, Тригорским. Это потрясающие места!

Недавно я ездил в Болдино. Там Пушкин написал свои величайшие стихи. Он написал там «Маленькие трагедии».

Это такие святые места, просто удивительно! Ты гуляешь, все так живо. Пушкин был органически связан с живой жизнью, так вот, она сохранилась.

Там такая водится легенда. Когда в 30-х годах прошлого века снимался фильм про Пушкина, был жив якобы человек, который ребенком застал Пушкина.

Ну, якобы этот дед столетний сидел на крыльце. И подъезжает к усадьбе актер, загримированный под Пушкина.

Дед его увидел и вдруг с криком: «Барин вернулся!» – побежал к этому актеру, облобызал его и чуть ли не умер, счастливый.

Пушкина любили все. Когда пылали вокруг помещичьи усадьбы, болдинские крестьяне собрались на сход и постановили: не сжигать! И защитили пушкинский дом.

Это абсолютно аутентичный дом. В нем даже стоит пушкинский диван, на котором он валялся, грыз перья, когда писал «Евгения Онегина» и свои величайшие в истории русской литературы стихи.

Что говорить о значении Пушкина! Есть люди, которые лучше меня, точнее меня и сильнее сказали о

том, чем является Пушкин для нас.

Пушкин живой. Не знаю, как другие, а вот Пушкин точно – живее многих живых.

Мне хочется, чтобы мы думали о Пушкине. В нем есть какая-то тайна, тайна русского, которую почувствовал в нем Достоевский.

Тайна России – она в Пушкине заключена. Он является настоящей метафорой того, чем должна, чем может быть Россия, объединяющая разных людей в идее свободы, в идее справедливости.

В конце концов, его строчки, мне кажется, могли бы быть конституцией и гимном той России, которую я люблю и которую я вижу:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Не знаю другой такой заповеди, которая нам оставлена, как русским, на этой земле.

Зачем нам послан «ледяной дождь»?

В США, и в России, и в Европе сейчас все одно и то же. В Нью-Йорке люди тоже бурлят в аэропортах, штурмуют таможенные посты.

Так что это не только эксклюзивное качество российских граждан – сходить с ума в аэропортах, где они заперты по два-три дня. Любой человек в этой ситуации начинает нервничать.

Дело в том, что вся система нашего мира с его коммуникациями и зависимостью от технических, от электронных средств сделала, с одной стороны, наш мир очень плотным на вид, но, с другой стороны, очень хрупким.

Ну, представьте себе: XIX век, буран, вот вас на какой-нибудь станции застала метель. В «Станционном смотрителе» Пушкин описал это все.

У вас, может, тоска, а может, вы случайно замуж выйдете в метель. А сегодня в метель люди сидят в каких-то аэропортах и не знают, куда податься.

Раньше в метель, в ураган и в ледяной дождь у человека было гораздо больше свободы. Человек гораздо меньше связывал себя с внешними обстоятельствами, технологическими и социальными.

Сказал Христос: «Ничего не хотите иметь, не владейте ничем, и будете свободным». А когда вы хотите иметь и то, и се, и пятое, и десятое, то от этого все и происходит.

Птицы небесные не сеют, не жнут. Отец небесный дает им столько, сколько и вам не дает по вашим молитвам.

Сегодня метель, люди сердобольные подкармливают птиц. Но я бы только не птицам

небесным подсыпал, а попросил бы москвичей прийти на вокзалы.

Недавно уезжал с Ленинградского вокзала в Питер, а там опять появились несчастные бомжи. Стоят толпы при входе в метро, метро «Комсомольская».

У меня вот к товарищу Собянину вопрос, или к господину Собянину, как угодно: сколько еще в Москве можно будет видеть на вокзалах несчастных людей, у которых нет ночлежек, которые вынуждены греться у выходов из метро и встречать на морозе эту новогоднюю ночь?

Не знаю, может, их в кутузку всех заберут, свезут скопом, как зверей, и там они проведут несколько дней, чтобы не мозолить глаза светлому начальству и радующимся москвичам.

Но я вас прошу, дорогие москвичи, проявить солидарность именно с этими людьми. Мы должны что-то делать с ликвидацией фактически официального беспризорничества и бездомности в нашей стране и в Москве. Это позор нашей столицы.

К вопросу о том, что видят гости столицы с юга, например, когда приезжают в Москву на Казанский, или на Павелецкий, или на какой-нибудь другой вокзал.

Они видят бомжей и абсолютно брошенных на произвол судьбы людей, чего, кстати, на Кавказе быть просто не может.

Там нет стариков, которые в ужасе слонялись бы по улицам кавказских городов или по улицам аулов, и им никто никогда бы не помог. Этого не может быть в нормальном сообществе.

Вот в этом наша болезнь.

Жестокость здесь порождает легкомыслие и жестокость и в определении, скажем так, суммы наказания, которое людям дают.

Наряду с бомжами есть у нас и средний класс. У меня к этому среднему классу вообще особое

отношение. Средний класс – это те, кто полагает, что за свои заплаченные бабки они должны получить все и по полной программе.

Термин «средний класс» подразумевает, что есть некий низший класс – угнетенные пролетарии – и есть некий высший класс – аристократы.

А вот я себя не ощущаю никаким средним классом. Я не ощущаю, что наличие у меня определенной суммы в кошельке делает меня гражданином и человеком.

Совсем другие вещи делают таковым меня и тех людей, с которыми я поддерживаю отношения. Я представитель внеклассового общества, я стою параллельно по отношению к этому ко всему.

Средний класс – это те, кто уверен, что в жизни можно все обменять на некий эквивалент денег. Ну, вот им сегодня и показывают, что, во-первых, ребята, самый лучший ваш сервис, оказывается, не VIP, а во-вторых, Господа Бога не подкупишь.

Если Он хочет наслать ледяной дождь на Москву, а на Содом и Гоморру – огненный дождь, то так и будет, как бы вы ни рыпались.

Остается только одно – покайтесь. Что в новогодние дни всегда хорошо.

Почему так смертельна эта русская женщина?

Образ русской женщины в русской культуре и в русской литературе во многом исходил из понимания роли женщины в России, в Российском государстве и в российском обществе.

Женщины играли в России не просто большую роль, они играли в ней огромную роль.

Золотой век Российской империи связан с именем женщины, с именем Екатерины Великой (Екатерины II), которая умела обращаться с мужчинами и которая умела посылать мужчин, обязанных ей любовью, или верностью, или дружбой, или чем-то еще, на завоевание мира. И это завоевание было успешным.

Считаю, что образ Екатерины каким-то образом странно, неотчетливо довлел и над XIX веком, когда, собственно говоря, развилось в русской литературе видение женщины – женщины как героини.

Не думаю, что какой-либо культурный человек того времени мог отрешиться от своего лицейского, гимназического или университетского опыта, огромной составляющей частью которого было, конечно, изучение самого успешного времени русской эпохи, времени Екатерины.

Александра I, победителя Наполеона, называли ее внуком. Каким-то образом все связывалось с ней.

Конечно, образ императрицы довлел, я думаю, в понимании и видении Толстым, например, Анны Карениной, как это ни странно, Наташи Ростовской.

Для писателей, представителей образованного сословия, которые в юности изучали историю, это имело большое значение.

Конечно, это существенным образом определяло и образы женщин. Поэтому женщины в русской литературе всегда сильные.

Даже если женщина находится в трагической ситуации, подобно Соне Мармеладовой, она все равно не жертва, она героиня, которая преодолевает обстоятельства.

Вот в этом типе героической женщины я вижу архетип Екатерины, который довлел над женскими образами в литературе.

Даже Лиза Бахарева из романа Лескова «Некуда», прекрасная такая народоволка, за образ которой Лескова затравили всякие левые товарищи его и собеседники, она тоже, несмотря на то что гибнет, задавленная туберкулезом, все равно героическая женщина.

Никакой госпожи Бовари нет в русской литературе. Анна Каренина, которую, казалось бы, можно было сравнить с госпожой Бовари, с этой несчастной мещанкой, с ее холодностью к мужу и горячностью к любовнику, – этого ничего в Анне Карениной нет.

Она бросает вызов свету, мужу. Она бросает вызов машине, которой в ее сознании предстает достаточно достойный на самом деле человек – Каренин.

Каренин – тоже символ тех вельмож Екатерининской эпохи, которые все-таки побеждают женщину, Екатерину.

Ведь они тоже боролись с ней. Баба повелевает ими! Екатерина говорила про себя: «Я, конечно, императрица, но я ж тоже и баба». Есть такое апокрифическое ее высказывание.

Конечно, русские женщины всегда были, на мой взгляд, очень сильными. Вспомните «Капитанскую дочку», один из первых образов.

Марья Ивановна – тоже героиня, она тоже не жертва. Ее возлюбленного бросают в узилище, в

кандалы, а она доходит до императрицы – опять Екатерина! – и та решает, организует мир правильно, организует мир справедливо.

Я сейчас пытаюсь вспомнить какие-то трагические образы. Может, «Бедная Лиза» Карамзина? Но это скорее подражание французской эстетике. Это какой-то нерусский образ.

А дальше, смотрите, «Барышня-крестьянка», очень ловкая девушка. Все по-своему решает. А «Дубровский»! Как мужественно Маша себя повела!

Говорит: «Поздно – я обвенчана, я жена князя Верейского. Это мой муж, и я буду ему верна». Какие сильные, какие рыцарские образы, какие рыцарские слова!

Настасья Филипповна, Аграфена и Екатерина из «Карамзовых» – демонические женщины, демонические личности.

У них и судьба непростая. Гораздо более сложная, чем в реальности бывала, я думаю, в XIX веке у их прототипов.

Русские женщины в русской литературе являют собой замечательнейший тип.

Героини Гончарова – то же самое. Помню только, по моему, в «Обыкновенной истории» была такая несчастная Юлия, погубленная главным героем.

Приходит время героинь Чехова. Таких как бы героинь из такого мидл-класса, по тем временам из разночинцев.

Они все рвутся куда-то, чего-то хотят. Бросают вызов не просто обстоятельствам – не того полюбила, не с тем переспала, а как три сестры хотят изменять мир!

Они революционерки по духу. Вот кто такие русские женщины!

Это очень важный тип, который воспитывался на протяжении столетия. Они почему революционерки?

Потому что в них, на мой взгляд, незримо присутствует образ Екатерины, образ великих женщин XVIII века.

Образ женщин, бросивших вызов общественному мнению. Женщин, переписывавшихся с Вольтером, как Екатерина, или, как Елизавета, имевших мужа из певчих, украинского свинопаса Разумовского. Или Екатерина I – вообще же особый типаж такой: от Меншикова – к Петру и возведена на высший престол.

Так вот, революционный образ женщины – это как будто попытка женщины восстановить себя в статусе императрицы, повелительницы. Оказаться на гребне истории русской.

Женщина играет огромную роль. Вот и Лиля Брик, муза Маяковского. Она, конечно, не русская женщина, она еврейка, но вполне находится в контексте русской революционной семантики, в русской революционной метафизике. Это, конечно, уже несколько другая эпоха – эпоха советского времени.

Но образ русской женщины, как он создан русской литературой, представляется самым интересным женским образом, который только есть на земле.

Нет интересней, красивей настоящих женщин – русских женщин, не важно, национально они русские или у них там есть какие-то нюансы в происхождении.

Нет ничего интереснее этого их героического менталитета, менталитета вызова.

И кстати, сотрудничество с мужчинами – это очень важная черта русских героинь. Они всегда окружены мужчинами, которые имеют с ними какие-то важные отношения, как и Екатерина была окружена мужчинами.

Есть в Петербурге памятник – памятник русскому женскому началу. Стоит императрица Екатерина Великая, красивая, статная женщина перед театром на Невском, за Аничковым мостом, а вокруг нее мужики

стоят. По постаменту этого памятника - и Орлов, и Потемкин, и все другие.

Русская женщина окружена сообществом мужчин, которые почитают за честь иметь с ней отношения: душевные, любовные, дружеские, деловые. Это важно. Ради таких женщин стоит жить и стоит умирать.

И что нам в этом Достоевском?

Мое любимое произведение Достоевского - это «Преступление и наказание». Хотя все его романы, особенно написанные после тюрьмы, поражают воображение, пронизывают душу, буквально насквозь, и меняют личность человека.

Настолько этот роман втягивает во внутренние переживания, в мир героев, в проблематику и мотивы их действий.

После «Преступления и наказания» очень люблю «Бесов». Это глубочайшая и трагичнейшая вещь. Такое пронзительное и пророческое откровение не о будущем России.

Знаете, такой банальный подход советский, такое диссидентское литературоведение: вот Достоевский предсказал власть большевиков! Да ничего подобного!

Он предсказал и описал там вещи, по сравнению с которыми Октябрьская революция, величайшее событие в XX веке и в истории России, на мой взгляд, является, скажем так, частностью, является фактором.

Достоевский взял проблематику сознания масс, сознания лидера, большого мистического преступления, наказания. Проблематику власти.

Третье мое любимое произведение - это «Братья Карамазовы». Это вещь, которая поднимается до вершин таких обобщений, особенно в Легенде о Великом Инквизиторе, которую в трактате рассказывает Иван Алеше.

До сих пор еще, перечитав много раз эту вещь, до конца не сформулировал для себя какое-то последнее видение этого романа. Нет, нет и нет! Постоянно, раз за разом, каждый диалог, каждая цитата, каждое высказывание...

Поет ли и играет Смердяков на гитаре, говорит ли Иван с Алешей, речь прокурора, поведение Мити, слова старца Зосимы, мысли Алеши по поводу ухода из монастыря или о возвращении в монастырь...

Там нет проходных моментов, как и во всем творчестве Федора Михайловича.

Безумно люблю «Подростка». Это потрясающая вещь, читается на одном дыхании. В свое время мне очень трудно было подступить к Достоевскому.

В школе «Преступление и наказание» преподавалось так тяжело и мучительно, что никак не хотелось его читать, честно скажу.

И я так боялся браться за Достоевского! Но в восемнадцать лет я взял просто «Подростка», открыл и с первых же страниц не мог оторваться.

Он настолько попал, резонировал какими-то своими переживаниями, проблематикой. Потрясающая вещь!

Хотя она, может, и не так наполнена глубочайшими прозрениями, как «Бесы» или «Преступление и наказание», чуть меньше.

На пятой позиции для меня «Идиот». Возможно, потому, что я просто не дорос до него. Знаю массу людей, которые ставят «Идиота» первым романом Достоевского – самым лучшим, самым глубоким.

Конечно же мне бесконечно близки все его герои: и князь Мышкин, и Настасья Филипповна, и Рогожин, и генеральша, и Аглая. Там такие персонажи человеческие прописаны, которым ни прибавить, ни убавить.

Потом, конечно, «Записки из подполья» – очень яркая, интересная, жестокая вещь, поражающая воображение.

И тоже очень важная для той проблематики, которую Достоевский решал для себя: порядка, права, будущего, истории духа и смысла истории.

После «Записок из подполья», наверное, «Дневник писателя». Он лежит у меня на столе – это моя настольная книга, очень часто в нее заглядываю.

Рассуждения Достоевского о современной ему политике кажутся несколько наивными, честно говоря, для нас и даже для современников.

Константин Леонтьев очень любил издеваться над этими славянофильскими, балканофильскими воззрениями Достоевского, который никогда не был на Балканах и не знал, что там есть.

Леонтьев намекал, что надо просто побывать там, посмотреть, прежде чем так сильно любить болгар или сербов.

После «Дневников писателя» – «Записки из мертвого дома». Эта вещь, конечно, во многом инициировала написание «Архипелага ГУЛАГ». Но вместе с тем она более прозрачная, более ясная, чем «Архипелаг ГУЛАГ».

Она не политическая. Она о человеческих типах и о той важнейшей составляющей в человеческой жизни и в душе, становлении человека, которой является свобода.

Тюрьма – как максимальный формат лишения внешней свободы и максимальный формат возможности обретения внутренней свободы. Вот это мой рейтинг романов Достоевского.

У меня была в свое время идея, высказанная в несколько игровой форме. Но чем больше я живу, тем более она мне кажется существенной.

В каждой цивилизации есть три фундаментальные опоры. Теодицея – учение о происхождении зла. Учение о социальной коммуникации. Учение об идеале духовном и социальном.

Если учение о социальном, духовном идеале – у нас это скорее наше святоотеческое предание, духовные старцы. «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», например.

У нас – это у русских. Я говорю об уникальной русской цивилизации.

Учение о социальной коммуникации – это Толстой, который перефразировал слова западного мыслителя.

В устах Толстого звучит так: если так получается, что злые люди объединяются ради злых дел, что мешает нам, людям добрым, объединиться ради дел добрых.

И Достоевский. Это, конечно, природа и понимание зла. «Легенда о Великом Инквизиторе» – это понимание абсолютного зла, доминантного, которое контролирует все составляющие жизни человека и которое отрицает Христа как свободу и как само отрицание власти.

Христос пришел к Великому Инквизитору, и Он молчит. Идет монолог Великого Инквизитора, который говорит Ему: зачем Ты пришел мешать нам? Мы все им дали, этим людишкам. Мы все им дали.

Мы дали им хлеб, мы дали им смыслы. Мы дали им свободу. Мы дали им даже Бога. Мы дали им фактически Тебя. А Ты, появляясь здесь, уничтожаешь образ Тебя. Завтра тебя сожгут.

И Христос встал и поцеловал его в сухие змеиные уста. И тогда Великий Инквизитор закрывает лицо рукой и говорит: иди и не приходи больше, никогда.

Это настолько точная модель власти – и на маленьком уровне, и на большом уровне, – к которой трудно что-то добавить еще. Ее надо осмыслять и осмыслять.

Великий Инквизитор есть сочетание абсолютного земного зла. Абсолютной тотальности господства клерикализма и земной власти, их сочетания. Это символ человеческой юдоли, в которой простому человеку уже не двинуться ни в какую сторону.

Достоевский дополнил это в «Дневнике писателя». У него есть мысль, я дословно не помню, мысль такая:

если так случится, что истина будет против Христа, то я буду с Христом против истины!

В чем истина? Истина в том, что ничего не изменится – сильный наверху, слабый внизу. Сильный пожирает печень, сердца и мозги слабых. Слабые дают свою кровь, свои жизни, чтобы сильные жили. История, время принадлежит сильным, принадлежит элите.

Христос это опровергает. Он бросает вызов этой парадигме. К нему приходят и богатые, и бедные. Он крушит троны и скидывает митры.

И этот Христос опасен Великому Инквизитору. И именно этого Христа, как абсолютного революционера, как абсолютного изменителя природы, прозревает Достоевский.

Достоевский заигрывает с консерватизмом, он считает себя консерватором, но он является одним из отцов русской революции, потому что русская революция – это революция против Великого Инквизитора, против абсолютной невозможности тому, кто был никем, стать чем-то. И семнадцатый год никогда не будет забыт.

Да, Достоевский был против социал-демократии, был против социализма, против революции. Вот такая вот кипа, против чего он был. Но, по сути, он был не просто большевиком, он был апостолом русской революции.

Даже вот в этой фразе – с Христом против истины, с духом свободы, с Тем, Кто принес освобождение.

Против Великого Инквизитора, против земных царей и всей этой земной юдоли, где правят деньги, где правят религии, где правят все эти законченные форматы, как у Экклезиаста: нет ничего нового из того, чего не было бы прежде, и ничего не будет.

Нет, будет! Христос это сказал. Русская революция это доказала. Она исчерпала свой ресурс, в ней не было религиозного фактора – это и погубило русскую

революцию в итоге, на мой взгляд. Это был один из факторов ее гибели.

И это для меня важно в Достоевском. Он для меня является ключевой личностью русского самосознания и русской истории, ключевой.

Он, Толстой и русские духовные старцы. Особенно – имеющие отношение к традиции нестяжателей, к нестяжательской традиции Нила Сорского и всего, что от него развивалось потом в истории.

Что мы увидели сквозь дым?

Дым над Москвой, дым в Москве лично для меня является, как ни странно, источником вдохновения и творческого подъема.

Это окончательно превращает Россию в пространство фантазий Стивена Кинга. Туман, сумерки, темные башни, встающие из сумерек, волки Калии.

Кинг описал бессознательное американцев, которые очень похожи на нас во многом – в их выбросах коллективного бессознательного, проявлений его в социальном, в политическом.

В реальности это кинговская Москва, Москва в туманах, в сумерках, в которых действуют, живут монстры.

Какой-то Ид – Оно или какие-то другие существа, которых мы не видим, но которые, имейте в виду, находятся где-то рядом подчас, когда вы идете в дыму.

Эта Москва, мне кажется, является невероятным пространством для глубоких внутренних размышлений, для глубокой внутренней рефлексии.

Она является пространством возможностей обращения к самим себе, к собственным страхам, к собственным надеждам и к собственным иллюзиям.

Когда в дыму скрывается морок внешнего мира, то внутренний морок, внутреннее смятение, которое нас охватывает, становится более ясным, более очевидным.

Это отчуждение, которое мы все переживаем сейчас, это и готовность бороться за близкого, чтобы спасти его от угарного газа.

Мгла клубящаяся вызывает к более ясному пониманию того, что с нами происходит.

Пусть атеисты считают, что это просто горят торфяные болота.

Полагаю, что это, безусловно, знамение Господне.

Господь в истории много раз насылал мглу и тьму народам, чтобы они опомнились, одумались, что с ними происходит. Он иногда посылает хвостатые звезды – кометы.

Пусть некоторые думают, что это просто глыбы льда, летящие в Галактике.

То, что с нами происходит, имеет значение в контексте тех интерпретаций, которыми мы обволакиваем происходящее с нами.

Стивен Кинг – это человек, переживший несколько клинических смертей, человек, который напоминает Америке и миру о том, что самое страшное и самое невероятное находится внутри нас.

Гибель, разложение и ужас современной России и всего постсоветского пространства как нельзя лучше виден в этом, казалось бы, скрывающем ясные контуры столичного города торфяном дыму.

Ты начинаешь замечать какое-то убожество дорог. Так мы ругаем дороги, когда мы по ним быстро едем.

Но когда ты едешь в тумане и видимость едва три метра, ты еще более отчетливо, более ясно в этом молочном свете видишь все детали, замечаешь все эти нюансы.

Как и лица людей, которые проявляются в тумане. Вот ничего не видно, белое полотно, и вдруг из него появляются юноша и девушка.

Их лица кажутся более прекрасными, какими-то более светлыми. Ты по-другому всматриваешься в эти лица.

Я пока не понял феномен этого явления, но, когда человек появляется из молочного-белого дыма, из тумана, он вдруг становится более интересным для меня, чем когда я просто при ярком свете вижу толпы, ходящие вокруг.

Вдруг в этом дыму начинаешь дорожить и как будто всматриваться в каждого человека, с которым ты имеешь дело или который просто проходит мимо. Этот дым что-то делает с нашей душой.

Он делает нас более чуткими. Как наши глаза напрягаются для того, чтобы пробить его мутную, белую завесу, так и наши внутренние глаза, глаза нашей души начинают напрягаться и делают нас более зрячими внутренне.

Такое вот у меня ощущение по поводу дыма и по поводу этого августа. Конечно, кисловатый привкус во рту, металлический такой, конечно, резь в глазах.

Но в целом мне кажется, что это начало какого-то важного и большого цикла в истории нашей страны.

Жара, невиданная раньше жара, воцарившаяся над Москвой. Я воспринимаю эту жару, помимо того что она приносит экономические или экологические проблемы, как начало огромного творческого этапа, этапа перемен.

Все великие цивилизации мира существовали скорее в жаре, чем не в жаре. В холоде выковываются люди стальные, невероятные гиперборейцы, которые приходят потом на юг и создают великие цивилизации.

Может, и для нас это сигнал, что мы должны остановить распад, который происходит в наших душах и в нашей стране, а может быть, и в наших странах.

Что мы должны перейти к созидательной фазе, фазе цивилизации, фазе, в которой мы - опять вспомним Стивена Кинга - победим чудовищ ужаса, страха, апатии, бессилия, которые порождаются нашими мозгами, нашим сознанием.

Кстати, ведь у Кинга очень важно, что почти все люди, которые сталкиваются с чудовищами и погибают в борьбе с ними, являются материалистами.

А те, кто изначально предполагает существование этих чудовищ, материалистами не являются и, по

крайней мере, если и погибают, то погибают в достойной борьбе с ними.

Так вот, пришло время, и мы должны перейти к борьбе с порождениями апатии, страха, убожества, материализма, склонности к деградации.

Поэтому благословляю этот дым, эту жару как начало страшное, кризисное, очень тяжелое начало большого и важного цикла в истории моей страны и в истории тех народов, которые по-прежнему ассоциируют себя с нашей общей судьбой.

этот день тяжелый страшный
день безбашенный вчерашний
день атаки день конца
день безумного певца

день в который тень пропала
день в который смерти мало
день в который все равно
тело выпрыгнет в окно

этот день убийцы века
зверя против человека
крови день и вечер тленья
день молчанья и старенья

комья грязи смех и слезы
гиацинты и мимозы
дым и дождь наискосок
боль стучащая в висок

этот день тяжелый страшный
день безбашенный вчерашний
день в котором нет начала
день в котором все пропало

вам ли думать о покое
вам железною рукою
выводящим имена
на пустых скрижалях сна

вам ли памяти уродам
что зачаты мимоходом
лезть из кожи в эту ночь
а потом пытаться прочь

вам ли бешеным наметом
без седла да по болотам
где то выпь то водяной
то туман стоит стеной

этот день тяжелый страшный
день безбашенный вчерашний
день в котором поле боя
день в котором за тобою...

ЛИБЕРАЛЫ

В чем сущность современной номенклатуры?

Наша бюрократия страшно далека от народа, и далеко не узок круг этих людей, а необычайно широк – шире, чем в советское время.

От народа наша бюрократия еще дальше, чем в советские годы. Тогда она имела хотя бы партийно-политическую ответственность, хотя бы в какой-то форме – в лице ЦК, обкомов и райкомов, которые могли как-то воздействовать на нее.

У нынешних бюрократов нет такого контроля, кроме внутреннего самоконтроля, в их случае – предельно убогого.

Они полностью, хотя и бессознательно, перешли к какой-то пародии на утопии раннего Средневековья относительно того, что внутренняя этика определяет, собственно говоря, и состояние сообщества.

И если будут созданы какие-то механизмы оценки эффективности их деятельности, которые, может, приведут и к сокращению все еще непрерывно растущего круга этих людей, которые по-прежнему страшно далеки от народа, то это можно только приветствовать.

Но самая эффективная борьба с бюрократией и коррупцией на моей памяти была в 40-х годах у товарища Сталина, когда он расстреливал разных чиновников, которые из Германии вагонами ввозили какие-то награбленные люстры и шубы.

С коррупцией-то справиться нельзя, так же как нельзя справиться с греховностью человеческой природы. Только постом и молитвой исцеляется это.

Сейчас у чиновников очень модно держать Великий пост. Теперь даже в некоторых госучреждениях, когда

приходят в столовую, друг за другом наблюдают, кто мясо ест.

Хорошо, если ты татарин, башкир или кавказец, то есть мусульманин, – к тебе претензии в душе, может, и предъявят, но не выскажут вслух.

А если ты не кавказец, не татарин, не башкир, да еще и мясо ешь в Великий пост – в некоторых госучреждениях на тебя ой как криво посмотрят. Ой как это может сказаться на твоей карьере!

То есть с поста они начали – теперь осталось к молитве перейти.

Я лично убежденный сторонник преподавания религии в школе и молитвы в госучреждениях.

Может, это поможет? Потому что род сей на самом деле изгоняется постом и молитвой.

Любые меры по устроению чиновничьего племени считаю эффективными. Важно только, чтобы эти меры исходили не от другого чиновничьего племени, а от политической силы.

Хочу, чтобы развитие государства определялось не бюрократической кастой, а политическим классом, политической силой.

В России политическая сила существует в зачаточном состоянии или в деградирующем. Но я верю в коллективную душу нашего народа.

Мизантропические мысли о зиме русской демократии

Что ни напиши сегодня об уличных демонстрациях «на Болотной» и «на Поклонной» – выходит барабанная трескотня «за честные выборы» или «против оранжевой угрозы».

Слоганы информационной войны виснут на ушах обывателя вчерашними макаронами, и далее все как в притче с волком, приходом которого тупо запугивал деревню пастушок, – исчезает как вера в то, что выборы были нечестными, так и ощущение, что оранжевая угроза так уж реальна.

Все бодрее работают механизмы социальной психологии – если у группы граждан возникло ощущение, что что-то должно вот-вот случиться, а оно все не случается, то надо бы самим взять да и «случить» нечто такое, чего душа просит, да язык назвать не поворачивается.

Иными словами, ружье, которое в первом акте упорно вешали на стену, начинает мозолить глаза, и чем больше драматург и режиссер уверяют труппу, что по ходу драмы убийства не предусмотрены, тем больше у актеров искушение сорвать ружье со стены и начать расстреливать зал. А режиссера и драматурга повесить. Потому что все равно уже все кувырком.

Возможно и обратное – полнейшая социальная апатия, отторжение от всего, что выходит за рамки личной жизни. Нечто подобное мы переживали в «путинское десятилетие», когда всем обрыдли выборы, импичменты, олигархи и президенты. Тогда «простая как мычание» безальтернативная и аполитичная с лозунгом «мы за власть» «Единая Россия», давившая своей бюрократической массой всякий росток живой

политики, казалась чуть ли не наилучшим выбором большинства.

Так или иначе – кризисный момент налицо. Из таких моментов складывается история, более того, вне таких моментов – она не история, а просто жизнь. Частная или массовая.

В этом парадоксе заключен секрет современной политики, адресованной массам.

Элитами она делает совсем не тех, кто способен рискнуть жизнью ради идеалов или хотя бы ради упоения властью, ее ледяным одиночеством. Не для гениев или злодеев современная политика.

Элиты современного «общества спектакля» – это исхитряющиеся придумывать сюжеты и находить под них бюджеты. Те, кто с помощью информационных технологий может развлечь современного скучающего городского человека, вывести его за рамки «частного» и при этом наполнить его застрахованную жизнь новыми сюжетами, хоть и пугающими, но в целом интригующими, затягивающими и безопасными.

Пушкин писал об обществе в женском лице, полагая его «чернью»:

Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна
И баснями питается она...

Наивно в эпоху демократий и прельстительности общественного спектакля цитировать высокомерное брюзжание аристократа.

Но под мельтешение болотной оппозиции, ее карнавальные ленточки, шарики, «садовые мирные автомобильные» демонстрации и упорное биение себя в грудь с криком: «Мы общество! Посмотрите на нас,

услышите нас! Мы имеем право!» – пушкинские строки сами приходят на ум.

Путин утрамбовывает информационный ландшафт выборной зимы масштабными статьями о всех аспектах внутренней и внешней перспективы России. Вместе эти тексты формируют политическую антологию – отталкиваясь от прошлого и вынося ему приговор, Путин втягивает мыслящий слой в дискуссии о будущем. В текстах премьера Путина не было обещаний – там сомнения, размышления, почти вопрошания.

Ловкий прием, знакомый опытным лекторам – заставить нерадивых и расслабленных студентов поверить в неуверенность, как бы не до конца компетентность преподавателя и вынудить их давать ему советы. Дать им ощутить свою значимость.

Он уже выиграл именно этим предложением «его поправить». Он, в отличие от оппонентов, провел классическую консервативную кампанию – с митингом сторонников, с текстами о России и т. п. По сравнению с его серьезностью уличная оппозиция начала в какой-то момент выглядеть просто лоботрясами, прогуливающими важное совещание.

Их тексты, которые можно прочитать на «Эхе» или еще «где-то там в Сети», даже самые резкие и антиправительственные из них, напоминают все больше просто шелест листьев летним вечером – вроде шумит в темноте, а кто, что – так и не проясняется никак.

5 марта они готовят бузу. При мысли об этом скулы сводит от зевоты. Как будто политтехнологи девяностых, не набравшие бумажек для отчетности перед заказчиком, срочно организуют «крутой перформанс», под который можно «кучу бабла списать».

С такой оппозицией об «оранжевой угрозе», пожалуй, даже вспоминать неудобно.

Но дело ведь не в них, не в актерах провинциального шапито, – дело в нас. Сумеем ли мы преодолеть скуку политического небытия и начнем ли всерьез относиться к нашим жизням в их политическом воплощении?

Россия истосковалась по реальной, весомой политической мысли. Горизонты земного, идеалы *«хотим как в цивилизованном мире»* тошнотворно скучны для большей части страны, прошедшей резню девяностых и сон двухтысячных.

Закончу еще одной мыслью Пушкина: «Россия по своему положению, географическому, политическому etc., есть судилище, приказ Европы».

Не значит ли это, что наше историческое бытие в очередной раз только начинается?

Ну почему они такие?

Министерство культуры приняло решение о временной передаче иконы Торопецкой Божьей Матери из Русского музея в храм Александра Невского, расположенный в элитном поселке.

Ну что же, если эта церковь открыта для всех, а не только для жителей этого поселка, тогда в этом нет ничего страшного.

А если она находится за охраняемой территорией, за шлагбаумами и охранниками с автоматами? Есть такие поселки по Рублевке, например Горки-8.

Там тоже есть церковь, посреди поселка стоит, вокруг автоматчики, и туда люди не могут пройти просто так, чтобы к иконе приложиться.

Это, конечно, безобразия и ни в какие ворота не лезет. Может, там живет какой-то важный начальник, в этом поселке, который является таким набожным. Или его жена является такой набожной...

Тогда ему можно предложить пойти путем, которым всегда шли православные люди, когда чудотворная икона одна, а желающих ее видеть в своем храме много.

Надо заказать в хорошей иконописной мастерской список с этой иконы, который, между прочим, тоже может стать чудотворным.

Поставить этот список в свой храм, радоваться и молиться. И благодарить Бога за то, что подлинник иконы Торопецкой Божьей Матери находится или в старинном русском городе Торопце, где ему положено находиться, где Божья Матерь, судя по названию, была явлена людям, либо на каком-то охраняемом пространстве – в Русском музее или в каком-нибудь храме при Русском музее.

Эта коллизия, скажем так, показывает лицо нашей современной буржуазии. В эфире программы «Судите сами» один кинорежиссер, когда мы обсуждали башню Охта-центра, сказал: богатые люди, которые купили землю, имеют право строить на ней все, что хотят.

Пришлось процитировать ему в ответ из «Казанского университета» Евгения Евтушенко:

Первогильдейно крякая,
набрюшной цепью брякая,
купчина раскорякою
едва подполз к стене.
Орет от пьянства лютого,
от живота раздутого:
«Желаю выйти тупова!
Рубите дверь по мне».

Наша буржуазия полагает, что, купив что-то, она купила и все остальное и какие-то большие права по отношению к другим людям.

Считаю, что это не так. Считаю, что, так же как можно поправлять зарвавшуюся милицию, так же надо поправлять и зарвавшихся буржуа, которые полагают, что древние иконы существуют для их коттеджных поселков и для их элитных домов.

В чем смысл быть «дюже знаменитым!»?

Вся эта история с «Правым делом» заставила меня увидеть лицо, внутренние позывы и психологический облик нашей либеральной интеллигенции.

Либеральная интеллигенция критикует власть за что – за авторитаризм. Власть авторитарна, душит. И власть на самом деле, мы знаем, авторитарна, душит и все такое.

Но при этом она душит и авторитарна с точки зрения некой социальной системы, которую ты можешь описать.

Либеральная интеллигенция любит Прохорова. Прохоров перед ними такая «нечечка», такой политический пророк, и спаситель, и надежда либерализма.

Человек, который сказал всей либеральной общественности: «Вот мои бабки, вот вы. Танцуйте канкан». И они все протанцевали канкан.

И готовы были еще протанцевать. И плевать им было, что устав партии был беспрецедентный, что сделали они его под Прохорова, чтобы он мог самолично исключить любого человека.

Партия была превращена даже не в бизнес, не в корпорацию, а в какой-то римский легион, когда децимация является способом поддержания дисциплины.

Человек уже на начальном этапе демонстрирует авторитарный взгляд на жизнь. Человек демонстрирует, что он презирает всех, кто хочет с ним работать и получать от него деньги.

Возможно, он имеет на это право, а возможно, не имеет. Потому что в желании людей работать, в том

числе в политике, нет ничего плохого, постыдного.

Он нанимает украинских политтехнологов, которые с чисто украинской непосредственностью увещивает всю страну его жуткими портретами.

Потому что их менталитет, который воспитан в современной Украине, заключается в следующем: «Если ты главный и богатый, то ты дюже знаменитый».

Вот и вся либеральная интеллигенция стала украинскими мещанами в одну секунду. Либерализма там нет. Нет там идеи демократии.

Те люди, которые побежали присягать ему за его деньги, иначе как лакеями, на мой взгляд, называться не могут. И в этом положении рабов они оказались по своей воле.

Теперь у «Правого дела» есть шанс уже не просто Прохоровым козырять или каким-нибудь другим лицом узнаваемым, а на самом деле декларировать принципы свободы, демократии, защиты прав человека, защиты частного и среднего бизнеса и человеческого достоинства.

Как продать Родину?

Слово «русский» для меня звучит особо. Для меня русский – это всечеловеческий, в понимании Достоевского. А в понимании организаторов Русского марша русский имеет этническую коннотацию.

Если русский – это этническое понятие и если «этническое русское» становится форматом политики, то для меня этот сепаратизм даже более опасен, чем те формы сепаратизма, которые возникают на окраинах России.

Считаю, что он абсолютно инспирируем, манипулируем теми силами, которые хотят распада Российской Федерации.

Когда Россия теряет свои объединительные, интернациональные начала, она превращается в инструмент внешней политики и внешних игр.

А организаторов Русского марша я считаю инструментом – сознательным или бессознательным – и оружием в руках тех, кто хочет распада России, отделения от нее Кавказа, других областей и создания этнических, якобы русских, а на самом деле абсолютно нерусских политических анклавов на территории бывшей РФ.

Пространство, которое вмещает территорию России, – это конструкция постмодернистского вида.

В нем очень мало политических векторов развития, в нем очень мало политических целей. В этом пространстве в основном решают проблемы по развиртуализации неких концептуальных форм.

А когда мы имеем дело с пространством постмодерна, то необходимо говорить о хозяевах дискурса, о тех, кто формирует эти политтехнологические и постмодернистские заказы.

Не верится, что в постмодернистском пространстве какие-либо концептуальные блоки возникают сами по себе. Они кем-то придумываются, кем-то создаются. Это слишком хорошо известно.

Это манипулируемые силы, это эхо бюджетов, заказов и реализация этих бюджетов, и воплощение этих заказов.

Меня давно занимает вопрос – почему либеральные СМИ пиарят Русский марш?

Государственные СМИ о русском национализме не говорят, но все оппозиционные либеральные СМИ отдают огромные полосы русскому национализму. Этот Русский марш присутствует во всех оппозиционных СМИ широко, прогрессивно и подробно.

У нас хватает тех, кто хотел бы продать концепцию той или иной России, кто напишет концепцию либеральной России или монархической России, патриотической или демократической.

Тут все торгуют концепциями своей страны и ищут партнеров во внешнем мире.

А когда им сужают этот сектор, этот рынок продажи, то они начинают нервничать, становятся правозащитниками, справа или слева кричат о нарушении свободы слова, эти торговцы образами своей страны.

Сегодня они создают идею русского фашизма, а потом продают ее Западу, чтобы показать, какая в России существует угроза.

Кому ОМОН не нужен?

26 мая 2011 года в Тбилиси был жестоко подавлен митинг оппозиции. Соль грузинской нации была на этом митинге.

Там были Ираклий Батиашвили, лидер национально-освободительного движения Грузии, один из сподвижников Мераба Коставы, и Сосо Джачвлиани, один из руководителей киностудии «Грузия-фильм», автор прекрасного фильма «Сваны».

Там были актер и писатель Гоги Кавтарадзе, актер и режиссер Дмитрий Аджания, спортсмен Лука Куртанидзе и многие другие, на которых ночью зверски напал грузинский спецназ. Были погибшие, были люди искалечены.

Характерно, что то, что произошло в Грузии, американцы никак не осудили. То, что происходило в России 31-го числа, чуть ли не на уровне Госдепартамента было осуждено.

Ведь когда свой сукин сын, типа Саакашвили, что-то делает, он всегда хороший. Когда делают другие, то они всегда плохие.

Чудовищный опыт Грузии, когда многие люди были избиты, арестованы, брошены в кутузку и некоторые еще неизвестно где находятся до сих пор и в каком они состоянии, – этот опыт должен быть учтен Россией.

Да, применение ОМОНа по отношению к митингам в России должно быть прекращено. Да, на территории России никакие мирные митинги разгонять не надо.

Не надо присылать ОМОН, не надо бояться людей, которые выходят на митинги требовать то, что они считают для себя важным, для общества, для страны, согласны мы с этими митингами или не согласны.

Даже если этот митинг неразрешенный, ОМОН – не способ воздействия на людей, которые проводят демонстрации.

Есть другие способы. Должны приехать начальники, должны приехать специальные люди, уполномоченные от политического руководства, городского руководства, поговорить с людьми и так далее.

Конечно, бывают ситуации, когда митинг является не митингом, а сознательной провокацией, которая нацелена на то, чтобы люди стояли, крутили головами в ожидании, когда придет ОМОН и начнет их бить.

Чтобы потом это сняли на камеры и, как говорится, все это пошло множиться как ужас, и страх, и кошмар.

Я боюсь, что российские власти в этот предвыборный год начнут нервничать, особенно в регионах, так как они должны отчитываться, что у них все стабильно и все хорошо.

Поэтому стихийные, спонтанные митинги, которые возникают в демократическом обществе, которые абсолютно нормальны, начнут в регионах разгонять.

Бюрократы, номенклатура ведут себя как быки. Они прут по прямой и все, что справа, слева от них колышется, воспринимают как угрозу себе.

Я надеюсь, что и президент, и его администрация, и премьер, и его правительство, и этот Народный фронт, и все остальные партии России последят, чтобы вот этим летом, этой осенью никакие демонстрации не разгонялись никакими жестокими способами.

Пусть это делает фашистский режим Саакашвили. Россия должна быть демократическим государством, а не государством, где существует фашистско-омоновский террор.

Что они дали России?

Считаю, что надо проводить ренационализацию наших ресурсов. По крайней мере, собственники и производители – те, кто добывает и продает сырье за границей, – должны быть, безусловно, зарегистрированы на территории РФ.

Деньги не должны уходить ни по каким схемам ни на Кипр, ни на Багамы, ни на Кайманы, ни в другие места. Надо остановить отток денег из страны.

Ресурсы страны, огромные, невероятные ресурсы, добываются самыми невероятными темпами, варварскими в том числе темпами, а стране от этого ни горячо ни холодно.

Дороги по-прежнему плохие, города по-прежнему производят диковатое впечатление, особенно провинциальные города.

Зарплаты людей, тех, кто работает в шахтах или на буровых, скажем так, ниже человеческого уровня. Их социальное обеспечение находится просто на каком-то низшем уровне.

А количество олигархов-миллиардеров, которые выставляются как кумиры либеральной экономики, растет. За время кризиса их число резко увеличилось в России.

Для меня это люди, которые свои бюджеты, свои активы увеличивают за счет финансовой спекуляции, безнаказанной торговли народным достоянием нашей страны.

Многие компании зарегистрированы за границей. А мне кажется, это неправильно, это превращает страну в колонию, когда налоги от продажи полезных ископаемых, которые, между прочим, принадлежат народу РФ, согласно Конституции, и которые неким

людям даются на определенных условиях, когда эти люди платят налоги не в России, а где-то за границей.

Эти деньги крутятся не внутри страны, а на них покупаются бесконечные футбольные клубы хоть в Лондоне, хоть в Германии. Я вот не понимаю, зачем «Газпром» купил «Шальке-04», вот хоть убейте меня!

Вот зачем вкладывать в эту фигню в Германии? У нас, что ли, некуда вложить в России деньги? В дороги нельзя вложить, в школы, в больницы, в создание рабочих мест?

Почему под созданием рабочих мест в России имеется в виду только создание каких-то заводов, на которых будут работать рабочие. А школы – что, не дают рабочие места десяткам тысяч или, может быть, сотням тысяч учителей?

Современные больницы не дают рабочие места врачам и медсестрам? Строительство дорог не дает рабочие места десяткам тысяч людей, которые могут трудиться на строительстве этих дорог?

Поэтому я отношусь к либеральным экономическим экспериментам в том виде, в котором они применяются в моей стране, крайне негативно. Ничего хорошего они в целом пока России не дали.

Зачем нужна национализация элит?

Парадокс власти в России состоит в том, что ее объем всегда побеждает ее содержание.

Грубо говоря, это означает, что, какими бы идеалистическими мотивами и идеологическими установками ни руководствовались пришедшие к власти и удерживающие ее группы или партии, все эти установки рассыпаются в прах перед потенциалом того огромного богатства, который дает господство над нашей необъятной страной.

Власть в России – всегда синоним контроля над ресурсом.

Именно так – правитель или группа правителей (партия), начиная с высоких слов о служении народу или отчеству, рано или поздно сталкивается с тем, что контролируемые, добываемые и продаваемые или обмениваемые ими естественные ресурсы страны дают им невероятное превосходство перед остальными – теми, кто от подобного контроля отрезан или исключен из системы получения дивидендов от его использования.

Именно вокруг этого контроля и начинают выстраиваться так называемые элиты, обеспечивая свои жизни, жизни своих семей, родов, приближенных, группируясь по признаку знакомства, происхождения, совместной учебы или порой по этническому признаку.

Элитами у нас называются те, кто так или иначе причастен к власти на всех ее уровнях. От высшего (имперского, федерального) до местного, порой местечкового. Элиты у нас – федеральные, региональные и местные.

Даже сами эти три уровня элит говорят об их привязке к системе управления страной.

Поэтому и проблема национализации элит – это, по сути, проблема национализации системы управления, переустройства ее деятельности в интересах того, чего нет и что декларируется, – российской нации.

Но именно в этом скрывается главная тайна российской государственности: система управления, властвования в России на самом деле не заинтересована в формировании независимого политического и исторического субъекта – российской политической и гражданской нации.

Это так потому, что, содействуя его формированию, она содействует возникновению того, что рано или поздно заявит о своих правах (отличных от прав системы управления, власти и контроля) на ресурсы огромной территории, объединенной в разное время под названиями Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация.

Итак, проблема национализации элит в России – в способности системы власти отказаться от соблазна властвования и перейти к служению народу, нации, людям, населяющим все эти огромные просторы.

Скажем прямо, государство в России не имеет такого опыта, и вся его история заключается в попытках власти уйти от прямой ответственности перед страной и создать всего лишь видимость таковой.

Кратко рассмотрим историю отношений власти и элит с народом и страной начиная с царствования Романовых, 1612 года – четыреста лет непрерывной войны с переменным успехом власти против подвластных.

Начало войны

Собственно, народ как субъект политической истории и истории вообще появляется в России в

момент изгнания поляков из оккупированной ими Москвы. Правящие элиты – бояре и приближенные к власти дворяне – в этот исторический момент в рядах борцов за национальные интересы практически не видны.

Власть становится настолько соблазнительным «яблоком греха», что они, в подавляющем большинстве, готовы признать хоть Тушинского вора (Лжедмитрия II, совсем уж не могущего иметь никакого отношения к Ивану Грозному), хоть католика Владислава, лишь бы остаться у системы контроля за ресурсом – у системы власти.

Что нам там писали в учебниках истории? Русь экспортировала пеньку, пушнину, древесину, соль и т. д.?

Поразительная черта российской власти всех уровней – она практически никогда не ориентирована на внутренний рынок. Размеры получаемых «в пользование» высшим слоем элит земель таковы, что доходы с них как бы и не умещаются во внутренний рынок страны – вывоз, экспорт становятся естественной формой получения дохода.

У кого более надежные и крепкие связи с «иностранными купцами», тот и солиднее, и основательнее.

Чем ближе к вершине власти – тем связи эти вернее и защищеннее.

Поэтому поляки в Кремле, Владислав на троне, хоть черт лысый – лишь бы при власти, при ресурсе, при кормушке – именно они синоним статуса и элитности.

У городских мещанства и буржуазии, у бедного служилого дворянства – иное отношение к власти.

Властью (контролем над ресурсом) они никогда не обладали и обладать не предполагают – Родина и вера имеют для них не относительное, но внятное и содержательное значение.

Это, по сути, их единственное подлинное владение – собственность и жизнь у них могут отнять «сильные мира сего». Времена Ивана Грозного и его походы на Новгород, Псков показали, что «богатства мира сего» для непричастных к «вертикали» есть понятие относительное.

Сегодня твое – завтра боярина, опричника, а по сути все царское.

Но то, что нематериально, – Родина и Православие – неотчуждаемо.

Так возникает национальное самосознание – в ляпуновском, а потом и мининско-пожарском ополчении. Не за миром сим идут люди, а за ценности неосязаемые и непродаваемые.

Ополчение изгоняет врага и отдает победу элитам – боярам и родовитым семьям, приближенным к системе общего контроля.

Земский собор – клятва власти (системы контроля) народу, осознавшему, что он, во-первых, есть и, во-вторых, что он – сила.

Никогда со времен древних русских городов, в которых вече призывало князя и изгоняло его по необходимости, Русь не знала подобной двухсубъектности – субъекта власти и субъекта истории.

Здесь начинается развитие параллельности существования и войны между государством (властью) и подданными (народом, нацией) в России.

Они по-разному видят смысл страны.

Для элит (царя и приближенных) страна – неисчерпаемый источник господства и укрепления тезиса о том, что самодержец, носитель власти, и есть воплощение высшего смысла России.

Его величие и могущество – их укрепление и защита – есть смысл жизни всех разумных существ, обитающих в государстве.

Гармония и симфония, сочетание того множества, что внизу, с тем единственным, что наверху, через служение – неоспоримая и религиозная обязанность всех.

Для народа – царь не враг. Он воплощение справедливости закона и порядка, охранитель народных принципов жизни, держатель «ключей справедливости».

Обширная земля с бесконечными ресурсами и бескрайними просторами подразумевает свободное распространение по лону этой земли.

Земли много – людей мало. Это соотношение делает людей свободными – хочу в Пермь, хочу на Урал, а хочу и в Сибирь.

Православие, лишенное доктрины папистского централизма, опирающееся на нестяжательское старчество и осифлянское монастырское землевладение (монастыри-города!), везде есть единое и свободное. Оно в беседах и спорах, в поисках и заблуждениях. Оно исполнено религиозной свободы – русское православие. Оно фактически есть политическая идеология из трех составляющих: учения о том, что Русь – последний оплот христианской истины; учения о неизбежности наступления Царствия Божия на Земле и учения о том, что «Дух Божий дышит аще где хочет».

Зачем власти земля (ресурс) без людей? Она просто ледяная пустыня, как скажет спустя двести лет Победоносцев.

Людей надо привязать к земле, к ресурсу – только вместе с ними он имеет смысл.

Для этого надо сломать сам дух сопротивления, возникший, окрепший и сформировавшийся в годы народно-освободительной войны.

И тогда власть придумывает церковную реформу – жутчайшее событие русской истории, известное как

раскол.

Эта реформа поразила русских людей в самое сокровенное и тайное место коллективной души.

Они не могли поверить, что именно царь, носитель и хранитель истины и свободы (православия, справедливости), затеял все это.

Они хотели считать виновниками реформы, обернувшейся расколом и гражданской войной, кого угодно – от Никона до тайных католиков и «жидов» в окружении государя.

Они не могли поверить, что такое вопиющее попрание того, что народ считал частью своей «святой святых» – церковной жизни, – может исходить от власти.

Царь ненастоящий!

А всего-то навсего власть хотела перехватить инициативу и освободиться от клятв, данных народу (нации) на Земском соборе, избравшем Михаила Романова.

Владение землей и живущими на ней, распоряжение их жизнями и плодами их трудов делало царскую власть настолько могучей, что ни в каких договоренностях с этими «подданными» она уже не нуждалась.

Соблазн абсолютной власти был слишком велик – ничто, казалось, не может помешать взять ее.

Необходимо было сделать две манипуляции – переключить созидание и хранение смыслов Православия на государство (чтобы никакие не монахи и митрополиты за них отвечали, а сам царь) и лишить земство (городское самоуправление) малейшего доступа к ресурсам.

Казалось, будет легко. На деле вторая половина XVII века – непрерывная и кровопролитная война власти против народа.

Подавляющая часть свободных русских людей (а таковыми были многие) не приняла произвола власти. Начался ропот – сначала на уровне теоретических споров и попыток что-то доказать.

С другой стороны, подавляющая часть властных и управленческих элит (за редким исключением ряда фамилий, например Морозовых и Урусовых) с радостью примкнула к формирующейся эмансипированной от ответственности перед народом вертикали.

Объединенные и обнадеженные возможностью избавиться от социально-политического партнера в лице народа, правящие элиты, объявив большую его часть раскольниками, то есть политическими преступниками, избавилась также и от моральной ответственности перед ними.

И в самом деле, какая моральная ответственность может быть перед почти еретиками?

Земля, труд, жизнь еретиков являются законной добычей истинно верующих и чад праведной религии.

Праведная религия оказалась просто той, которую формулировала власть.

Гроза не замедлила себя ждать – народ восстал.

Его самая сильная и свободная часть, казачество, стала катализатором гражданской войны, равной которой, пожалуй, не знала история Европы.

Религиозные войны между католиками и протестантами были все-таки войнами между представителями крупной землевладельческой знати, искавшей в религии обоснование своей власти.

Война, известная как восстание Степана Разина, была совокупной войной казачества, городского мещанства, земства, крестьянства и монашества (Соловецкий монастырь, защитники которого после

двенадцати лет осады были умерщвлены страшными казнями) против правящих элит, бросивших, между прочим, на подавление восстания иностранных наемников.

Эта война велась под религиозно-политическими лозунгами, составлявшими ее главное содержание, – по сути, восставшие требовали лишь одного, чтобы царь прогнал бояр (элиты) и вернулся к народу.

Увы, это было уже невозможно – вкус абсолютной власти над неимоверными просторами и неисчерпаемыми ресурсами оказался сладчайшим и невероятно пьянящим.

Вторая половина столетия – попытка через стрелецкое движение восстановить субъектность народа. Все потонуло в каком-то диком разгуле и анархии, в вырождающемся стремительно в сектантство расколе, в деградации правящей Церкви и власти.

Перед Петром Софья Алексеевна и ее советник Голицын, поворачивающиеся к Западу, чуть ли не тайные католики – метафора будущего безумного имперского времени.

Петр I подводит итог гражданской войне: Церкви больше нет – она приложение к царю и его воле, Руси больше нет – она лишь часть имени империи, руководимой иностранцами и иноверцами, власти больше нет – она превратилась в господство и деспотию, не терпящую малейшего сомнения в правоте ее действий.

Апофеоз этого кошмара – убийство царем собственного сына, а перед этим запарывание кнутом на его глазах его же матери – русской и православной Евдокии Лопухиной.

Народ, пораженный и раздавленный, уходит в прямом смысле в подполье – появляются секты, включающие в себя сотни тысяч, миллионы людей,

тайно бегущие от власти в поисках территории Святой Руси, свободной от этих правителей.

Мораль уходит из отношений правящей элиты с «людьми».

Последующая история XVIII века – история эмансипации элиты от каких-либо форм ответственности перед миллионами людей, проживающих в империи.

Все исторические документы буквально вопиют об одном и том же – все эти миллионы интересуют элиты только как податной материал, человеческий скот, с которого можно собрать денег на свои развлечения, чудачества и военные эксперименты.

Империя захватывает все новые и новые «податные территории» – земли, населенные украинцами, белорусами, поляками, башкирами, казахами, кавказцами и другими, – в крепостной и доходный бонус от обладания бесконтрольной властью желают превратить практически всех.

Ответ – Пугачевское восстание. Опять казаки, но на этот раз вместе с башкирами и татарами и конечно же под лозунгами «старой, народной веры».

Характерно, что Петром III Пугачев называется именно потому, что при этом несчастном императоре, убитом по приказу неверной жены, выходят некие послабления старой вере – народ, держащийся за «древнее благочестие» (а по сути, за тень и память свобод эпохи 1612 года), начинают признавать не за злодеев и опаснейших политических преступников, а за пусть и не совсем понятных, и не вполне правильных, но людей...

Ненависть к правящим элитам все же зашкаливает – но через пугачевские суды и царские расправы, через кровь и жуть начинает проглядывать пока еще тусклая надежда на перемены.

Екатерина замечает народ – именно с нее начинаются попытки установления контакта между высшей властью и страной.

Расправа над пугачевцами была ей, переписывавшейся с Вольтером и Дидро, европейской принцессе и повелительнице евразийских бездн, не в радость.

Но пойти против опоры трона, против элит, выкачивающих из страны жизнь, она не может.

Народ безмолвствует?

XIX век – эпоха открытия элитами и властью удивительного факта, что повелевают они не бессловесными животными, мнущими шапки и вычесывающими блох под нечленораздельное мычание «да, барин... сделаем, барин...», но сложным, духовно богатым, а главное, абсолютно параллельно с властью и правящими элитами живущим народом.

У народа своя вера – у господ своя. Сейчас в исторической науке считается уже почти доказанным, что большинство русских крестьян были никакие не никониане (принадлежавшие к господствующей синодальной Церкви, возглавлявшейся государем и управлявшейся обер-прокурором), а приверженцы разных староверческих и евангелических толков – поповских и беспоповских.

В начале XIX века власть с ужасом понимает, что она владеет «терра инкогнита» – страной, с которой она исправно, с помощью полутеррористических фискальных методов, получает налоги и недоимки, но которой она не знает и не понимает.

Образ Руси, России в народной душе совсем не тот, какой он в головах господ.

Когда Суворов восклицает: «Господа, мы русские! Какой восторг!», то франко- и германоговорящие его офицеры кричат ему: «Виват!»

А солдаты, уверен, даже и не понимают: почему эти странные господа и вдруг – русские?

Русские, по мнению народа, не владеют землей – земля Божия и человеку принадлежать не может. Грех посягать на Божие, на общее.

Русские, полагают в народе, царя уважают (всяка власть от Бога), но господ безбожных ненавидят (а какая не от Бога – та и не власть!).

Русские не хотят господства над другими народами – Бог дал много земли, лесов всем – и с басурманами, и с иноверцами ее на всех хватит.

Русские против тюрем и каторги – даже бегущих убийц и злодеев народ укрывает и не выдает (Бог им судья, а с господами Бога-то нет!).

Пушкин открывает элитам звук народной речи, ее ход и сложнейшее духовное содержание. Он слушает няню, слушает крестьян и записывает, запоминает.

У него, у первого, в «Капитанской дочке» заговорил народ – устами Пугачева, устами Савельича.

Весь век происходит сближение элит и народа. Выясняется, что это как диалог цивилизаций, контакт инопланетных разумов.

Все по-иному, все по-чудному! Национализация элиты обретает именно тогда свое почти современное содержание – представители властных кругов, дворяне и их бастарды, начинают испытывать муки совести за свое бесконтрольное в этическом, в политическом, в юридическом смысле господство над миллионами глубоких, содержательных, оригинальных, верующих, талантливых людей.

Появляется Герцен – отец его крупный крепостник. Но маленький Саша бегаёт «в людскую» – слушает и

впитывает. Его терзает стыд за то, что он, как ему кажется, паразитирует на жизни народа.

Этот стыд подточит и разрушит систему властвования – господство элит и приведет к 1917 году.

Народ у власти

Не марксизм, сколько бы ни трещала об этом советская пропаганда, был главной идеологической скрепой революции, но ненависть народа, выпестованная в трехсотлетней гражданской войне против государства и господ (элит), явилась ее движущей силой.

Эта революция была религиозной по своей сути. До нюансов – один историк заметил недавно любопытную деталь: «большаками» у староверов-беспоповцев назывались авторитетные лидеры общины, решавшие от имени народа его экономические и политические вопросы. Потому и большевики (случайный термин) якобы получили такую популярность – совпало с тем, что уже естественно и давно существовало как форма политической (религиозной) самоорганизации. Это, возможно, анекдот, но анекдот говорящий.

Советская (марксистская) власть случайно совпадает с вековыми чаяниями народа – впервые за долгое время элиты (пусть странные и чудаковатые) говорят о его ценностях и мечтах.

Объяснять успех советизации только террором – не понимать и не пытаться понять страну.

Народ увидел в революции подлинную национализацию элит – проведенную снизу, «человеком с ружьем». Царь еще в какой-то мере (особенно Александр III – любимый народом, издавший немало русофильских и простарообрядческих законов) отвечал образу союза с государством.

Но когда господа (элиты) свергли царя и решили «все себе хапнуть», ворон пугачевщины расправил крылья.

Не против власти как таковой поднялся народ, нация – против тех, кого считал на протяжении столетий чуть ли не оккупантами, кем-то хуже татар и монголов, которые пришли и ушли, а эти поселились.

Советская власть – единственная в истории России эпоха, когда стирается отчуждение между властью и страной.

Это, конечно, образ Русской революции показывает народу таковой природу власти – сама она себя такой не ощущает.

Опять старая беда – огромный ресурс (материальный, человеческий, информационный, военный), невозможность его в полной мере реализовать на внутреннем рынке и получение дохода (а стало быть, и контроля) за счет продажи ресурса вовне, на мировые рынки.

Народ становится ненужным (социальная обуза – все эти обязательства по медицине, образованию и т. д.) – парт- и совноменклатура эмансипируется все больше.

Фактически Ельцин – политический внук Сталина. Его государство с мощным управлением и силовым ресурсом как важнейшим фактором порядка порождает новую элиту.

Эта элита тяготится своими обязательствами перед нацией, народом. Эти обязательства кажутся все более пустой и бессмысленной болтовней. Естественное человеческое ощущение, что «я – хозяин!» при отсутствии внятной обратной связи (религии-то, кстати, у правящего класса опять нет!), приводит к окончательной эмансипации и пересмотру идеологических и мировоззренческих конструкций смыслов Революции.

Приходят 1991 год и гайдаровщина. Народ, вложивший все свои исторические силы в созидание своей вековой утопии (Царствия Божия на Земле) и зависящий от государства, как никогда в своей истории, беспомощен.

Он раздавлен и деморализован, такое ощущение, что это конец всего – нет ни смысла русской истории (он исчерпан), ни сил искать новый.

Власть правящих элит в 90-х абсолютна. Она вызывает в памяти эпоху Анны Иоанновны – абсолютно аморальную и чуждую стране, вызывает ненависть, презрение ко всему, что имеет корни внутри России (культурные, духовные, нравственные), становится отличительной меткой правящих элит.

Россия переживает худшие годы своей истории – годы отсутствия надежды на будущее.

Каким-то чудом часть правящей элиты понимает, что вместе со страной они потеряют и жизнь, и достоинство – те, кто продает Россию и презентует ее на игровом рынке как свою вотчину и имущество, даже не имеют российских паспортов – американские, израильские, какие угодно. Российское гражданство воспринимается ими как шутка.

Пьяный президент, падающий в оркестровые ямы и писающий около самолетов, только завершает этот трагический образ.

Жесткими, но необходимыми мерами происходит обуздание элит всех мастей – от федеральных до местных. Они собираются в единый каркас – нежелающие истребляются, маргинализируются, изолируются.

Задача – восстановить управление и внутренние связи, сформировать хоть какой-то авторитет у не верящего своим глазам мира.

Эта задача решается – все, что хоть как-то контролирует ресурс (имеет власть), согнано в единый

пул управления – вертикаль, пронизывающую всю страну. Эта вертикаль носит разный характер в разных регионах – политический, экономический, силовой, криминальный. Не важны методы (порой противозаконные и противоправные), главное – итог: каркас государственности собран. Неприятной, неэффективной, неотчетливой порой, но все-таки форма обретаена.

И народ, придя в себя после ужаса 90-х, начал поднимать голову.

Поражение «болотных» произошло не от любви к власти – от того, что они напомнили тех, кто куражился над страной в жуткие времена безвластия. Но это не значит, что современная элита, с ее силовой стилистикой и информационно-патриотическим господством, обожаема народом.

Его старые смыслы и старые песни не ушли и не забыты – просто люди отдышались и начали оглядываться по сторонам, вспоминать себя.

Период своеобразного нокдауна, после тяжелейшего исторического поражения русского народа (крушения социализма, обесмысливания его с духовно-исторической точки зрения), прошел. Доверие к Путину и его образу как к человеку, победившему 90-е, пока еще остается существенным. Но это не вечно...

У правящих элит впервые в истории России есть шанс избежать соблазна властвования над страной.

Не террористическим путем, но строительством демократических институтов (исходя из внутренних интересов) и включением народа в систему управления – через политические, рыночные, социальные механизмы – решить вековую проблему России – обеспечить мирный договор, а может быть, даже и взаимовыгодное существование между управленческой элитой (всегда стремящейся эмансипироваться от страны) и народом – нацией.

Это и называется национализацией элит. Время пока еще есть. Но его немного....

Почему деньги победили труд?

Советский Союз был страной великой, потому что Советский Союз ставил задачи масштабные, общепланетарные, обладал ядерным оружием, космическими войсками, делал ставку на новый тип экономики и на новый тип формирования стоимости.

Советский Союз не был нищим, он был бедным. Бедность – не порок, нищета – порок. Но выяснилось, что в данном случае природа человеческая сильнее природы политической.

Люди захотели быть богатыми – «как в Америке». И поэтому рухнул Советский Союз, по большому счету.

Масса людей неозвратно захотела быть богатой, состоятельной. Это пропагандируется Голливудом, пропагандируется всем-всем-всем. Это надо просто понимать.

Для того чтобы не захотеть быть богатым, надо иметь определенный духовный потенциал. Условно говоря, монах не хочет быть богатым, но никто не говорит, что это плохо или порочно.

Мы говорим, что – да, имеется такой типаж, что монах – это и есть образец человека. Но американское либеральное общество говорит: нет, не монах.

Для него образец человека – преуспевающий финансовый менеджер, который получает зарплату в миллион долларов и может позволить себе реализовать любые желания.

Монах усмиряет желания, отсекает от себя желания, а финансовый менеджер воплощает свои желания в жизнь. Это два разных типа видения человека.

В России монашеский идеал всегда был очень высок. Живым воплощением этого идеала были Сергей

Радонежский, Нил Сорский. У нас не было протестантской этики. В этом, в частности, одна из трудностей воплощения капитализма.

Социализм как аскетическое учение очень хорошо лег на русскую ментальность: мы всегда привыкали от чего-то отказываться. Это было в наших духовных практиках.

Социализм подразумевал отказ от личного ради общественного. Это во многом совпадало с религией, с религиозным взглядом на миропорядок.

Капитализм же, пришедший в 90-х годах в Россию, подразумевает, что, наоборот, свое личное ты ставишь выше всего. Это очень тяжело входит в мозги.

Это овладевает не очень большим в количественном отношении сообществом, порождая очень глубокие внутренние духовные и культурные конфликты как в России, так и вообще на территории бывшего СССР.

И видно, поэтому так тяжело приживается новое, либеральное мировоззрение в России, при котором если ты имеешь возможности, то все твои желания могут получить материальное воплощение.

Все, что ты хочешь! Если у тебя есть миллиард, ты можешь возжелать что угодно. Предела мечтаниям нет. И зачем человеку, имеющему миллиард, жалеть свою родину? Он будет жить там, где комфортнее, купит один особняк в Лондоне, другой в Калифорнии.

«Ты русский?» - «Я русский». Для него это становится лишь некоторым брендом презентации себя в мировом космополитическом глобалистском сообществе миллионеров и миллиардеров.

Есть идеалы монашества, отсечение соблазнов, бесребреничество, отказа от мира. И есть идеалы присвоения мира. Идеал либеральной экономики - это присвоение мира себе.

В современном мире деньги победили труд. А социализм - это было царство труда. Труд уважался и

ценился. Была попытка создать мир, где труд доминирует над деньгами. К сожалению, это окончилось неудачей.

Деньги победили. Труд не имеет больше никакого значения, потому что рабочий, который трудится десять часов в сутки в поте лица, устает, дышит вредными испарениями, получает от силы пятьсот долларов.

А человек, выходящий от дорогих моделей, с которыми он провел нескучно время, в пять утра возвращается домой из бара, потом в час дня садится за компьютер – и зарабатывает миллион долларов за минуту. И даже не вспотеет.

А рабочий должен за пятьсот баксов не просто вспотеть, а кровью изойти! Труд рабочего не имеет больше смысла. Он никогда не получит адекватного вознаграждения, реального эквивалента, оценки.

Труд является теперь способом затраты человеческой жизни. У нас нет никакого другого имущества, кроме жизни, которое нам принадлежало бы. Только жизнь.

Мы работаем, вкладываем свою единственную жизнь в то, что мы делаем, – и вот жизнь рабочего оценивается в пятьсот долларов, а жизнь креативного менеджера – в десять миллионов долларов.

Почему? Потому что так установлено в этом мире. Деньги диктуют статус. Статус рабочего, к сожалению, котироваться перестал. Аня Курникова стоит дороже, чем рабочий Красноярского алюминиевого завода. Факт горький. Но это факт.

Будут ли попытки восстановить справедливость? Всегда у человечества будет борьба духа и плоти. И всегда будут появляться аскетические учения, призывающие к отказу от мира этого ради спасения в мире том.

Социализм был как раз такой религией. Советский социализм – абсолютно аскетическое учение. В СССР не

было нищих. Были бедные, но не нищие. А сейчас есть богатые и есть нищие. И нищие объявлены неудачниками.

Советский эксперимент поставлен был на том, что неудачников быть не должно. Все должны быть примерно одинаково обеспечены. Выяснилось, однако, что в какой-то мере это противоречит человеческой природе.

Но в какой именно мере – в этом мы до конца так и не разобрались. Вопрос об основной причине крушения социализма остается открытым.

Какая такая «элита»?

Есть Россия, какой ее видит правящая элита, та элита, которая полагает себя победившей в ходе последней двадцатилетней буржуазной революции.

Мнение этой элиты выражается порой в крайне вульгарном тоне. Как, допустим, мнение спекулянта недвижимостью Сергея Полонского: «Если у человека нет миллиарда долларов, то мне с ним не о чем разговаривать». Или Ксении Собчак, заявившей, что «Россия стала страной генетического отребья».

Для таких людей Россия, конечно, скорее обуза. Их успех – это слияние, сочетание с «благопристойным», как они его называют, миром. Благопристойный мир – это прежде всего комфортный мир Запада.

Это мир хороших отелей, кредитов, фондов. Мир, в котором можно зарабатывать деньги, ничего не производя, за счет продажи и переоценки разного рода ценных бумаг. Производство бумаг на бумагах, обязательств на обязательстве.

Поэтому для этих людей страна, о которой вы говорите с такой болью, страна, где есть какая-то армия, где есть какие-то пенсионеры, какие-то школьники, где есть какой-то Кавказ, где есть какой-то Урал, где есть какая-то Сибирь, – это какая-то странная концептуальная обуза, которую им всегда ставят в вину, когда они приезжают в Лондон, Нью-Йорк или Париж.

Этой страной надо заниматься. Но гораздо выгоднее деньги, которые у тебя на руках, деньги, полученные от виртуальных операций, вложить не в достаточно проблемное развитие Сибири, а, допустим, в Шанхай, Токио и, если получится, если повезет, в Калифорнию, или Флориду, или во что-нибудь подобное.

Поэтому сегодня образ России, имидж России, смысл России – это смысл тех, кто контролирует политические тренды, кто выступает с докладами, подобными, например, докладам ИНСОРа.

Кто, как я слышал, хочет посылать российских курсантов учиться в американские военные училища, закрыв российские военные училища.

Это смысл тех, кто хочет полностью переформатировать, переформулировать Россию, сделав ее частью Запада, Западной Европы, что на протяжении трехсот лет, если не больше, было мечтой правящих элит со времен Голицына, любовника царевны Софьи.

Это был первый человек, который предложил абсолютный западнический тренд русской истории.

С тех пор правящая русская элита всегда была недовольна страной. Страна всегда была какая-то не такая.

Она была слишком православная, она не по греческим правилам крестилась.

Потом не одевалась по голландскому стандарту, потом не говорила на французском языке, потом не говорила на немецком языке.

Потом она недостаточно была индустриализованной. Потом была недостаточно марксистской, потом была недостаточно антисоветской.

Страна всегда не устраивает правящие элиты, к сожалению. Поэтому главная задача страны – это, собственно говоря, обретение, оформление того политического, социального, исторического субъекта, который будет говорить от имени России.

Кто сейчас говорит от имени России? Экспертное сообщество? Ксения Собчак?

Да пусть она на себя наденет хоть пятьсот маек с портретом Путина, когда едет делать интервью к

Саакашвили, она от этого не изменится. Она считает русский народ генетическим отребьем.

Мне кажется, что без постулирования политического взгляда, без постулирования политического образа того, каким мы хотим видеть наш народ, наши народы, все эти разговоры о смыслах и о записках, которые можно куда-либо подать, будут напрасны. Это моя личная позиция.

Сознание завсегдаев ресторана «Царская охота», который является сегодня местом главного креативного действия по отношению к будущему страны, – это сознание людей, желающих жить, как они говорят, «по-человечески».

Зачем тогда мы, зачем тогда вся остальная страна? И в этом главная проблема.

Их представление о мире и о реальности не соответствует вашему представлению о мире и о реальности, моему представлению о мире и о реальности. Мы – абсолютно два разных мира.

Таких же разных, какими были мир петербургской монархии, мир Царского Села 1916 года и, условно говоря, мир русской деревни, посылающей пушечное мясо в галицийские поля. К 1916 году между ними не было практически ничего общего. И этот кризис проявился до конца.

Так и сегодня. У нас, у каждого вменяемого человека нет ничего общего с теми космополитическими обитателями, которые сегодня заказывают и проектируют смыслы так называемой «России», не имеющей с нашей Россией ничего общего.

Мне кажется, что власть сейчас находится на перепутье. Я не абсолютно безнадежно смотрю на ситуацию.

Знаю, что ведется достаточно серьезная борьба, ведется дискуссия о путях России. Этот вектор не определен, он не безусловен.

Во власти есть люди, которые задумываются о будущем страны и связывают свою судьбу и судьбы своих детей, смыслы свои с Россией.

Поэтому борьба идет сейчас не за смыслы России, а за то, чтобы та или иная партия, которая так или иначе связывает себя со страной, одержала победу в этой борьбе.

Альтернатива этому простая – Россия распадается, исчезает. Правящая элита живет и благоденствует, а народ выживает так же, как сегодня выживает народ Средней Азии, наши бывшие советские граждане. Кто хочет посмотреть на будущее России, съездите в Среднюю Азию.

В прошлом году Гульнара Каримова пригласила меня на Неделю моды в Ташкент. В Ташкент, рядом с которым в Андижанской и в Ошской областях вырезали людей, сжигали их живьем.

В том микромире, в котором я присутствовал, был концерт Стинга. Были руководители фирмы Chopard. Был гламур высшего уровня и высшего качества, лились дорогие вина и коньяки.

А потом я был на Алайском базаре, на который приезжают из кишлаков бедные таджики и узбеки, реально находящиеся на грани голода.

Но правящей элите наплевать на свой народ. В этом главная проблема нашего с вами смыслополагания.

я не поняла – сказала она
а вокруг дымилась чужая страна
люди говорили на ангельских языках
и песьи головы держали в руках

я не поняла – и выпила чай
а вокруг сражались о чем-то крича
и звуки диких песен носили ветра
и на горизонте снегом слепила гора

я не поняла – нахмурила бровь
а вокруг гоняли по кругу любовь
били по бедрам огненной полосой
загоняли голую в чертово колесо

я не поняла – ногою топ-топ
а вокруг носили раскрашенный гроб
и монахи бились о клетку судьбы
и детей ловили гранитные львы

в этом мире страшном и слишком простом
слишком странно все что случится потом
слишком дико все то что было до нас
и предельно ясно все то что сейчас

РОДИНА

Зачем России Палестина?

Свободная от оккупации, независимая и суверенная Палестина нужна России по нескольким причинам.

Во-первых, потому, что лишение палестинского народа права жить на своей земле – величайшая несправедливость второй половины XX века и Россия просто обязана помочь эту несправедливость исправить.

Почему я утверждаю, что это несправедливость? Потому что никто и никогда не сможет мне объяснить, на каком основании жители других стран и других городов, предки которых в десятках поколений никогда не жили на Святой земле, имеют право там селиться, а люди, знающие на столетия назад места могил своих близких, такого права должны быть лишены.

Пока эта ситуация сохраняется, пока ее поддерживает мировой истеблишмент и вся мировая информационная мощь, никакого мира ни на Ближнем Востоке, ни в других частях света не будет.

И это вторая причина для России приветствовать свободную Палестину. От этого небольшого участка земли вокруг Иерусалима по всему свету расходятся волны войны и конфликта.

В России, связанной с Израилем экономическими, информационными и человеческими отношениями, эти волны создают особый разрушительный резонанс.

Выходцы из СССР, подавляющее большинство которых в дни своего отъезда ненавидело и оплевывало страну социализма (а потом и Россию) как якобы антисемитскую, оправдывают свое пребывание на чужой земле с невиданной яростью и злобой.

Чувствуя несправедливость ситуации, они накаляют чувства злобы и ненависти к палестинцам. А вместе с

ними – и ненависть к мусульманам, которых сегодня большинство в палестинском движении сопротивления.

Эта ненависть транслируется в информационное пространство РФ, разделяя и настраивая друг против друга ее граждан, создавая отчуждение неприязни между людьми разных рас и цивилизационных традиций.

Утверждаю, что какая-то часть израильских русскоязычных агентов влияния делает это сознательно. Сатановский, Эскин – они и подобные им разжигают пожар междоусобной, межнациональной и межрелигиозной войны в России сознательно и целеустремленно.

Их задача – усадить нашу страну в израильский окоп, продвинуть тезис “общей судьбы” русских и израильтян, способствовать разрыву связей православного русского мира с миром исламским, среднеазиатским, тюркским и кавказским.

Это отрежет Российскую Федерацию от ее суверенных исторических путей развития, уничтожит как уникальный исторический проект междивилизационного диалога, сделает полностью зависимой от фашистской, расистской части политического истеблишмента Израиля и его западных хозяев, жаждущих расколоть нашу страну и заполучить ее богатства.

Таким образом, сегодня борьба за независимое государство Палестина – это борьба против фашизма, расовой и этнической сегрегации, против их разрушительных трансляции и переноса на территорию нашей Родины.

Эта борьба ведется и внутри Израиля. Значительная часть еврейского населения страны выступает за равные права с палестинцами, поддерживая создание палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме.

Но, как правило, эти люди, рупором которых является левая газета «Гаарец» и число которых достигает 35 процентов населения, – иврито-, англо- и арабоязычные. Мы не слышим в России их голоса.

Зато чрезмерно доводятся до сведения нашего общества точки зрения крайне правых, почти фашистских партий типа «Ликуд», «Наш дом – Израиль», которые транслируют в русскоязычное пространство СМИ и представляющие эти партии в РФ организации типа Российского еврейского конгресса.

Поэтому признание Палестины – это и победа внутри Израиля антифашистских сил. Помощь им – тоже миссия России как правопреемницы страны, уничтожившей фашизм в его логове.

И наконец, последнее. Возникновение палестинского государства и его поддержка станет еще одним благим деянием России как государства, мистически связанного с Палестиной и ее древним народом.

В XIX веке русские начинали войны для того, чтобы защитить права палестинцев, ущемлявшиеся Османской империей, а также ее британскими и французскими покровителями.

Русские паломники, идя в Иерусалим ко храму Гроба Господня, находили всегда благожелательный приют у единоверцев-палестинцев (многие из которых со времен Иисуса являются православными) и их мусульманских собратьев.

Огромная часть земель на территории современных Израиля и оккупированной Палестины, особенно вокруг святых мест, принадлежала России.

Сегодня поддержка независимой Палестины – это восстановление статуса сакрального присутствия нашей страны на Святой земле. И только ради этого уже стоит голосовать в ООН за правду, свободу и справедливость.

Почему сделка Шалита - это позор мировых СМИ?

Обмен израильского капрала Гилада Шалита на 1027 палестинских узников стал несмыслаемым пятном позора на белоснежных одеждах либеральных СМИ.

Телеканалы, газеты и журналы так называемого «цивилизованного мира» обсуждали на все лады бытие Гилада Шалита, прошедшего пять лет в палестинском плену.

В то же время 1027 человек, вышедших из израильских тюрем по условиям обмена, никого не интересовали. Как будто их и не было.

Вчерашних узников мимоходом заклеямили обобщающими терминами типа «террористы», «фундаменталисты», «боевики ХАМАС», сознательно дегуманизируя, скрывая от нас подлинный человеческий облик этих людей.

Многие из них провели в тюрьмах и концлагерях более тридцати лет. Некоторые были арестованы еще детьми за камень, брошенный в израильский танк или джип.

За подобные действия их осуждали на два-три года. Однако при повторном аресте они получали уже по двадцать - тридцать лет, будучи террористами-рецидивистами с точки зрения израильского правосудия.

Среди них были люди, имевшие по несколько пожизненных заключений.

За что они их получили, за какие провинности? Хоть один журналист из уважаемых СМИ предпринял попытку разобраться в этом вопросе, выяснить имена, показать лица?

Нам постоянно показывают безликую ликующую толпу, размахивающую флагами в Газе. Нам постоянно лгали и продолжают лгать со всех экранов о том, что там происходит на самом деле.

А между тем из израильской тюрьмы вышла Ирина Полищук, гражданка Украины и мать двоих детей. В Интернете можно найти фотографии, как она встречается со своими дочерьми.

Жена палестинского инженера и ученого, Ирина Полищук вместе со своим мужем была арестована по обвинению в терроризме.

Она получила сначала три года, потом ей хотели дать двадцать лет. И за что? По версии разных подонков, она была проституткой, которая вышла замуж за своего сутенера...

Тогда как в Москве есть люди, которые лично знают мужа Ирины Полищук. Известно, что он прекрасно образован, учился в одном из престижных московских вузов, а сегодня является довольно видной фигурой в палестинском движении.

Надо сказать, что многие палестинцы женаты на русских, украинских и белорусских женщинах. Как правило, эти люди – элита палестинского общества. Инженеры, врачи, учителя, военные.

Вся вина Ирины Полищук с точки зрения израильского правосудия заключалась в том, что она отказалась покинуть своего мужа и уехать из оккупированной Газы.

Израиль даже обращался к властям Украины с тем, чтобы ее насильно депортировали. Украинские власти не стали этим заниматься. Тогда госпожу Полищук просто бросили в тюрьму, опозорив ее имя, назвав эту праведную и честную женщину проституткой, продолжая и поныне поливать грязью ее и ее героическую семью.

Казалось бы, зачем вообще говорить о животных, которые забыли человеческий язык и ничего, кроме оскорблений в адрес порядочных людей, сказать неспособны? Такие люди не достойны даже упоминания. Но, к сожалению, именно их комментарии по поводу освобожденных палестинцев заполнили все информационное пространство.

Среди 1027 узников есть и православные христиане. Однако об этом молчок.

Ведь всему миру, и особенно российской аудитории, готовой сожрать все, что подадут, нужно преподнести их как озлобленных террористов.

Злодеев, которые ни с того ни с сего атакуют добрый и пушистый Израиль, мирно пребывающий на палестинских землях.

Почему-то упорно, поколение за поколением, палестинцы нападают на этих израильтян. В 40, в 50, в 60, в 70, в 80, в 90, в 2000-х...

Неужели и в самом деле это народ-террорист, как говорят во всех СМИ? Как так получается, что на протяжении нескольких десятилетий поколения палестинских политиков снова и снова атакуют Израиль и тех, кто его населяет?

Это делали коммунисты, которые также вышли в числе этих 1027 человек из израильских застенков. Это делали социалисты и националисты. Это делали и продолжают делать мусульмане самых разных фракций палестинского движения. Почему?

Потому что, несмотря на разделение фракций, палестинский народ един в своей борьбе. По отношению к нему совершена величайшая несправедливость. Целый народ изгнали со своей земли, где он жил тысячелетиями.

По исследованиям ученых, палестинцы – потомки «людей моря».

Когда-то, за тысячелетия до Рождества Христова, они пришли в Палестину, потеснив еще египтян. Об этом сохранились записи на египетских камнях.

Газа упоминалась еще тогда, когда никто и не слышал ни о царстве Иудейском, ни об Израиле. Хотя, на мой взгляд, это не имеет значения.

Каждый человек, разделяющий принципы демократии и добрососедства, готовый не отбирать у хозяев землю, а совместно с ними ее обрабатывать, может жить на Святой земле. Но палестинцам в этом праве отказано.

Мировые СМИ, мои так называемые «коллеги-журналисты», скрыли от всего мира лица палестинских узников.

Это напоминает желание насильника и убийцы скрыть лицо жертвы. Чтобы никто не видел, как она выглядит. Чтобы никто не знал, что она испытывает. И чтобы никто не ведал, почему она сопротивляется.

История с Шалитом – позор всего журналистского сообщества «цивилизованного мира». Позор, который они, конечно, предпочтут не заметить.

Кстати, сообщение о возвращении узников в свои дома – очередная ложь. Их выпускают таким образом, чтобы лишить возможности вернуться в семьи.

Если семья человека живет на Западном берегу, то его переведут в Газу, откуда он не попадет на Западный берег. Соответственно, если он живет в Газе, то, наоборот, его выкинут на Западный берег. Если родные живут в Ливане, человека обязательно оставят в Газе, чтобы он не мог выехать и т. д. и т. п. Делается все, чтобы максимально отяготить людям жизнь. Плюс к этому политологи разного рода, от Сатановского до Радзиховского, сыплют угрозами и рассказами о том, как сейчас этих палестинцев начнут повсюду убивать.

Свою позицию я выразил ясно и четко. Я убежден, что премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху

добился несомненного успеха в деле всего ближневосточного урегулирования.

Военная, политическая, финансовая и информационная сила Израиля настолько велика, что эта микроскопическая уступка с его стороны стала гигантским, парсековым шагом в сторону мирного процесса.

Недаром теперь Нетаньяху подвергается таким оскорблениям, в первую очередь со стороны русскоязычной неонацистской прослойки населения Израиля и ее агентов в Москве.

В России они представлены Российским еврейским конгрессом (РЕК), по сути превратившимся в филиал партии «Наш дом – Израиль» Авигодора Либермана – крайне радикальной, нетерпимой, распространяющей ненависть и неонацистские идеи сегрегации политической группировки.

В завершение добавлю, что в Израиле уже недовольны и позицией самого Гилада Шалита, который на деле оказался порядочным человеком.

Выйдя из тюрьмы, он заявил, что хочет освобождения всех палестинцев, потому что это необходимо для мира.

И вот он уже плохой, вот уже он не такой, вот уже его спровоцировали журналисты.

Конечно, только звериная позиция человеконенавистничества приемлема для израильских неонацистов.

Но именно они, к сожалению, задают тон в русскоязычном публичном анализе ближневосточной ситуации.

В чем проблема доверия?

Несколько лет назад мне довелось встретиться с Хэнком Гринбергом, в прошлом руководителем одной из самых известных страховых компаний – AIG.

Ему был задан вопрос: в современном мире какие страны, какие системы смогут иметь наибольший рейтинг доверия со стороны финансовых и страховых структур?

И он сказал, что это страны, в которых в наибольшей степени будет соблюдаться управляемость политической системой.

Он имел в виду Китай прежде всего, но и те страны, которые смогут обеспечить стабильность в ситуации современного кризиса, когда мир перекачан деньгами, не обеспеченными ни реальным трудом, ни реальной промышленностью, ни реальной продукцией, то есть долларами.

Наличие огромной долларовой массы и обеспечивает кризис финансовой экономики. Я не специалист в этом вопросе, есть люди, которые лучше меня разбираются, но даже мне это очевидно.

В этой ситуации элиты некоторых государств, в том числе и России, делают ставку на уменьшение рисков, потому что уменьшение рисков связано с усилением перспективы управляемости, как им кажется.

Срок управляемости – это гарантия управляемости, гарантия снижения рисков системных кризисов, повышение инвестиционного рейтинга страны.

Элиты исходят не из политических предпосылок, как кажется обществу, а из экономических и технологических предпосылок.

Путин, как мне представляется, и его окружение рассматривают мир не с точки зрения политики,

говорильни, выборов.

Они полагают, что несут ответственность за страну с точки зрения, допустим, перехода на восьмой технологический уровень, с точки зрения развития экономики, стабильности экономики, возможности для страны быть кредитором или возможности для страны брать кредиты.

Видя, какие кризисы происходят в современном мире, они полагают, что система долгосрочного планирования, связанного с управлением, с преемственностью власти, – это более важно, чем игра в демократические процедуры.

Думают ли они о нас с вами, о стране? Если этого мотива у них нет, тогда мне вообще непонятно, какие другие мотивы могут быть у этих странных игр в политическую систему.

Сохранение власти? Сохранение собственной власти вообще не имеет никакого значения в современном мире, если ты не являешься признанным членом так называемого «Мирового клуба».

Сколько ни сохраняй собственную власть, рано или поздно прилетят «томагавки» или какие-нибудь F-22 Raptor, которые будут тебя бомбить, как бомбили и Саддама, и Каддафи.

Каддафи, Саддам, Милошевич, люди, которые были в теснейших союзнических отношениях с Западом, люди, которые плясали в обнимку и с Саркози, и с американской элитой, и с английской элитой, оказывались, понимаете ли, преступниками против человечности и всего прогрессивного, вдобавок ко всему этому, будь оно неладно, человечества.

И тут ты теряешь власть, и теряешь ее по одной причине – потому что ты слабый. Помните, после Беслана было сказано: «Мы были слабыми, а слабых бьют».

Ты становишься слабым, когда ты чересчур сближаешься с так называемыми мировыми элитами, но сближаешься не как партнер. А стать партнером очень сложно.

Чтобы стать партнером в этом мире финансового капитализма, необходимо доказать свою состоятельность – это значит удерживать власть и гарантировать ее преемственность, избегать кризисов.

Давайте посмотрим на вещи реалистично. Допустим, у нас сейчас начался бы переход к парламентской республике, или еще что-нибудь в этом роде.

Кризис шел бы за кризисом, потому что элиты лояльны не политической системе, не политике, особенно региональные элиты, – они лояльны руке, которая их гладит, которая их кормит.

Если эта рука начнет меняться, начнутся конфликты между элитами на разных уровнях, в том числе на региональных, и вполне могут вернуться 90-е годы с их войнами, этническими чистками и так далее.

Государство нуждается в стабильном развитии. Другое дело, что если власть – и Путин, и Медведев, и все остальные – не обратит внимания на чудовищное социальное положение в стране, то их власть может плохо кончиться.

Конечно, тяжело из машины, которая проезжает на скорости 180 км/ч в окружении кортежей бронированных гелендвагенов, увидеть, как живет страна.

Или когда тебя ведет свита приближенных политтехнологов показывать и беседовать с народом в специально подготовленную школу или на какую-нибудь ферму. Хотя вообще-то страна живет по-разному в разных регионах.

Не забуду больницу в Дагестанских Огнях, в Дагестане, где в операционной плесень, отбитая штукатурка, не работает никакое оборудование,

выбитые окна. Там не то что людей лечить, там находиться невозможно.

Однако люди там лечатся, это считается одной из лучших больниц, естественно для народа. Разумеется, богатые имеют другие больницы, в которые приведут премьер-министра, или президента, или еще кого-то.

Так вот, преемственность власти хороша - с точки зрения власти - как возможность продолжения накапливания того финансового, экономического потенциала, который позволяет государству развиваться во времени.

Власть, занимаясь мегапроектами, которые, безусловно, нужны стране, на самом деле не обращает внимания на то, как живут регионы, что там происходит и как по-разному эти регионы существуют.

Есть одни регионы, где все строится, восстанавливается, где местное самоуправление развивается. А есть регионы, где вообще ничего не делается, где людей просто придушили и вытягивают из них последние соки жизни.

Это серьезная опасность - отдавать внимание стратегическим направлениям деятельности и направлениям будущего и при этом пренебрегать народом, который живет в твоей стране.

Не стоит полагать, что этот народ будет просто превращаться в средний класс, богатея за счет своего труда. Так не будет, так не бывает. Так не бывает нигде.

Что такое русская цивилизация?

В чем особенность русской цивилизации? Есть ли русская цивилизация? Я сформулировал, как мне кажется, три основания русской цивилизации.

Первое – это особое внимание к внутреннему деланию, которое зафиксировано в традициях нестяжательства, старчества, русских духовных песен.

Второе – это этика, этика социальная, которая сформулирована в большей степени у Толстого. Этика служения, этика помощи, этика социального товарищества.

И третье, конечно, это русская теодицея и зло. Это, конечно, Достоевской: широк, широк человек, все в нем умещается.

Вот на этих трех основаниях, которые вполне являются основаниями уникальными, не повторяющимися ни в какой мировой цивилизации, строится цивилизация русская. Не имперская цивилизация, а народная.

Традиции русской жизни, русской культуры, русской литературы не в служении государству. Огромные пространства давали укрытие огромным массам людей.

Людей, которые не хотели быть ни крепостными рабами, ни дворянами, владеющими своими единоверцами и, по какому-то сатанинскому наитию, продающими их, как скот.

Во второй половине XIX века на смену дворянской культуре выходит разночинская. И посмотрите – откуда она?

Из той категории, которая была в оппозиции к палочной системе, к силовикам, которые всегда правили Россией.

Это – русская духовная жизнь. Это народ, которого не видели в упор. Но там шли такие бури – в среде этого народа! Там шла такая жизнь, там были духовные песни, стихи, странники.

Распутин из этой народной стихии был выкинут, как послание: «Страна чужая вам, правители, чужая!»

Он был человек сложный и непонятый. Его не понимали в Петербурге. Распутин – мужик. Но были не только мужики. Были более образованные, более сложные люди.

Кстати, вот опять-таки логика русской истории. Везде, где не можем справиться, войска зовем. Потом приходят – ать-два, ать-два! – и громят скиты, монастыри громят, кельи. Богословские библиотеки сжигают.

В «Запечатленном ангеле» не басурмане ангелу лицо проткнули и сургуч поставили на лицо – архиепископ местный поставил. Вот так.

Солженицын призывал к покаянию перед старообрядцами за мучительства и за гонения, которые по отношению к русской интеллигенции, а они и были тогда русской интеллигенцией, применялись сто с лишним лет.

Тогда за убийство давали пятнадцать лет каторги, а за то, что человек другое исповедание имеет, православное, – пожизненную могли дать каторгу! Страшнее не было «злодеяния».

Народовольцам, революционерам давали меньше, чем старообрядцам. В этом трагедия русской истории. А мы не видим ее. Мы по-другому читаем Россию.

Русский дух искал свободы, смысла и единства с другими. Поэтому русские люди бежали от николаевских шпицрутенов в башкирские степи.

Очарованный странник Лескова бежал туда. Там, с калмыками, башкирами, ногайцами, мы, русские, находили общий язык.

На Кавказ бежали. Старообрядцы-некрасовцы – куда их только не загоняли. В Иран! Вот русские старообрядцы, русские казаки – конвой шаха персидского, конвой турецкого султана.

Лучшие солдаты, самые верные! Им верить можно. Здесь почему-то не приживаются.

Пятидесятники уезжают в конце XIX века в Канаду – двести тысяч пятидесятников. Молокане, духоборы.

В Канаду съездите, посмотрите – кто дает Канаде сейчас десятки процентов национального валового дохода? Да те, кто отсюда бежал туда! Те, кто тут почему-то не приживается. Те, кто маршировать не хочет в России.

Вообще, когда нас, русских, заставляют, мы очень неохотно что-то делаем. А когда русский человек видит, что это вот нормально, эффективно, он делает так, как никто на земле не делает.

Побеждает лучшие армии в мире – наполеоновскую, гитлеровскую. А если заставлять его маршировать, то получается Аустерлиц. Это и есть символ отношения русского человека, русского солдата с русской властью.

Свадьба в маниловщине

По Москве несется свадебный кортеж дагестанцев, палит в прохожих и проезжих, ему сам черт не брат и никто не указ.

Участники свадьбы вызывающе машут непонятными флагами (радикализм? ваххабизм?), вылезая из окон своих навороченных тачек по пояс, с воплями и гудением, под лезгинку и грохот выстрелов врываются на Тверскую.

Там их пытаются тормознуть героический русский ОМОН – его посылают по матери и тоже обстреливают.

В ходе спонтанной спецоперации разгулявшихся дагов с главарем-женихом на красном «феррари» с трудом оттесняют к бордюру.

Наглые горцы грубо пальцуют, танцуют лезгинку, наезжают на полицейских и с матом набрасываются на журналистов.

Распоясавшиеся кавказские гости ведут себя вызывающе, и в итоге им никто ничего не может сделать.

Понурые и бессильные перед влиянием (финансовым? политическим? криминальным?) «южных гостей» полицаи провожают их жалкими штрафами в сто рублей за «звуковые сигналы» и «тонируемые стекла».

Занавес. Аплодисменты в твиттере и соцсетях.

Примерно такой сюжет «дагестанской свадьбы» был представлен в первые часы разгорающегося скандала усилиями Lifenews и РИА «Новости», тупо повторившим lifenews, несмотря на то что первые – свободные и желтые, а вторые вроде бы государственные и бело-крахмальные.

К вечеру стало проясняться: по людям никто не стрелял.

Вроде бы стрелял в воздух из травмата (разрешение имеется) один из гостей свадьбы и вроде бы не в Москве, а в Подмосковье.

Да, кортеж немножко бибикал, и на самом деле молодые ребята высывались из окон, славя жениха и невесту, радуясь свадьбе и праздную молодость.

В пуританской, известной аскетической строгостью нравов и смирением горожан Москве это, разумеется, из ряда вон...

Москвичи, рассуждающие в твиттере о «наглых обычаях гор» и «стрельбе в аулах», привыкли к чинной, мерной езде (не быстрее 50 км/ч), спокойному прогулочному темпу в передвижении по тротуарам и негромким разговорам вполголоса в стиле: «Сэр? Сэр!»

Эти качества москвичей известны всем и каждому, не так ли?

Думаю, да, поскольку общим местом в соцсетях стал призыв к «южанам» не нарушать «наших обычаев».

Наши обычаи же, московские, таковы – по воскресеньям в храм, в понедельник на работу, вечером домой, к жене и детям, в субботу – в театр.

Спиртное по праздникам (ранее советским, теперь престольным), скромное по средам и пятницам – ни-ни! Если пьем – под колбаску, огурчик и селедочку под шубой, а то и под оливье (салат, кстати, «московский»). Ведь мы – настоящие снобы!

Мы сами к незнакомым девушкам на улицах не цепляемся, чиксами и телками их не зовем. Даже в жару ходим строго одетыми, пиво пить на улицах не имеем привычки, полуголыми и поддатými в фонтанах не купаемся.

Когда мы идем на футбол – сидим тихо, болеем смиренно. Файеров не жжем, после победы (или

поражения) любимой команды никого толпой не метелим.

Матом если кто и ругнется – только козь на мозоль наступят или родину обидят.

Музыку мы любим народную – группу «Тутси» там или «Фабрику» какую (все культурное – первое от Дастина Хоффмана, второе – от Леонида Леонова). Кто продвинутее – диджея Грува и ДДТ с Фредди Меркьюри.

Зачем нам, в самом деле, эти горцы-нахалы с их свадьбами, пальбой-стрельбой, шашлыком-машлыком?

И правильно, считаем мы, москвичи, их продержали в день свадьбы (за недоказанную стрельбу одного из этих «понаехавших» в воздух, тонированные стекла и гудение клаксонов) семь часов в ментовке!

Жениха с невестой в день начала их чуждой нам, москвичам, совместной горской жизни продержали, правда, всего два с половиной часа...

С удовлетворением мы, москвичи, коренное население, узнали, что парню, то ли сделавшему несколько выстрелов в воздух, то ли нет (да и не важно!), дали пятнадцать суток – вот, моя полиция меня бережет!

Мы, москвичи, коренное, стало быть, население, в лице наших национальных лидеров – Доренко, Холмогорова, Тора, Тесака и еще кого-нибудь такого же исконного, – благодарны полиции за суровость и бескомпромиссность.

Мы считаем, что закон к приезжим должен быть более суров, чем к нам, – мы умоляем об этом в твиттерах и фейсбуках – специально, чтобы отвадить, не привечать этих «джигитов».

А мы – в своем городе – да, хоть чё, да, хоть и поджечь его с четырех сторон можем, мало что обоссать все углы – наше ведь все, родное!

Мы вообще обожаем наших полицаев, жандармов, омоновцев, силовиков и пр., – мы готовы помогать им

добровольно и бесплатно, ласково называть их «стражами правопорядка», когда они семь часов держат в КПЗ дагестанскую свадьбу за «тонируемые стекла» и «нарушение звукового режима в черте города». Молодцы!

Мы бы и сами записались в полицаи и жандармы, чтобы мучить этих обнаглевших кавказских молодоженов – это ведь наши, исконные традиции (мучить приезжих), и мы требуем, чтобы «гости с юга» им подчинялись!

Нам плевать на дагестанцев – ученых, бизнесменов, врачей, журналистов, – мы знать про них не знаем и знать не хотим, поскольку усвоили, что «много знания – много печали», а мы, москвичи, любим иногда оттянуться и слезам не поверить.

Вот и слезам этой невесты – кто ж из нас поверит?

Так что спасибо вам, солгавшие про дагестанскую свадьбу СМИ (бульварные и респектабельные, оппозиционные и государевы)!

Спасибо тебе и мэру наш, свет-батюшка, отец родной, заявивший, что не потерпит стрельбу на улицах города. Что б мы без тебя делали – прогнулись бы перед двадцатилетним горцем с травматом, – но ты защитил нас, спасибо! Спасибо! Спасибо! Настоящий русский страж исконной культуры столицы.

Вы все настоящие патриоты! Вы сделали огромное дело – напомнили нам, москвичам, кто мы есть.

Главное, нам теперь самим не забыть и с ума не сойти...

Кто заказал дагестанскую свадьбу?

Спустя неделю с лишним после «дагестанской свадьбы» и начала антикавказской истерии становятся более или менее понятными причины всего этого шума и гама.

Экспертная группа в составе нескольких членов Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ (включая автора текста), при поддержке журналистов «Кавказской политики» и ряда других изданий, попыталась разобраться, что произошло и кто является заказчиком всей этой тщательно спланированной провокации и последующей кампании в СМИ.

В ходе работы группа проанализировала медиа с момента первых публикаций о «кавказской свадьбе» и провела подробные встречи с участниками событий – гостями этого печально известного события.

Выяснились интересные и существенные подробности, которые мне представляется важным изложить непредвзятым читателям для того, чтобы они составили собственное мнение о происходящем.

Любому наблюдательному человеку с самого начала не мог не показаться странным тот одновременный и во многом совпадающий по структуре поток откровенной лжи, которую стали распространять Lifenews и «Комсомольская правда».

Они сообщили о якобы имевшей место пальбе «дагестанской свадьбы» по автомобилям и перестрелке с полицией.

Не скрою, первой моей реакцией (я, кстати, был в этот день в Дагестане), зафиксированной в моей твит-ленте, было гневное возмущение «кавказской шпаной»

и требование наказать ее за бесчинное поведение в Москве.

Безусловно, именно так и надо было бы сделать, если бы хоть малая толика из описанного было правдой.

Но ложью было практически все, кроме того, что свадьба была, что она задержана и что ее участники – кавказцы (хотя, как выяснилось, и не все – были и русские, и евреи, и даже туркмен).

Журналисты Russia.ru, связавшиеся с ГУВД Москвы и спросившие о перестрелке в центре столицы, услышали в ответ хохот: если бы кто-то открыл огонь по полицейским, даже из травмата, он был бы если и не уничтожен ответным огнем на месте, то, по крайней мере, не отпущен со штрафами за «тонировку стекол» и «нарушение звукового режима».

Версия о том, что «кавказцы проплатили», постреляв по полиции в центре Москвы, а потом ушли от ответственности за штрафы в сто рублей, вызвала в ГУВД уже не хохот, а сомнения в психической адекватности предлагающих подобную версию.

Справедливости ради надо отметить, что Lifenews практически в тот же день стал выдавать подробности, опровергающие его же первоначальную ложь: в машинах был обнаружен только один травматический пистолет, никому из участников не были предъявлены обвинения в стрельбе по машинам или по полиции, некоторые водители были оштрафованы «за тонировку и клаксоны».

Но дело было сделано – волна возмущения диким поведением кавказской свадьбы на «дорогих тачках» в центре Москвы вопреки «нашим обычаям» и при полной беспомощности полиции пошла по СМИ, не потрудившимся (или специально не захотевшим) проверить достоверность излагаемой первыми источниками информации.

Даже не хочется вспоминать тот поток омерзительной грязи, который был выплеснут на дагестанцев, – все эти помои нами тщательно собраны и оставлены для вечности или для суда, который, хочется верить, рано или поздно даст оценку всей истории и квалифицирует соответствующим образом высказывания некоторых политиков и журналистов.

Для меня гнусность всего происходящего стала очевидна еще до разговоров с участниками свадьбы – сам факт, что никто из них в течение первых нескольких дней не появился в СМИ, изгалявшихся над ними, убедительно доказывал, что речь идет о тщательно спланированной и заказанной с высокого уровня кампании.

Вот только что являлось ее целью? И кто заказчик?

На этот счет есть несколько версий.

Первая версия (назовем ее «Компрометация») заключается в том, что главной мишенью был жених.

Не верьте разговорам о «диких горцах, притащивших в Москву обычаи далеких аулов».

Жених – выпускник МГУ, который он окончил с красным дипломом по сложнейшей технической специальности, исключающей возможность покупки диплома и его красного цвета.

Доказательством этого служит и тот факт, что он работает на очень ответственной должности руководителя экспертной группы одной из крупнейших российских компаний, занимающейся, скажем так, развитием энергетического комплекса РФ.

Я не могу обозначить в этом тексте ни названия этой компании, ни конкретный регион РФ, на территории которого интересы ее развития, увеличения мощностей вступили в серьезный конфликт с интересами местного губернатора и его окружения. Но, будьте уверены, все подробные данные об этой

ситуации (полученные из открытых источников) у членов экспертной группы имеются.

Речь идет о проекте стоимостью в сотни миллионов, если не миллиардов рублей. Так получилось, что молодой сотрудник, жених на нашей свадьбе, занял принципиальную позицию, отстаивая интересы своей компании (кстати, с солидной долей госучастия) и от его подписи во многом зависела судьба проекта.

Кстати, об этом конфликте есть открытая информация в СМИ, в том числе и в центральных, – речь идет о повышении уровня воды некоего водохранилища (что приводит к затоплению некоторых земель) для увеличения мощности одной из электростанций.

Версию сознательной компрометации подтверждает, казалось бы, и восстановление со слов разных свидетелей хода событий.

В одном из дачных поселков по Дмитровскому шоссе друзья жениха, в присутствии старших родственников со стороны невесты, в злополучный день свадьбы забрали будущую жену.

По словам нескольких свидетелей, в момент выезда с территории участка хозяин травматического пистолета произвел несколько выстрелов в воздух. По тем же словам, он отошел в сторону и направил ствол в момент выстрелов строго вверх. Кто из нас, имея дачу и травмат, не стрелял из него на собственном дачном участке?

Травмат был убран в бардачок одного из авто, где и находился до остановки и обыска.

После этого свадьба покатила в Москву.

Проблема была в том, что за пару дней до свадьбы жених разместил на своей странице в одной из соцсетей подробное описание маршрута и мероприятий счастливейшего события в своей жизни: едем там-то, останавливаемся у Кремля, фотографируемся на Красной площади, потом следуем в ресторан...

«Феррари», по поводу которого было столько воплей (кавказцы грабят русский народ, зажрались!), жених арендовал на день свадьбы. Стоимость такой аренды – несколько сот долларов час. А кто бы из нас не порадовал молодую жену возможностью проехаться в день свадьбы на шикарной машине, не обращая внимания на цену аренды?

Кстати, о владельце травмата, который представляется СМИ диким варваром, пасущим ишаков...

Он окончил аспирантуру одного из московских технических вузов по специальности, связанной с автоматизированными системами управления, технической кибернетикой и современными вычислительными системами, готовится к защите диссертации. Отец его – выпускник мехмата МГУ – одного из сложнейших факультетов страны. Прямо скажем, «понаехали» относится к ним не в полной мере...

Среди гостей свадьбы, которых продержали в УВД несколько часов за «тонировку стекол», – работники компаний с серьезными брендами, в том числе и российско-европейских. Двое из тех, с кем разговаривал лично я, занимаются современными IT-технологиями не на уровне «сделаю сайт», а на уровне работы в больших профильных корпорациях.

Я не называю ни имен, ни компаний, о которых идет речь, потому, в частности, что некоторым участникам свадьбы было заявлено в руководстве их компаний о возможности увольнения в случае публичных заявлений и комментариев.

Но продолжим повесть одвигающейся к месту PR-спектакля свадьбе...

С Дмитровского шоссе кавалькада из свадебных авто свернула на МКАД в сторону шоссе Ленинградского. Ребята признались, что ехали не

чинно, что занимали две полосы, что из машины махали дагестанским флагом и сигналили. Но двигались в общем потоке машин, никого не обгоняя. Что и говорить – преступления жуткие... О стрельбе в воздух даже речи не шло. Но расплата тем не менее не заставила себя ждать.

Свадьбу остановили у площади Белорусского вокзала, после моста через железную дорогу. Инспектор вел себя чинно, проверил документы у первой машины (у жениха – отметим этот факт!) и, поздравив молодых, порекомендовал выстроиться в колонну и ехать аккуратно. О стрельбе речи не шло.

У Охотного Ряда, на повороте в сторону Лубянки, свадьба встала на светофоре. По словам ребят, стояли они минут десять, если не больше. Все еще удивились – почему так долго? Подумали – Путин едет.

Но приехали проблемы, да какие...

Сначала по встрече с мигалками промчалась машина ДПС и перегородила свадьбе путь (машины стояли в крайнем левом ряду).

Потом подкатил автобус с ОМОНОм, который окружил кавалькаду и с дубинками наперерез двинулся к машинам.

По словам участников свадьбы, омоновцы, готовые к встрече с обнаглевшими бандитами, растерялись – перед ними сидела вся в кружевах невеста и, раскрыв рот, стояли молодые люди, производящие впечатление уж точно не наглого бычья – скорее интеллигентов и аспирантов-очкариков (каковыми они, собственно, по большей части и являются).

Но brave бойцы ОМОНа приехали не одни – их сопровождала шумная группа журналистов с камерами и микрофонами сразу из нескольких изданий, которые тотчас же принялись фотографировать гостей свадьбы и лезть к ним с дурацкими вопросами о пальбе-стрельбе.

Поверить, что вся эта братия случайно оказалась на указанном месте, – просто невозможно. Одно из двух – либо они дежурили около милиции и примчались по сигналу о ЧП (что вполне возможно и нормально для оперативной «желтой прессы»), либо они заранее знали о месте остановки и унижения участников свадебного кортежа (что не менее возможно и также, в свете PR-заработков, вероятно для все той же категории СМИ).

ОМОН, вообще не поняв, зачем его вызвали, собрался уезжать. По словам участников кортежа, ни одного вопроса «о стрельбе по машинам и людям» им задано не было.

Но тут на белом «рено-логан» подвалил какой-то милицейский чин. К сожалению, ребята, не обладающие опытом общения с силовыми структурами, не знают о праве граждан требовать и фиксировать все данные сотрудников полиции, вступающих с ними в контакт.

Поэтому имя этого чина восстановят потом. Он есть на видеозаписях, которые вели на телефоны некоторые гости свадьбы.

Офицер круто изменил ситуацию – кортеж припарковали к бордюру и попросили проследовать в ближайшее отделение УВД. Этот человек первым, по словам очевидцев, стал озвучивать версию о стрельбе и т. д.

В отделении некоторых гостей продержали шесть-семь часов... Кого-то, по неподтвержденным сведениям, чуть ли не девять часов. Молодых мужа и жену отпустили через два с половиной часа.

В ходе этих уникальных оперативно-следственных мероприятий было выяснено:

1) что ряд машин имеет неправильную тонировку – штраф сто рублей;

2) что ряд водителей гудели на улицах Москвы (а что мы делаем, когда сорок минут стоим на Новом

Арбате, ожидая проезда «первых лиц»? Правильно!) – штраф сто рублей;

3) что в одной из машин найден и извлечен для осмотра травматический пистолет, на который имеется разрешение и из которого, возможно, стреляли...

Удивительно не то, что в день свадьбы так поступили с ее гостями. Мы привыкли давно, что надо – значит, надо!

Удивительно то, что последовало потом.

А последовала публикация на Lifenews списка гостей с именами, отчествами, фамилиями и личными данными!

Получить эти данные журналисты могли только от полицейских.

Вопрос – какое право имели сотрудники полиции передавать для публикации личные данные людей, которым не только не предъявлено никакого обвинения, но которые не являются даже свидетелями или потерпевшими? Разве что в масштабах преступления «тонировки и бибикания»?

Поверить, что это случайно, – невозможно. Версия о сознательной провокации с последующей компрометацией и опорочиванием жениха и его гостей прямо так и лезет в голову.

В нескольких компаниях, в которых работают эти молодые люди, им уже намекнули о возможности увольнения «по собственному желанию». Коснулось это и несчастного жениха. По-видимому, провокаторы добились своего.

На этом история не прекратилась.

Участникам свадьбы посыпались угрозы. Некоторым – открытые. Другим – по телефону.

Так, одного из гостей, вылетавшего в Махачкалу, во Внукове отозвали двое в штатском (следили, значит!) и завели в комнату, где полицейский в чине, по его словам, полковника стал орать на него и требовать

отказаться от сказанного в интервью «Кавказской политике» и признаться в стрельбе по машинам. Выяснив, что родственники молодого человека работают в прокуратуре на высоких должностях, полицейские все-таки позволили ему улететь в Дагестан.

Другим (имеются записи разговоров) стали звонить домой и, представляясь «сотрудниками Дмитровского РУВД», материться, угрожать и выяснять обстоятельства их личной жизни.

Третьим стали писать в соцсетях о том, что сделают с их женами, сестрами, стоит тем выйти вечером одним из дома.

Кто ответит за незаконную публикацию личных данных ни в чем не повинных людей?

Впрочем, на фоне той антикавказской истерии, которую поддержали вполне уважаемые СМИ, вопрос риторический. Даже если завтра этим ребятам сломают жизнь, а потом изувечат, общественное мнение лениво зевнет и не заметит этого.

Да, еще о важном... На следующий день к хозяину травмата приехали домой полицейские. Вы не поверите – с предложением оплатить штраф в две тысячи рублей за неправильное хранение (без кобуры). Штрафы в наше время оплачиваются в любом супермаркете в тех же электронных платежных системах, в которых мы пополняем счет на своем мобильном телефоне.

Парню предложили проехать в отделение. Он, как наивный ботаник, поехал туда без адвоката (никогда так не делайте!). В отделении ему быстренько впаляли пятнадцать суток за какое-то невежливое поведение в отношении сотрудников полиции и упаковали в КПЗ.

Еще одного гостя свадьбы (туркмена) хотели посадить за «толчок сотрудника ГИБДД». Но когда в суде выяснилось, что сотрудник в два раза больше и тяжелее злодея (вес которого примерно 55

килограммов), то пять суток ему впаяли за невежливое поведение. Что ж, надо быть вежливым. А еще лучше – видишь полицейского, беги от него! Просто встреча с полицейским в наше время – уже повод для заключения. Невинowych нет.

На этом фоне уже не удивляет объявившаяся через неделю женщина (после публичных заклинаний полиции по всем СМИ проявиться хоть одного свидетеля стрельбы) с трехлетним ребенком (не способным ни подтвердить, ни опровергнуть), травмированным осколком фары автомобиля, разбитой якобы пулей из травмата.

Пуля из травмата типа «макарыч» резко теряет кинетическую энергию через несколько метров. Но это не важно – баллистической экспертизе она не поддается, и лепить можно что хочешь – лишь бы было.

Непонятно только одно – чудовищное упорство полиции. Неужели почувствовали, что все это постыдное дело напоминает преступный сговор с целью опорочивания, и теперь пытаются прикрыться, создав «преступную группу» на ровном месте?

Для этого неонацистские вопли в медийном пространстве и давние друзья полиции – бандиты из фанатских группировок, безнаказанно сжигающие дагестанские флаги и сыплющие кровавыми угрозами гражданам России, происходящим с Кавказа, – самое верное подкрепление и помощь.

Вот, собственно, и первая версия.

Версия вторая, не исключающая версии первой.

В Дагестане что-то готовится – военное и масштабное. Что-то серьезное и большое. И общество настраивают на антидагестанский лад. Эта свадьба – просто подвернулась.

Иначе невозможно поверить, что и Доренко, и Киселев, и другие серьезные люди, государственные каналы, итоговые и новостные программы,

респектабельные газеты (типа «Коммерсанта») без сомнений приняли версию о наглых дагах, стрелявших по Москве и полиции в Москве. И распространили ее с чудовищными комментариями и поучениями в духе рассуждений о расовом превосходстве.

И визит в Дагестан Медведева с его требованием отвечать «огнем на выстрелы», и появившиеся в СМИ сообщения о потерях федеральных войск в ходе КТО (потери были всегда - сообщений на федеральных каналах не было), и жалобный писк (иначе не назовешь) части дагестанской элиты (кроме президента Дагестана и его представителя в Москве) - все ложится в одну колею.

Или это подготовка к муниципальным выборам в некоторых ключевых городах Дагестана и опасения Москвы, что просто так некоторых местных «лидеров» поменять не удастся?

Что ж, опасения разумные. Но стоило ли ради всего этого разжигать такую истерическую антидагестанскую и антикавказскую какофонию, угрожающую уже целостности нашей страны, уродовать судьбы ни в чем не повинным молодым людям, не только не «приехавшим устанавливать сюда свои дикие законы», но, как выяснилось, вполне строителям высокотехнологического будущего России?

Версия третья.

Проблема есть - некоторые представители кавказской молодежи ведут себя как наглые, грубые хамы, для которых закон не писан и другие люди - просто мусор.

Так ведут себя, естественно, не только они.

Но в силу темперамента, личностных качеств, заряженности на силовые методы решения конфликтов, культ денег и разврата, особенно разрушительно влияющих на «этнических мусульман», употребляющих

спиртное и предающихся удовольствиям современного общества, они заметнее.

В Дагестане идешь по улице – ребята пропускают старшего по возрасту. В Москве иду по бульвару, навстречу группа из пяти дагестанцев – прут как быки, даже не развернув плечи, чуть ли не задевая.

А вот задень ведь они мою жену (она шла рядом), например, – не думая, двинул бы, и началась бы драка...

Стою рядом с группой молодых дагестанцев – мат, клубы табачного дыма, громкий хохот.

Знакомая журналистка говорит мне: «Это они перед вами так смиренно себя ведут – вы человек известный! А я прохожу мимо такой компании – мне вслед скабрзные шуточки. Повернулась, спрашиваю: «Вы со своими женщинами так же разговариваете?» В ответ – чуть ли не с кулаками полезли»

Я никогда не слышал, чтобы у молящихся кавказцев-мусульман, христиан или других верующих были какие-либо конфликты на улицах. Они их просто не провоцируют.

Но как обуздать шпану, компрометирующую, подставляющую порядочных, умных, достойных сыновей и дочерей Кавказа, ставших не только москвичами или петербуржцами, но составляющих гордость нашей страны, подобно олимпийским чемпионам, ученым или бизнесменам вроде братьев Магомедовых или Сулеймана Керимова, инвестирующих и в хай-тек, и в гуманитарные, образовательные проекты?

Думаю, что ребята со свадьбы могли стать жертвами спонтанной реакции (но после подготовленной все-таки провокации), возникшей после пусть и лживых, но не выглядящих фантастическими для многих сообщений о стрельбе в центре Москвы, о неподчинении полиции, о мате и о дорогих

автомобилях, гоняющих под громкую музыку и гудение без правил по проспектам столицы.

Какая из версий окажется правильной – покажет время.

Я же прошу еще раз и тех, кто считает себя русскими патриотами (а главная черта русских – тяга к справедливости), и тех, кто полагает себя журналистами, и тех, кто работает в полиции, и представителей власти взвесить все последствия – человеческие, общественные, политические – этой волны ненависти, которую подняла в обществе дезинформация о «кавказской свадьбе в центре Москвы».

В чем проблема Северного Кавказа?

Проблема Северного Кавказа прежде всего в его абсолютной несовместимости с тем либеральным экспериментом, который производится над нашей страной на протяжении последних двадцати лет.

Кавказ – общество традиционное. Это общество, которое даже если и не живет согласно законам шариата или согласно горским адатам, то все равно этика отношений, этика восприятия мужского и женского, этика восприятия героического, этика восприятия чести, этика восприятия силы и достоинства на Кавказе не совпадает с тем, как это декларируется либеральным обществом, где принцип заработка, принцип доходности, принцип успеха, выражаемый в финансовом измерении, является главным критерием успеха человеческой жизни.

На Кавказе либеральные ценности оборачиваются разгулом бандитизма, трайбализмом, невероятной коррупцией. Оборачивается победой сильных и гибелью слабых, как сказал Блок.

Только слабых на Кавказе нет. Слабые в ответ на действия сильных берутся за оружие. Сопротивляются тому, что вынуждает их стать просто массой, массой потребителей, которая условно называется «либеральное общество». Они не хотят, они не ощущают себя таковыми.

Они ощущают себя кавказцами – аварцами, даргинцами, чеченцами, ингушами, осетинами. Казаками, которых остались, правда, единицы, потому что гражданская война уничтожила практически все кавказское казачество.

Их этика противостоит тому, что делается с Россией, этому либеральному духу. Но мне кажется, что наша

власть начинает задумываться над тем, что силой Кавказ не обустроишь.

В 90-х годах, в эпоху суперлиберального разгула, приходилось слышать от людей очень либеральных взглядов, от людей, которые просто держали в каждой руке по прожектору перестройки и были застрельщиками либеральной революции, что Кавказ-то понимает только силу.

И они очень любили на эту тему порассуждать, что вот, мол, кнут и пряник необходимы.

Но, очевидно, они имели в виду какой-то другой Кавказ. Ни Лермонтов, ни Бестужев-Марлинский, ни Толстой не описывают такой Кавказ, по отношению к которому кнут и пряник являются эффективными.

Кавказ в советское время, особенно в послевоенных 50, 60, 70-х годах прошел период очень быстрой социальной модернизации.

На Кавказе возникла элита, которая была связана с этничностью, являющейся фундаментальным принципом кавказскости, связи с Кавказом, и одновременно имела очень высокий уровень образования и культуры.

Причем культуры интернациональной, поскольку каждый кавказец, в отличие, кстати, от русского, двуязычен практически с рождения, особенно на Северном Кавказе. Кавказец, как правило, знает свой родной язык и знает русский язык.

Есть непонимание человеческого типа, живущего на Кавказе, и того уровня внутреннего самосознания, которого Кавказ достиг за прошедшие годы борьбы и годы строительства.

Годы борьбы с огромной империей, которая бросала на Кавказ невероятную мощь, начиная с начала XIX века.

Практически все типы вооружения, кроме атомной бомбы, были применены на Кавказе. И все типы

политического и военного воздействия тоже.

В этой войне, в этой борьбе, которая чередовалась с периодами мирного роста, на Кавказе сформировалась своя особая среда русскоязычной, этнически мыслящей и этнически укрепленной интеллектуальной элиты.

Проблема Кавказа не только в том и даже не столько в том, что какая-то молодежь уходит в горы и вот как бы нам защитить молодежь от радикалов!

Это нудение «специалистов» по Кавказу совершенно бессмысленно, потому что надо понять социально-экономические и ментальные причины того нестроения, той глубокой драмы, которая происходит сегодня в Северокавказском регионе.

Кавказская интеллектуальная элита способна на огромные деяния, способна влиться в ряды правящей элиты, но туда ее не пускают.

Сегодняшняя Россия устроена так, что этничность привязывается к месту проживания этноса, как правило.

И при этом Россию называют еще какой-то империей. А это никакая не империя, это абсолютная бюрократия. Причем бюрократия с внутренним фактором этнической сегрегации внутри бюрократических структур.

Кавказ переполнен интеллектуальной элитой, и ей там тесно. Поэтому люди через диаспоральные структуры уходят в бизнес, в теневой бизнес, в федеральный бизнес, который все равно остается связан с этническими родинами кавказцев.

Люди уходят в разные формы политической деятельности, в разные формы религиозной деятельности, потому что свойство человека таково, что человек, в котором накапливается энергия интеллектуального, духовного действия, должен куда-то это вложить, куда-то направить.

Если государство не дает возможности для самореализации концентрированной кавказской элите, то она сама начинает искать эти способы, вступая в конфликт с государством. И мне кажется, что этот конфликт очень глубокий и стратегический.

Сегодня каким-то образом табуировали, ограничили привлечение кавказцев в военные училища, в силовые структуры – не регионального, а федерального формата.

Локализация кавказской элиты только в региональном формате приводит к тому, что социальная температура там повышается.

У России отсутствует кавказская политика. Если Россия не решит эту фундаментальную проблему, проблему формирования политики по отношению к Северному Кавказу, политики по отношению к элите Северного Кавказа, к молодежи кавказской, которая является будущей частью этой кавказской элиты, то для России это обернется тяжелейшей проблемой.

И эту проблему она уже не сможет решить лихими кровопролитно-ударными наскоками, как это было в 90-х годах.

Мир изменился, и то, что прощалось на сломе эпох, не простится миром в эпоху стабилизации и развития. Кавказ прошел через огромный и страшный опыт 90-х годов.

Что делать сегодня?

Для Кавказа необходимо сформулировать масштабные инфраструктурные проекты, это один из пунктов.

Каждый регион Кавказа, условно говоря – Восточный, Центральный, Западный Кавказ, должен получить масштабный проект, который будет выводить, который вовлечет в себя интеллектуальные, творческие, социальные ресурсы кавказских народов, жителей этих республик.

Ведь даже те регионы Кавказа, где вследствие сильной авторитарной власти временно решены какие-то проблемы, пусть и визуально, на самом деле эти регионы – тоже такая пороховая бочка.

А если что-то случится с лидером? А мы видим за последние несколько месяцев, что лидеры на Кавказе тоже из плоти и крови.

Боюсь, что даже авторитарные форматы, которые кажутся очень эффективными, могут посыпаться, потому что под ними все равно нет глобальной стратегической мысли о том, как выстраивать этот регион, каким образом с ним взаимодействовать.

Считаю, что должен быть создан специальный государственный институт по Кавказу. Необходимо работать с кавказской элитой, а не так, чтобы в Москве написали и дали Кавказу бумажку – исполняйте!

Есть такие идеи в Москве – давайте русских везде назначим, и будет мир.

Кавказцы не туземцы, не папуасы и не индейцы Северной Америки, как это видится неким теоретикам силовым, которые в солдатиков не наигрались.

Кавказская интеллектуальная элита уровнем иногда даже выше той элиты, которая сидит в Москве, и себя она нашла не на помойке. Но, с другой стороны, что-то надо делать и с бюрократией, с трайбалистской ситуацией на Кавказе.

Без заинтересованного, дружеского, терпимого обсуждения проблем Кавказа мы просто столкнемся однажды с проблемой, которую Москва уже не сможет решить никаким путем.

Есть очень много проблем. Как оставить на Кавказе молодежь? Люди получают образование и уезжают. Хорошо еще, если в Россию, а то уезжают вообще за границу – в Европу, в Америку. Создавая, между прочим, кадры оппозиции в заграничных диаспорах.

Или, например, как сделать так, чтобы кавказские диаспоры открыто работали, открыто действовали в российских городах, где они играют очень важную экономическую, иногда и социально-регулирующую роль.

И чтобы они стали инструментом взаимодействия с Кавказским регионом всего российского пространства.

Как инкорпорировать Кавказ в Россию? Как перестать бояться Кавказа? Этот безумный, животный, идиотический страх перед Кавказом, который транслируется в газетах и Интернете!

В СМИ была целая кампания проведена, чтобы доказать, что кавказцы какие-то не такие, другие.

Большое российское этническое пространство для Кавказа крайне необходимо. И Кавказ для нас крайне необходим.

Кавказ является резервуаром исключительно значимого человеческого материала, потенциальной политической элиты.

Вопрос в том, будет ли эта элита действовать от имени России на всем пространстве России? И значит, ей надо будет дать долю в управлении, во власти. Или она будет действовать против России?

Вопрос стоит именно так, стоит жестко и никак иначе. И этот вопрос мы должны решать.

Надеюсь, что у нас хватит мужества, терпения, воли и любви в христианском смысле решить эту тяжелейшую для нашей страны проблему.

КАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА КАК СУТЬ БУДУЩЕГО РОССИИ

Кавказская политика – ахиллесова пята России и ее исторического развития.

Ведь Кавказ – одна из трех опорных точек Российской Федерации (славяно-финно-угорский мир, тюркский мир, кавказский мир) и самая из них непонимаемая, вызывающая со стороны государственной машины порой то страх, то рефлексивные жестокие действия.

Поэтому Кавказ вот уже двести с лишним лет для России – территория непрекращающейся войны.

Отсутствие внятных целей, отсутствие аналитических центров (за исключением ведомственных в составе разных спецслужб), способных описывать Кавказ и включать его в общероссийский контекст, отсутствие эффективных несиловых инструментов политики, наличие в системе оценок и принятия решений мифологических штампов типа «ваххабизм», «геноцид русских», «оплот России на Кавказе», «добровольно Кавказ не вошел в Россию и добровольно не выйдет» и т. д. – вот то, что на первый взгляд бросается в глаза всякому, кто занимается регионом, в существующих у власти подходах к кавказской политике.

Есть и другие аспекты взглядов на решение проблемы Кавказа – возможно, главной проблемы российской государственности.

Попробуем предложить несколько стратегических, фундаментальных тезисов, опираясь на которые Россия могла бы строить долгосрочную кавказскую политику.

Главный тезис, от которого должна выстраиваться вся кавказская политика:

Кавказ является неотъемлемой частью России потому, что без него Россия утратит свое историческое бытие и прекратит существование как мировая держава.

Известны вопросы, которые задают публично и внятно сторонники отделения Кавказа, сторонники выделения исконных русских территорий в самостоятельное государство. И у власти нет ответа на эти вопросы, кроме риторических лозунгов.

Зачем Россия ведет двухсотлетнюю войну за Кавказ, требующую невероятных жертв русского народа и народов региона?

Каковы сегодня понятные народу выгоды от борьбы за Кавказ для огромной России, кроме плохих курортов, олимпийских медалей в борцовских видах спорта, кавказских ресторанов и влиятельных кавказцев-бизнесменов?

Почему Северный Кавказ должен быть в составе Российского государства, если Южный Кавказ пусть и с трудом, но существует в виде суверенных государств?

Нужна ли российскому бюджету огромная нагрузка в виде дотаций кавказским регионам, если Российское государство не в состоянии справиться с невероятной коррупцией в некоторых из них?

Военное противостояние на Кавказе подводит Россию к возможности прямого военного конфликта со странами Запада. Отвечает ли это интересам России? И если да, то в чем эти интересы?

Если Кавказ является источником фундаментализма и терроризма, выходцы из него совершают теракты в российских городах – зачем это большой стране?

Русское население на Кавказе испытывает естественное социальное, экономическое, политическое давление со стороны местных этнических элит и

развивающегося этноцентричного общества – должно ли Российское государство защищать его именно как русское население, отделяя от граждан РФ других, кавказских, этносов?

Вот только некоторые из жестких вопросов, которые ставят сегодня сторонники так называемой национал-демократии.

Уверен, да и знаю по личным беседам, что у них немало покровителей в высоких кабинетах власти, среди людей, которые публично лицемерно клянутся в верности территориальной целостности РФ, а в частных разговорах боятся и ненавидят Кавказ, мечтают о его отделении.

Очевидно, что и на Кавказе немало сторонников его суверенного развития, отделения от России. Парадоксально, что позиции прозападных либералов и националистов в Москве и радикальных исламистов в горах Дагестана сходятся в одном – Кавказ должен быть отрезан от большой страны.

Крайние из кавказских сепаратистов – апологеты Имарата Кавказ во главе с Умаровым, сторонники создания на Северном Кавказе сурового тоталитарного государства на основе исламской идеологии, использующие для этого практику террора.

Умеренные – кавказская интеллигенция, уставшая от кавказофобии российских СМИ, нерешенности межэтнических проблем, коррупции, бюрократического и силового произвола, отсутствия свободы слова и находящаяся под очарованием европейского демократического пути, подразумевающего национально-этнические суверенитеты под властью наднациональной, космополитической бюрократии.

Каким образом ответить на жесткие вопросы всех этих общественных и политических групп?

Власть отвечает силой, проигрывая войну смыслов и образов.

Пока силы хватает. Но закон любой войны гласит, что тот, кто хочет просто удержать территорию, неизбежно ее потеряет. Тот, кто просто обороняет крепость, неизбежно ее сдаст.

Смысл Кавказа для России - не только в его плодородных или высокогорных землях и красотах, пригодных для сельского хозяйства или курортного бизнеса, не в транзитных путях с севера на юг и с востока на запад, не в культурных и религиозных памятниках и т. д.

Смысл Кавказа для России в том, что именно его наличие в составе демократической Российской Федерации позволяет ей быть единственным в мире государством, объединяющим в рамках одной политической системы несколько цивилизаций с их особенными укладами и базовыми принципами существования.

Кавказ - именно особое цивилизационное пространство - иное по отношению к русскому, арабскому, тюркскому, западноевропейскому или китайскому миру.

Как и всякое особое цивилизационное пространство, он основан на уникальных базовых цивилизационных принципах.

Для любой цивилизации существует по меньшей мере три таких особых, суверенных принципа - не повторяющихся в других цивилизациях, самобытных учений о социальной коммуникации, о том, что есть добро, и о том, что есть зло.

Эти принципы формулируются в культуре, отражаются в народной жизни.

В русской цивилизации, например, таковыми являются: естественная народная тяга к обществу социальной справедливости и нестяжанию (Толстой это сформулировал так: «Если злые объединяются ради злых дел, что мешает добрым людям объединиться

ради дел добрых?»); учение о пришествии Царствия Божия на Землю (православные духовные тексты монахов и странников); неприемлемость абсолютного тоталитарного государства (легенда о Великом Инквизиторе Достоевского).

Кавказская цивилизация, включающая в себя пространство от Аракса до Кубани и Дона, окаймленная Черным и Каспийским морями, формировалась и формируется как пространство жесточайшей этнической конкуренции.

Подавляющее большинство кавказских этносов – осколки великих народов прошлого, оттесненных завоевателями в неприступные горы и выдержавших там беспрецедентную битву за выживание.

Казаки, или потомки казаков, по сути, также являются потомками свободных групп русскоязычного христианского населения, потерпевшего поражение в борьбе с империей в ходе нескольких кровопролитных войн (Разин, Пугачев, Булавин). Начиная с XVI века они живут на Кавказе и в предгорьях. И вполне аутентичны для кавказской цивилизации.

На Кавказе нет больших народов (кроме русских не-казаков и армян, которые не являются кавказцами, строго говоря). Эта малочисленность не дает возможности ни одному из них подчинить себе значительные территории.

Объединением Кавказа в разные времена занимались великие империи: Римская, Персидская, Византийская, Арабская, Монгольская, Османская, Российская.

Империи, принося на Кавказ ужас войны, приносили ему в эпоху мира возможности технологического, политического развития.

Опыт, который они выносили с Кавказа, говорит о том, что населяющие его этносы практически не ассимилируются. Уничтожаются, выселяются, но не растворяются в народе-победителе.

Борьба между разными кавказскими этносами за жизненное пространство, невозможность окончательной победы в этой борьбе привели к необходимости постоянного формулирования договорных отношений как основы сосуществования.

В ходе истории выяснялось, что и для борьбы с внешними захватчиками (всегда чужими для коренных кавказских народов) даже конкурирующие из-за земли, воды, контроля торговых путей этносы вынуждены объединяться.

Таким образом выработался первый принцип социальной коммуникации в рамках кавказской цивилизации – договор, который оберегает отличие тебя от соседа, позволяя сохранить самобытность, но гарантирует обеспечение совместной безопасности и развития в контактах с внешним миром.

Необходимо учитывать, что невероятные порой этнические различия, которые можно наблюдать, например, в Дагестане даже между соседними аулами, не являются фактором вражды. Ситуация Кавказа (особенно Северного, российского) определяется понятием «всеобщее перемирие».

Не мир, не слияние, не война, а именно перемирие, договор и его соблюдение.

Именно потому, кстати, события 1992 года в Пригородном районе были таким шоком для Северного Кавказа, видевшего и более масштабные, более кровавые войны. Но то были войны между кавказцами и внешними силами. Между ингушами и северными осетинами – бывали конфликты, но не было войны на истребление.

Пришедшие с юга «беженцы» – люди иной культуры. Осетины юга веками находились под властью грузинских феодалов, фактически были привязаны к земле, закрепощены, не имели навыков свободного владения оружием, ответственности за это владение.

Они не знали в той мере, как северокавказцы, что значит «земля народа», что значит граница насилия, за которой начинается разрушение самих основ кавказской цивилизации, кавказского мира.

Захват чужих этнических территорий, насилие над женщинами, убийство детей и переселение на захваченные территории – все это резко нарушило баланс Северного Кавказа и Кавказа вообще. Характерно, что северные осетины стараются не жить в ингушских домах Пригородного района, они заселены именно осетинами-южанами.

Учение об образе добра для Кавказа вытекает из склонности его народов к конкурентной борьбе за выживание и формированию, вследствие этого, особого человеческого типа – заряженного на победу, на доминирование, готовность к конфликту и одновременно яростно отстаивающего собственную идентичность.

Фактически главный принцип добра для кавказской цивилизации – в сохранении идентичности его народов и этносов. Все, что позволяет это, – добро (пусть даже оно принимает формы империй, государств типа СССР, религиозных идеологий и т. п.). Все, что мешает, угрожает, – зло.

Именно поэтому, кстати, на Кавказе не приживутся никакие религиозные доктрины, какую бы популярность они ни получали в годы войны и кризиса, которые в своей конечной перспективе стирают этническую уникальность.

Радикальный салафизм (называемый в России ваххабизмом) отрицает этничность и настаивает на ее противоречии исламу. Мусульманин по этому учению теряет этническую принадлежность.

Эта идеология, безусловно, эффективна для мобилизации в ходе войны, подобной чеченской девяностых годов. Она позволяет бойцам ощущать себя

единым целым. Но в мирное время позиции радикального салафизма неизменно будут ослабевать, поскольку вступают в непримиримое противоречие с фундаментальными принципами кавказской цивилизации.

Примерно такая же ситуация была с имаматом Шамиля и отношениями Кавказа с советской властью.

Движение Шамиля, мюридизм, стало терять популярность в тот момент, когда власть имама, казалось, была непререкаема. Именно универсализм, уничтожающий идентичность, будучи сильным фактором в начале газавата, стал его слабостью в момент почти победоносный (пример – история Хаджи-Мурата).

Советская власть была поддержана Северным Кавказом (да и Кавказом вообще), поскольку первыми лозунгами революции были право наций и религий на самоопределение.

Кавказские народы увидели в советском движении возможность «сочетания разного» – очень похожее на то, что естественно и органично для Кавказа.

Сталинская унификация, уничтожившая стихийный демократизм первых советов, привела к росту сопротивления, фактически Кавказскому восстанию, чем объясняется и высокий уровень коллаборационизма в годы войны со стороны кавказских народов.

Итак, зло – то, что уничтожает Кавказ как общее и кавказскость как частное.

Любым подобным идеологиям, политическим или религиозным движениям, государственным или надгосударственным институциям Кавказ будет сопротивляться до последнего вздоха.

Будучи включенным в состав России в ходе исторических перипетий, распространения военно-аристократической империи, а потом и бюрократической сталинской, Кавказ сохраняет свои

уникальные черты и в составе страны, заявившей о демократии как политическом строе.

Сложность строительства демократической Российской Федерации именно в непонимании, как соединить такие разные ее миры: русский, кавказский, тюркский.

Они буквально разрывают страну, стягиваемую фактически на сегодняшний день только ресурсами бюрократического управления, силового фактора и безальтернативностью инфраструктурных решений.

По мере стабилизации и развития, которые заявлены Владимиром Путиным как основа будущего страны, эта ситуация имеет шанс на коренные перемены.

Неизбежно как развитие общественных и информационных институтов, так и накопление свободного, независимого от бюрократии капитала с последующими инвестициями его в развитие упомянутых институтов.

Внутренний потенциал развития многоцивилизационной Российской Федерации в ближайшие годы будет превышать возможности его осваивания, классические для Российского государства (управление, силовой фактор, концентрация капитала и информресурса в руках правящей госэлиты) методы упакывания в себя всего этого многообразия, «цветущей сложности».

По мере этого процесса в центре России будут нарастать факторы раздражения относительно Кавказа, потому что, уверен, выходцы из Кавказского региона обладают во многом конкурентно приоритетными антропологическими чертами и социальными навыками.

Достаточно для простоты понимания этого тезиса заметить, что практически все кавказские дети к пятишести годам сегодня двуязычны – они владеют родным языком (как правило, сложнейшим

семантически, синтаксически и фонетически) и абсолютно им чужим русским, являющимся для Кавказа вместе с тем языком, открывающим доступ ко всем формам развития: технологического, политического, философского, культурного, военного, даже религиозного (салафитская полемика ведется на русском языке).

Выучить к шестнадцати годам второй (английский), третий (арабский) или четвертый (язык соседнего народа, допустим, любой тюркский) для них проще, чем даже для развитого московского школьника их лет.

В бизнесе склонность к формированию этнического ядра корпоративной деятельности (по родственному или территориальному признаку) обеспечивает кавказским бизнесменам решительное преимущество – повышает уровень внутреннего доверия, дает порой возможность при оперативном принятии важных решений в присутствии конкурентов переходить на родной, не понятный никому из присутствующих один из кавказских языков.

Это вкупе с демократическими и экономическими возможностями современной Российской Федерации будет восприниматься средним слоем мегаполисов и прочих развитых социальных, экономических и общественных центров как конкурентная угроза.

Призывы к устранению конкурентов, отделению Кавказа под разными предлогами будут звучать все громче и отчетливее.

Характерно, что история с так называемой «кавказской свадьбой», якобы стрелявшей в центре Москвы (что оказалось ложью), вызвала потоки кавказофобии даже в уважаемых СМИ.

С точки зрения социальной психологии интересно, что героями этой истории стали не социальные маргиналы, выходцы с Кавказа, которых немало и которые вполне являются проблемой, а, напомню,

представители технической и интеллектуальной элиты – выпускники математических факультетов МГУ, аспиранты в области развития IT-технологий и сотрудники высокотехнологичных современных российских корпораций.

Их порочили и унижали все больше по мере выяснения их социального статуса.

Таким образом, потенциальный источник силы Российской Федерации становится ее проблемой в силу ненахождения властью механизмов интеграции Кавказа в Россию, а России – в Кавказ.

Попробуем еще раз ответить на вопрос: зачем же все-таки России нужен Кавказ и каков его потенциал развития, без которого нас всех ждет историческая катастрофа, подобная 1991 году?

Антропологический ресурс модернизации

Кавказ является проектным человеческим ресурсом России с точки зрения соответствия его населения задачам управления и развития.

Человеческие качества интернационального общекавказского пространства: пассионарность, готовность к «служению», приоритет традиционных ценностей (верховенство мужского начала в политике), высокий интеллектуальный и технологический уровень кавказских обществ, достигнутый в ходе советской модернизации, – создают уникальный, не существующий более ни в одной точке земного шара характер кавказского «человеческого материала».

Для решения задач модернизации постиндустриального типа такой человеческий ресурс является бесценным.

Именно поэтому Россия должна бороться за сохранение кавказского человеческого ресурса,

развитие его и интеграцию в общероссийские модернизационные проекты.

Модернизация неоиндустриального типа имеет высокий запрос на необходимую ей социальную группу. Если система образования и политические органы, отвечающие за развитие (полпредство СКФО), смогут решить эту задачу, Россия получает важнейший антропологический ресурс под стратегическую задачу ближайших десятилетий.

Демографический ресурс

Несмотря ни на какие постиндустриальные теории, численность населения является важнейшим стратегическим фактором (хотя и не определяющим) в борьбе за мировое лидерство.

Особенно это существенно для государств, претендующих на интеллектуальное лидерство и обладающих, подобно РФ, инструментарием (научным, образовательным, финансовым) для достижения такого лидерства.

На сегодняшний день расширенное демографическое воспроизводство сохранено только у народов Кавказа – практически все кавказские республики имеют позитивный демографический прирост. Преимущественно это проявлено в Дагестане, Чечне и Ингушетии – в наиболее развитых с точки зрения культурного, социального и государственного самосознания регионах российского Кавказа.

Борьба за потенциально растущее население, обладающее качествами кавказского типа, перечисленными выше, является важнейшим мотивом борьбы за сохранение и интеграцию Кавказа в Россию.

Угроза афганизации региона

Потеря Северного Кавказа – это потеря всех типов стабильности в южном подбрюшье Российской Федерации.

Кроме России, на сегодняшний день просто нет другой силы, способной стабилизировать этот регион, полный внутренних системных противоречий. И главное, нет силы, заинтересованной в стабильности этого региона.

Этнические, религиозные противоречия и этническая пассионарность населения превратят Кавказ в постоянный военизированный очаг напряженности и терроризма.

При этом процессы «афганизации» Кавказа будут проходить по иным, в отличие Афганистана и подобных ему регионов мира, сценариям.

Само население большого Кавказа обладает, вследствие советской модернизации, высокими интеллектуальными и технологическими навыками. Оно «не простит» России отказа в продолжении модернизации и превратится из союзника в опасного, высокотехнологического и интеллектуального врага, победа над которым неочевидна.

В силу теснейшего исторического, культурного, политического и экономического переплетения кавказских обществ с российским возникнет процесс вытеснения кавказских диаспор, укорененных в российском социальном, экономическом и культурном пространстве.

Это вызовет тенденции к формированию новых национальных и этнических государств на Кавказе, и эти процессы будут финансироваться за счет вкладывания в поддержку радикальных национальных

и религиозных движений финансовых средств кавказских диаспор, вытесняемых из российского поля.

Все эти процессы неизбежно приведут к ослаблению РФ и ее возможному распаду, по крайней мере, к утрате суверенитета – для «обуздания терроризма» на Кавказе; на его территорию и территорию прилегающую, скорее всего в этом случае, будут введены так называемые миротворческие, а по сути оккупационные силы Запада.

Логистический аргумент

Необходимо отметить, что Кавказский регион является важнейшим транспортным и транзитным регионом мира, примыкающим к ключевым экономическим, энергетическим и сырьевым регионам – Европе, Ближнему Востоку, Персидскому заливу, Средней Азии, Индии и Китаю.

Про важность для России контроля или, по крайней мере, мирного сотрудничества с партнерами по транзиту товаров, сырья и людей через Кавказский регион сказано немало.

Участие России в развитии логистики региона, а при возможности и доминирование на транзитных путях Кавказского региона – важнейший «кавказский смысл».

Кавказ - последний исторический смысл России

Если предположить, что смыслы России, позволяющие ей продолжаться в истории, заложены в ней самой – например, в преодолении тех внутренних противоречий, из которых она состоит, – то Кавказ становится важнейшим смыслом России XXI века.

Он – самое большое и последнее из противоречий России, которые заложены в ее внутренней природе. Он последний ресурс русской истории. Последний нереализованный смысл нашей страны, нашего великого проекта.

И решить «проблему Кавказа», позитивно интегрировать его в контекст российской истории – это значит продолжиться в истории именно как Россия, в том смысле, какой вкладывал в это понятие, например, Достоевский в своей Пушкинской речи, говоря пророчески о Пушкине (русском, арабе и т. д.) как о русском человеке, каким он будет «через двести лет».

Гражданский и правовой смысл Кавказа

Либералы (да и некоторые сторонники «силовой» линии) часто сравнивают Кавказ с Алжиром. И любят приводить пример про якобы удачный опыт Франции с Алжиром как аналог «мудрости» политики по отношению к Кавказу.

Но Алжир – колония, жители которой не имели одинаковых гражданских прав – арабы, берберы и французы.

Северный Кавказ – правовое и гражданское поле Российской Федерации. Все его жители, независимо от национальности и вероисповедания, имеют такие же конституционные права, как и обитатели Москвы.

Каким же уровнем лицемерия и подлости надо обладать, чтобы, на словах рассуждая о правах человека, на деле вести дело к лишению миллионов жителей Северного Кавказа их гражданских, конституционных прав?

Этот подлый гипотетический поступок не может не отразиться и на судьбе остального гражданского поля

РФ, приведя к полной девальвации государственности и деградации РФ как исторического субъекта.

Таковы мысли и тезисы о Кавказе как сокровище, которое на данный момент Россия не в состоянии удержать, а потому, создается впечатление, скорее готова его уничтожить.

Но повторю еще раз: уничтожая Кавказ, Россия уничтожит и саму себя. Приняв Кавказ, Россия выйдет на новый уровень развития, станет сильнейшим государством мира (каковым она была, имея весь Кавказ в своем составе).

Третьего не дано.

Как стать вменяемыми людьми?

Можно оценивать народы не в целом – вот русские все хорошие, а кавказцы плохие. Или все кавказцы хорошие, а русские плохие.

А взять билет, прилететь в Грозный, подойти на улице к прохожему и сказать: «Знаете, я впервые приехал в ваш город. Могли бы вы показать мне его? Мне это очень интересно».

Уверяю вас, что следующие две недели будут для вас очень интересными. Просто если вы это скажете нормально, по-человечески, вы узнаете чеченский народ. Более того, вы полюбите чеченский народ.

Вы поймете, что в нем есть негодяи и подонки, как и в каждом народе, а есть и вменяемые люди.

Так же и в русском народе, есть негодяи и подонки, а есть вменяемые люди. Вменяемых всегда большинство.

Нет конфликта между русскими и кавказцами. Есть конфликт между эксплуататорами и ворами и остальным интернациональным народом.

Как воры и эксплуататоры интернациональны, так и мы, те, кого они грабят, тоже интернациональны.

Когда мы это поймем, у нас будет шанс на будущее. А если будем позволять сталкивать нас с чеченцами, дагестанцами, кабардинцами, шанса на будущее у нас не будет.

Всегда воры будут наверху, грабители будут наверху, а под ними мы будем друг друга лупить дубинами и кулаками с криками «Я кавказец!», «Я русский!». Так и будем умирать, как дрессированные бульдоги в загоне.

У русских с кавказцами нет конфликта. У вменяемых людей. У любого человека нормального есть конфликт с

этой бесчеловечной либеральной системой потребления и эксплуатации.

Конечно, среди кавказцев, как и среди любых других народов, есть много недостойных людей. Но дело не в национальности.

Быдло интернационально. Кавказское быдло ходит в те же самые клубы, смотрит те же самые фильмы, что и московское.

Нет разницы между московским быдлом и, допустим, махачкалинским. Они-то общий язык всегда находят.

Но так же должны найти общий язык и те, кто постулирует духовные ценности, те, кто, например, не пьет.

Поэтому считаю, что в России нужно заниматься не унижением кавказцев или представителей Средней Азии.

В России необходимо ограничить потребление спиртного и заняться наконец планомерным развитием села и малых городов.

Поддержка русского села должна стать национальной программой. Поймите, многодетных семей в больших городах не бывает. Многодетные семьи бывают в малых городах и в селах.

Главное сегодня – не уничтожать село. Вот едешь, видишь села разоренные. И вдруг – в стороне от основной дороги стоит крепкое село, крепкие дома.

Кто живет? Староверы живут. У них семьи большие, дома крепкие, хозяйство сильное. Не пьют, запрет у них на пьянку, не воруют. В Бога верят.

Каждый человек отвечает за себя и за своих близких. Жизнь – штука жестокая. И если мы выберем дорогу быдла, так и умрем быдлом и будем гореть в аду.

А если мы вернемся к нормальному состоянию людей, как это предписано Богом, тогда у нас и

конфликтов не будет никаких, и будем мы жить мирно –
и русские, и кавказцы.

Демократия или свобода?

Я приверженец идеи суверенной демократии, которую, кстати, не Сурков придумал. Он, скажем так, напомнил о ней.

Есть ли у нас демократия такого типа, как она есть, допустим, в США, или в Великобритании, или в Швеции, или во Франции? Нет, такого типа демократии у нас нет.

У нас есть вполне оригинально сформировавшаяся нашим трагическим опытом и 80-х, и 90-х годов своя демократия – с сильной государственной властью, с сильной бюрократией, с сильной местнической номенклатурой.

Демократия с политической системой, которая находится в ситуации трансформации, со вполне широким и достаточно мощным пространством высказываний и общественных дискуссий, которые, поверьте, гораздо более свободные, чем в Западной Германии, например, во Франции.

В России нет закона, по которому за историческое высказывание, которое, может быть, не попадает в концепцию государства, вас сажают в тюрьму. А в Германии и во Франции есть.

Если в Германии сказать в публичном пространстве: вы знаете, Мартин Хайдеггер и Эрнст Юнгер в своих статьях 1929–1932 годов, обращенных к профсоюзам, были правы, – то можно получить пять лет за это высказывание.

Свободы слова в России больше. В книжных магазинах в России вы можете найти книги, которые поддерживают генерала Власова и которые осуждают генерала Власова.

Вы не можете найти книги на схожие темы по недавнему прошлому в немецких или французских больших книжных магазинах – это какие-то закрытые, маргинальные магазины будут.

Говорят: а вот во Франции рядом с книгами продается кукла вуду президента Николя Саркози. Если кукла вуду, комиксы и другие смешные пародирующие вещи являются признаком свободы слова, то я выступаю за другую свободу слова в русской интерпретации.

Это – свобода высказывания, свобода поиска смысла и свобода доносить последствия этого поиска смысла до широкой аудитории.

В России издается невероятное количество политологических книг по самым разным вопросам. Есть невероятный спектр изданий, где обсуждаются и полемизируются самые разные вещи.

Конечно, демократии – в плане возможностей реализации гражданами своих вполне законных замыслов в бизнесе, в политическом действии, в создании средств массовой информации – демократии в этом смысле, вернее, не демократии, а свободы не хватает.

Слово «демократия» носит очень странный характер. Скажем, демократия в Афинах подразумевала наличие рабства. Так что нынешнее слово «демократия» не описывает всей полноты возможностей. Что такое демократия? Абстракция.

Вот свободы в России мало. Эта свобода подавляется во многих местах. Она подавляется коррупцией, она подавляется номенклатурой, она подавляется бесконечными режимами КТО в самых разных местах (на Северном Кавказе в основном).

В этом, конечно, у нас очень серьезная проблема. И с точки зрения достижения обществом социальной свободы, равных социальных возможностей, социального государства, как это сказано в

Конституции, нам еще идти и идти, строить и строить,
бороться и с собой, и с тем, что внутри нас.

Сергею Минаеву

Фокусник в пространствах плоских
Одиночеством гонимый
Пишет палочкой на воске
Мертвых дел неумолимо

Занят ум его тревожный
Персонажей пробуждением
И пульсирует под кожей
Наслаждение мгновением

Сладкой опухолью мозга
В два прихода три приема
И бежать как будто поздно
И подохнуть как-то стремно

Этих фокусов уродство
Нам показывает смело
Удивительное сходство
Кукол черных кукол белых

Фокусник, оставь в покое
Этих тварей бессловесных
Не ломай своей рукою
Их гробов холодных тесных!

Мертвецы твои познали
Все нюансы пробуждений
И теперь уже едва ли
Возвратятся в царство тени

Они станут здесь богами

Коридоров кабинетов
Станут нашими мозгами
Обжираться за обедом

Станут появляться в теле
И мы будем одержимы
Где-то в полночь, раз в неделю
Лживым голосом режима

Станем мы консервативны
Станем мы тогда довольны
Словно мухи в паутине
Где спокойно и небольно

Этот фокус слишком страшный
Слышишь, фокусник проклятый!
Как ушедший день вчерашний
Весь изорванный измятый!

Но увы он пишет пишет
Текст выводится все лучше
И уже все тише тише
Наши страхи наши души

ЭЛИТЫ ДОЛЖНЫ ВСПОМНИТЬ О НАРОДЕ ИЛИ ИСЧЕЗНУТЬ

Совместное прошлое, общее будущее

- В последнее время вы не раз говорили, что в России началось построение нации. Какие признаки этого вы усматриваете?

- Главный признак - целеполагание. Заявлена цель, куда мы идем. В политике это, между прочим, самое важное. Все ельцинское время повторяли: «национальная идея», но ничего не происходило. Президент Путин в своей предвыборной статье о национальном строительстве заявил: мы строим политическую нацию при сохранении и развитии этнокультурного многообразия народов России. Эта политическая формула очень емкая и одновременно очень сложная. Затем появился документ - стратегия национальной политики, - который тоже почему-то не могли создать в предыдущие двадцать лет. Да, были некие общелиберальные тексты, но впервые я увидел документ (и, кстати, сам принимал участие в работе над ним), который в полной мере излагает не абстрактные принципы, перенесенные из США или Западной Европы, выработанные их политиками и технологами, а в значительной степени опирается на принципы жизни и реалии нашей страны.

И впервые четко заявлено, что мы строим и куда развиваемся, а это уже половина дела. Вторая половина - как обеспечить достижение этой цели. Я вижу, как в обществе - причем спонтанно, а не по приказу власти - началась широкая дискуссия по национальному

вопросу, вопросу о языке, о мигрантах, об отношениях между регионами, между религиями. На эти темы есть общественный запрос, в том числе на тему распределения национального капитала, который создается, но идет неизвестно куда. Проблема офшоров, офшорной аристократии и национализации элит напрямую связана со строительством нации. То есть время само вынуждает Россию к этому движению.

- Вы обозначили два компонента процесса: первый - разнообразие этносов.

- Это не я, это Путин. Просто неожиданно совпало с тем, о чем я говорил много лет.

- Хорошо, Путин. Национальное многообразие, с одной стороны, политическая нация - с другой. Что это такое?

- Совокупность людей, ощущающих между собой общность, обусловленную в том числе единством истории и образом общего будущего. Это не значит, что мы все согласны со всем, что написано в летописях и учебниках. Но с разными нюансами, подходами и взглядами мы признаем, что переживали одну и ту же жизнь. Это как брак, жили вместе мужчина и женщина, потом развелись. Она говорит: он подлец, слышать о нем не желаю; он говорит: она ангел, создала всю мою жизнь. Они по-разному видят прожитое вместе, но все равно имеют общую историю, даже если смотрят на нее разными глазами.

Это и не значит, что мы одинаково видим будущее - в нем есть различия. Но различия (политические, экономические) существуют в рамках общей судьбы всех, кто эту судьбу ощущает именно как общую. Только так возникает нация!

Нельзя заставить людей маршировать и думать одинаково, в своем развитии наш народ прошел тот этап, и нас это уже совершенно не устраивает.

Итак, нация – совокупность людей, имеющих общие цели в будущем, общее (хотя и не одно и то же!) прошлое, единое правовое поле и единый политический язык в настоящем.

Последнее – очень важно. Не вообще язык, а именно политический. То есть язык, на котором создаются базовые инструменты политического развития. Для англосаксонской цивилизации это английский; для нас – русский. Существуют языки чеченцев, татар, бурят, якутов, евреев, армян, грузин и т. д. Но это (внутри России) – инструменты этнокультурного развития, а не политического. Через язык люди разъединяются, как было в начале 90-х, когда разные политические языки конкурировали между собой, через обретение одного языка политического развития они объединяются – и русский в конечном итоге победил.

Единый политический язык – обязательное условие существования нации.

Кстати, экономика не всегда является признаком нации. Тем более в мире глобального банкинга и рынка. Важнее, на мой взгляд, говорить о способах производства национального богатства, его распределении и использовании.

Безликая толпа не получится

– Есть, возможно, один из ключевых признаков нации – общие ценности. С тех самых статей Путина и особенно после его послания Федеральному собранию в декабре 2012 года начались поиски каких-то скреп, активно заговорили о ценностях. Консенсус по базовым ценностям – неотъемлемый элемент национальной идентичности.

- Ценности - это живой организм, они не выстраиваются по универсальному лекалу. Между американской, французской, китайской нацией - принципиальная разница, в том числе в ценностях. Российская нация сама вправе формулировать и определять свои ценности.

- Верно. Только где они? А между тем построение нации и происходит, в том числе через выработку и принятие ценностей.

- У нас еще есть немного времени на это, хотя отсутствие общих принципов социальной, правовой и политической жизни сильно ослабляет нашу страну, делая ее добычей внутренних и внешних хищников.

Есть традиционные ценности: религия, сохранение этнокультурного содержания наших народов. Более сотни народов нашей страны хотят сохранять свою идентичность, а не растворяться в единой массе безликих «россиян». Есть доминирующая религиозная парадигма на территории страны - монотеизм, который можно усмотреть даже в буддизме. Это постулирует общие этические принципы. Таким образом, союз народов при общих традиционных ценностях в рамках единого могучего государства, которые позволяют этим народам оставаться народами, и есть наш главный национальный ориентир.

- Вы вновь затрагиваете прежде всего этнокультурный аспект. Что является чертами именно политической идентичности?

- Политика - это искусство развития в мире конкуренции. Мы хотим создать единый сильный политический субъект, в котором вместе выступают православный, мусульманин, буддист, католик и т. д. То есть всякий, кто ощущает себя гражданином нации, частью общего. Цель - чтобы мы выступали как единое целое и развивались одновременно и как целое, и как

групповые или личностные индивидуальности. И чтобы эта разница была залогом не нашей слабости, а силы.

- Однако это вновь не общегражданские признаки.

- Гражданские признаки - это результат договоренностей. Мы подходим к осознанию того, что сейчас надо заняться тем, чтобы договариваться самим, а не считать, что Запад что-то даст. Прежде нам все время говорили, что *там* есть высокоразвитая цивилизация, которая сформулировала ключевые признаки демократии и политического развития, что надо ориентироваться на *них*, чтобы войти в так называемую семью цивилизованных народов. А я считаю, что мы сами по себе цивилизованный народ. Просто наша цивилизация - иная, не европейская.

- На нынешнем этапе вы усматриваете те самые объединяющие точки, опоры за пределами этнического многообразия, которые могли бы служить формированию общей гражданственности?

- Пока единственное, что объединяет народ нашей страны, - сильное государство. Точнее, относительно сильное. На федеральном уровне - сильное, на региональном - все более и более криминальное, а значит, слабое. Держит, связывает всех воедино пока именно мощь федеральной власти, обладающей значительными силовыми и информационными ресурсами.

Но этого недостаточно. Люди, общество будут развиваться, будет вырастать капитал, который в том числе станет инвестироваться в свободное интеллектуальное развитие. Кто-то инвестирует в производство, кто-то в инфраструктуру. Но какая-то доля капитала обязательно инвестируется в развитие интеллигенции, в тех, кто задает вектор движения.

Человек вообще-то должен познаваться не через капитал, а через труд. Такое философское политическое понятие, которое придает человеку совсем иное измерение. И ценность человека должна ассоциироваться не с капиталом, которым он располагает, а с трудом, благодаря которому он и располагает определенным типом капитала.

Революционное устремление тогда и сейчас

- Скорее, это принципы протестантской трудовой этики.

- Нет! Вся история России, накопления и инвестирования капитала заключалась в том, что существовало, условно говоря, две страны. Одна – страна аристократически-чиновничьего аппарата, который владел огромными ресурсами: территориями, землей, людьми, в современном мире – газом, нефтью... И это были основы его власти и могущества. Другая – страна народа, который еще в XVII веке был изгнан из политического поля...

- И не очень стремился обратно.

- Еще как стремился! Вся русская революция – это попытки народа вернуться в политическое управление.

- Вот-вот, через революции – это мы умеем...

- Так власть доводила до этого! Я вменяю отношусь к русской революции, считая ее естественным этапом развития русского народа. Но сегодня условий для революции в России нет. Есть огромный ресурс мирного развития, в отличие от конца XIX – начала XX века, когда шла беспощадная борьба между бюрократическим аппаратом и народом за ресурсы этого самого развития. И возможности договориться таяли на глазах – по мере роста могущества двух мегапартий, основанных на двух типах капитала.

Два типа капитала вступили в России в непримиримый конфликт- основанный на власти и владении ресурсом (сырьевым, финансовым) с последующей поставкой его на внешний рынок, и основанный на труде и продаже его результатов с развитием внутреннего рынка.

Оба они стали невероятно могущественны и не смогли договориться, создав вакуум управления, который заполнил большевизм.

Сейчас оба типа капитала слабы и мало политизированы. Но времена меняются...

Собрание и криминал

- Вы упомянули, что само время вынуждает к национализации элит. Что вы подразумеваете под этим процессом?

- В России есть рамки федеральной власти, и это хорошо. Но я много езжу по стране и вижу: во многих регионах ситуация чудовищна. Есть регионы с нормальными губернаторами, там и жизнь у людей нормальна. А есть такие, где просто криминальная элита сидит на земле, прикрываясь «Единой Россией», КПРФ, другими партиями, и высасывает жизнь из народа. Перед федеральной властью стоит вопрос: объявить такой элите войну? Но тогда это будет противоречить самой сути путинского курса - собиранию всех. Но и мириться с этим нельзя.

- Насколько я понимаю, ваша позиция: их нужно либо нагнуть, либо изгнать.

- Я призываю их, как вы говорите, нагнуть в интересах развития нации с помощью создания инструмента политического принуждения. Возможно, партии, но которая не формально играла бы роль некоего собирателя управленческого слоя, как это было с

«Единой Россией», а которая объединяла бы самые разные, в чем-то даже радикальные силы, стоящие на позициях национального развития. Сегодня главным врагом России, Путина, федеральной власти является криминальная элита.

Не партия, но сила

- Был советский партийный опыт, в том числе опыт принуждения. Потом в постсоветские годы строили разные партии; остановились пока на «Единой России», но, возможно, скоро начнем строить что-то новое.

- Я говорю не о партийной структуре, а о политической силе. Мне все равно, как она будет выражена, - в виде фронта, движения, еще как. Но это - одна из последних надежд.

- Да почему сейчас-то должно получиться! Что дает вам основания так считать?

- Только моя вера в мою страну. Просто... так-то жить отвратительно. Правящая элита ведь совсем не заинтересована в народе. Он для нее - лишь социальные издержки. Бюрократия господствует над страной. И она заключила плодотворный союз со спекулятивным, олигархическим капиталом, задача которого - не инвестировать деньги в Россию, а оборачивать их и вывозить. Третья составляющая - криминализованные силовые структуры для прикрытия этих интересов, и четвертая - криминал, который вступает в действие там, где невозможны уже легальные способы террора сверху. Вот эта квадрига - бюрократия, силовики, олигархи, криминал - и есть сегодня составляющая Российского государства.

Путин поставил задачу, которая должна изменить ситуацию. На высочайшем уровне это произошло

впервые. Теперь он, имея волю к власти, должен проявить волю к развитию. Волю не только постулировать тезис, но и добиться его выполнения.

- Вы говорите о квадриге, которая парализует развитие страны. Но Путин во власти четырнадцать лет. Что прежде мешало ему хотя бы попытаться разрушить эту квадригу?

- Во-первых, мы имеем разного Путина. Во-вторых, все мешало, потому что не было нации. Было разрозненное социологическое сообщество людей под названием «население», обитающее на случайно возникшем под названием РФ обломке Союза. Ни один мыслитель не грезил о возникновении РФ. Об Украине грезили, о Казахстане, Армении, Чечне. Российская Федерация - следствие национальной катастрофы русского народа.

- Вы хотите сказать, что первые два срока президентства Путина страна скорее зализывала раны, чем двигалась вперед?

- Конечно. Задачей первых двух сроков было создание, простите за тавтологию, единого, управляемого сверху управленческого слоя, который управляет всем: бюрократическими процессами, движением капитала, силовыми процедурами. Вспомните, в начале нулевых и позже действовали совершенно эмансипированные друг от друга силовые ведомства.

Управленцы с синими пальцами

- Но эти компоненты - те самые управляемые управленцы - выстраивались Путиным. И квадрига - по крайней мере, до известной степени - есть прямое следствие его усилий.

- Конечно, они выстраивались Путиным. На каждом этапе решаются определенные задачи. Вам нужно дойти до горы на горизонте, но прежде - перейти реку. Вы можете мечтать о горе, но сейчас перед вами стоит конкретная задача: преодолеть бурный горный поток. В 1999 году у Путина было несколько задач, которые надо было оперативно решать. Первая - совокупный капитал, ресурсы ни в какой мере не принадлежали стране. Поэтому задача была национализировать значительную часть капитала. В том числе - через арест Ходорковского, разгром Березовского, обуздание Гусинского. Мы рисковали превратиться в Эквадор: вся нефть и газ уходят, а доходы получает узкий слой тех, кто правит.

Вторая задача - криминал. В 90-х возникло пространство первичного накопления капитала. Никто лучше покойного Балабанова не создал образ того времени, представленный фильмом «Жмурки». Привязанные к местности криминальные силовые структуры. «Вопросы решали» те, кто сидел, отстреливался, воровал. В общем, у кого пальцы синие...

- А сегодня?

- Совершенно другая ситуация! Произошло такое развитие общественного капитала, который инвестируется в том числе не в развитие шмоток и машин, а в развитие того, о чем люди думают, говорят.

И настал этап, когда необходим политический субъект, который призван контролировать, или сменить, или обуздать управленческую бюрократию. Она должна действовать не сама по себе от имени некоей России, а от имени нации. А нация, в свою очередь, должна иметь инструмент принуждения этой бюрократии.

- Интересно, как сможет работать такой инструмент, если отчасти он из этой бюрократии

вновь и будет состоять?

- Нет, я говорю не про бюрократию, это ошибочный путь - «Единая Россия» в другом розливе. Поэтому я выступаю за то, чтобы Народный фронт или что-то еще - мне все равно, как это назовут, - возникал как совокупность движений, партий, в том числе левой, религиозной, даже националистической направленности. Союз людей, которые стоят на принципиально иных позициях.

- А правым куда деваться?

- Либералам? Так они живут при посольствах. Мне, честно говоря, на их судьбу наплевать. Я в данном случае не выступаю за политический консенсус.

Россия - все, остальное - ничто

- Так не бывает. Если вы говорите о нации, она должна объединять в себе разные компоненты. И этот тоже.

- Нет. Кстати, опыт Америки это показывает: там нет компромисса с теми, кто мешает национальному развитию страны. Так должно быть и в России. Вы можете быть либералом, консерватором, если ощущаете себя неотъемлемой частью России, ее нации.

Больше того, не вижу проблем, допустим, где учиться. Знаю ребят, которые учились в Лондоне, но являются патриотами России. Больше того, считаю, что молодой человек должен ездить по миру, смотреть, как живут другие, изучать языки. Я за то, чтобы в частной жизни люди сами решали, с кем им жить, как воспитывать детей и куда отправлять их на учебу. Человек может жить в Америке, но ощущать себя частью российской нации, знаю и таких.

Я говорю о тех, кто считает себя частью космополитического пространства. Они могут говорить

на русском, даже иметь российский паспорт, хотя обычно – еще один-два других к нему. Так вот они – не часть нации.

- Здесь есть некоторое противоречие. Вы говорите, политические ориентиры, на которых возродится российская нация, только начинают формироваться. При этом приводите в пример Америку. Но там как раз есть консенсус по базовым ценностям: частная собственность, верховенство закона и пр.

- Слушайте, не путайте ценности с правилами игры! Вы же не объявляете национальными ценностями правила дорожного движения. Следование законам – это просто правила дорожного движения, которым надо следовать. А вот содержание законов – это уже другое. Через это создается парадигма национального развития.

- Вы сказали, у политика должна быть воля к власти и воля к развитию. Почему вы считаете, что у Путина хватит воли на все это?

- У него нет выбора. Если он не пойдет по пути строительства нации, создавая себе исторического партнера развития, то рано или поздно его ждет восстание.

- Кого?

- Правящих элит против него. Потому что логика его движения по пути создания нации создает угрозу именно им. Он является мотором того, что создает угрозу всей совокупности возникших в 90-х и начале нулевых паразитов, которые сидят на стране и живут только в своих интересах.

- А что лично вы будете делать, если увидите, что попытка не удалась?

- Буду искать другие способы продолжения политической деятельности. Для меня политика – не способ заработать деньги, а инструмент достижения

целей, которые я считаю смыслом жизни. Буду придерживаться своих ценностей: Россия - все, остальное - ничто.

Зачем нам московские умники?

Нам всем навязывают дискурс, что есть конфликт между сторонниками премьера и сторонниками президента, что есть такие два тренда, и их как бы условно лепят из информационно-концептуального пластилина на наших глазах.

Молодой лидер, как бы ориентированный на Запад, и такой вот патриот-государственник-силовик, как бы ориентированный на некоторые внутренние интересы номенклатуры.

Есть доклад ИНСОРа, который говорит о необходимости превращения России в западную страну и о том, что, условно говоря, Россия должна стать частью Запада, западного сообщества, чуть ли не стремиться в ЕС, в НАТО.

Есть альтернативная точка зрения, которая говорит о той же самой суверенной демократии или о суверенитете страны. О том, что должна сохраниться большая Россия, большое государство.

Мне кажется, что между этими двумя точками зрения не может быть компромисса, принципиально не может быть компромисса.

Если они озвучены людьми достаточно серьезными, политически весомыми, людьми, к мнению которых прислушиваются и в разуме которых трудно сомневаться, то, значит, есть как минимум два глобальных стратегических политических тренда развития страны, между которыми нет и не может быть компромисса.

Потому что, если Россия становится частью Запада, она исчезает как Россия, как исторический субъект, она раскалывается на множество маленьких государств.

Об этом открыто говорят многие – о том, что лучше много маленьких швейцарий, чем одна большая Верхняя Вольта с ракетами или империя какая-то.

Понятно же, что либеральная основа, либерально-западническая монетаристская основа, стирает различие между либеральной оппозицией и теми, кто находится у власти. И те и другие верят только в деньги.

Веря только в деньги и желая сделать Россию частью мирового глобального рынка, глобального проекта, нельзя добиться для России ни малейшего счастья.

Все это будет приводить к развитию только узкой группы властей, и не важно, кто будет у власти – Путин или Шендерович. И те и другие все равно будут работать на самих себя.

А остальная страна будет деградировать. Про нее, как сегодня Шендерович, будут говорить, что она, видите ли, пиар-технологиям каким-то тупым подвержена, что она глупая, что в ней рейтинг Путина растет.

Значит, вся страна – это идиоты, а те, кто претендует на власть в Москве, – это умники. Так вот, умники стране не нужны совершенно.

Хочу, чтобы все, кто имеет эту либеральную западническую основу миропонимания, а стало быть, ненавидит Россию, оставили ее наконец в покое.

Считаю, что в Россию должны вернуться естественные для нашей истории социалистические тренды, которые будут совмещены с частной собственностью и со свободной экономикой, со свободной торговлей.

Уверен, что либерализм и либеральная монетаристская экономика уничтожают тело, душу и природу нашей страны.

Россия истекает кровью, вырождаются села, закрываются школы, больницы, хужеют дороги, идет бесконтрольная застройка всего на свете, где только можно, кто-то зарабатывает огромные деньги.

Мне, честно говоря, все равно, кто будет во главе России – Путин или Медведев. Мне хочется, чтобы моя страна была суверенная, чтобы она могла смело смотреть в будущее.

Сейчас она таковой не является. Над нами нависли серьезные кризисы, которые угрожают самому нашему существованию.

Мы находимся в тяжелой, опасной ситуации. Иисус Христос сказал, что царство, разделившееся в себе, не устоит, не удержится царство, разделившееся в себе. Эта формула универсальна для всех.

Величие Красной армии

Самое значимое по отношению к 22 июня 1941 года сегодня – это те горы лжи и ненависти по отношению к Советскому Союзу и Красной армии, которые изливались и продолжают изливаться из уст так называемой интеллигенции.

Той интеллигенции, которая по-прежнему почитает своей священной обязанностью всяческое топтание на тени Советского Союза, на его могиле, а стало быть, и на могилах тех, кто пал за Советский Союз.

Эти интеллигенты самоутверждаются, рассказывая о войне комические глупости, как это было принято в советском кино.

Помню эти кинокомедии, где глуповатые немцы на тонких ножках бегали за воздушными шарами под Ленинградом, а веселая белобрысая наводчица, прячась в стогах сена, облапошивала дивизии СС.

Это все снималось в 60-х годах, в годы шута Хрущева, который и превратил Советский Союз и его тяжелую, трагическую историю в страдание по колбасе. В его время было снято много постыдных комедий про войну.

Потом нам стали рассказывать про «трусами завалили», про заградотряды, про дикие репрессии НКВД. В моду вошло такое выражение – «Сталин и его приспешники».

Это Жуков, Рокоссовский, Конев, для вас эти люди, победившие Гитлера, командовавшие фронтами, победившие соединенные армии Европы, пришедшие нас поработить, – это приспешники?

Вы говорите про Красную армию, про руководство страны, которое выдерживало страшнейшую в истории

человечества войну, как про банду из сказки «Снежная королева».

22 июня 1941 года, нам рассказывают, Красная армия не была готова к войне. Она очень хотела напасть на Гитлера, поэтому к границам подошла, но Гитлер ее опередил.

Нам внушают мысль, что разница между Сталиным и Гитлером невелика. Ну, просто практически никакой нет. Просто один разбойник опередил другого разбойника.

Это грязная и гнусная ложь. Те, кто это говорит, подонки и мерзавцы, которые плюют на могилы красноармейцев, которые топчут эти могилы и попирают их ногами.

Правда проста и очевидна. Самой лучшей армией в истории человечества был вермахт образца 1941-1942 годов. Вермахт в пух и прах разгромил британскую армию.

Только англофилия Гитлера, его личная симпатия к британской аристократии позволила англичанам эвакуироваться из Дюнкерка. Немцы просто дали им уплыть.

Немцы разгромили Францию, далеко не последнюю по тем временам военную державу. Францию, которая, между прочим, за восемь месяцев - от объявления войны в сентябре 1939 года до нападения Германии в мае 1940 года - провела мобилизацию, оснастила свою армию, разместила ее на боевых позициях, подтянула вооружения.

И ни о каком внезапном нападении Германии на Францию речи, конечно, не было. Она просто была разгромлена в пух и прах.

И только Красная армия оказала сопротивление вермахту. Армия, которая уступала вермахту по качеству вооружения, потому что наши танки и самолеты не имели рации.

В бою танкисты должны были высовываться из люков и руками, флажками сигнализировать: «Делай как я!»

А все немецкие машины были радиофицированы. Все немецкие самолеты были радиофицированы, а наши самолеты до 1943 года покачивали в бою крыльями.

На поле боя Красная армия как раз проходила период реорганизации после безумных реформ Тухачевского, Якира, Блюхера и всей этой авантюристической бонапартистской верхушки, которая все 30-е годы занималась экспериментами. То по созданию ручных мортирок, то по созданию массовых десантов.

В итоге к 1940 году выяснилось, что Красная армия очень сильно отстала по концепции ведения боя. И все это сказки, что нам рассказывают про какие-то выдающиеся теоретические успехи Тухачевского, Блюхера или Якира.

Эти сказки демонстрировались беспомощностью того же Блюхера, например, в боях на озере Хасан против слабых японских подразделений, где только огромными жертвами Блюхер смог чего-то добиться.

Красная армия встретила войну неготовой к войне абсолютно. И дальше начинаются ложь и оскорбления погибших бойцов Красной армии.

Они якобы хотели сдаваться в плен, они якобы ждали немцев, и якобы они вот так прямо рвались в этот плен сломя голову.

Посмотреть бы на этих критиков современных, которые бы оказались в мешке под Киевом, например. Как бы они себя вели?

Как бы они действовали в этих ситуациях под Минском, или под Ригой, или под Таллином в июльские или августовские дни 1941 года.

Как бы они себя вели в этих смоленских боях, когда Красная армия, тяжелая, неповоротливая, с

непонятными конфигурациями частей, с непонятной системой управления, имела дело с мобильными, острыми танковыми линиями, которые разрезали нашу линию обороны и на сотни километров проходили вперед в наш тыл?

Отношение к 1941 году - это показатель чудовищной лжи и неблагодарности потомков, мерзопакостности говорящих от лица современного поколения, которое по их рецептам так воспринимает тех людей и те события.

Это показатель беспримерного, беспрецедентного героизма простых людей, которые воспринимали даже сталинский Советский Союз как свою родную страну, как то, за что они должны и могут бороться.

При всем при том, что многие были недовольны советской властью. И это показатель, конечно, силы духа и храбрости советских людей.

Сегодня неонацисты из либерального лагеря, или из скинхедского лагеря, откровенно пропагандируют Гитлера. А пропагандируют они Гитлера, принижая Сталина.

Я воспринимаю процесс десталинизации как процесс ренацификации. Потому что если плохой Сталин, который победил Гитлера, Сталин времен войны, то, значит, хороший Гитлер.

Потому что третья позиция - это позиция совсем подлая, которая находится просто вне комментариев. Не было никакой третьей силы в этой войне. Это абсолютная ерунда.

Были только две силы. Были, конечно, те, кто сидел в тылу, кто с липовыми справками о здоровье бежал в Алма-Ату, на Урал, показывал там справки о плоскостопии или о ревматизме и не принимал участия в этой войне.

А после войны их дети и внуки, да и они сами цедили сквозь зубы о сталинских преступлениях, о том,

что вот нет разницы между коммунизмом и нацизмом, что это одно целое. Хихикали над «Иваном Чонкиным».

Вообще нет более подлой книги, чем «Приключения солдата Ивана Чонкина». Это юмористическая книга о 1941 годе.

Анатолия Рыбакова, автора романа «Дети Арбата», как-то спросили, считает ли он книгу про солдата Ивана Чонкина смешной.

И он ответил: я прошел войну, я видел поля, заваленные телами советских и немецких солдат, и даже тени улыбки не возникает у меня при воспоминании о 1941 годе и о войне.

У Семена Гудзенко было про 41-й год:

Сейчас настанет мой черед,
За мной одним идет охота.
Будь проклят сорок первый год
И вмерзшая в снега пехота.

Вот отношением к этому и меряется подлость человеческая сегодня.

Всякий, кто хихикает над войной, смеется над войной, выкобенивается над войной, кто говорит, что завалили телами, что были трусы, что хотели сдаваться немцам в плен, тот, во-первых, ничего не понимает про то, что такое война. И просто является подонком. Потому что все это – ложь.

Есть такой американский историк, Дэвид Гланц. Он написал книгу «Восставшие из пепла». Эта книга анализирует, каким образом командование Красной армии, абсолютно дезориентированное в первые дни и месяцы 1941 года, утратившее контроль над войсками, практически опиравшееся только на мужество солдат на поле боя, превратилось к 1943–1944 годам в генералитет и командование Победы.

Именно этот генералитет планировал операции типа Яско-Кишиневской, в которой был окружен миллион немцев. Или операцию «Багратион», в которой была разгромлена группа армий «Центр».

Или беспрецедентную по своему значению Висло-Одерскую операцию, когда вся Польша была пронзена насквозь буквально за несколько недель от Вислы до Одера.

Как в 44-м, 45-м годах Красная армия поменялась с вермахтом местами, почему вермахт оказался в ситуации Красной армии 41-го года?

С той только разницей, что вермахт-то был машиной, которая шесть лет уже шла на ходу войны.

Это была по-прежнему самая совершенная машина. Но Красная армия стала более совершенной машиной. Почему? Вот важнейший для нас вопрос.

22 июня – это день траура, это день скорби. Это день, когда по всей стране должны быть приспущены флаги. Это день, когда люди должны говорить шепотом.

Потому что в этой войне погибли 27 миллионов советских граждан. Только около 8 миллионов из которых были военнослужащими. Остальные – это мирные люди.

В этот день в нашу страну пришли соединенные полчища Западной Европы. Все поддержали Гитлера, кроме сербов и греков. Только сербы и греки не дали военные подразделения, которые воевали бы против Советского Союза.

Все остальные народы Европы пришли, жадно глядя на нашу страну, полагая, что это такая страна, населенная глупыми, тупыми рабами, находящимися под властью большевиков.

Они потом в своих столицах – в Будапеште, в Берлине – совсем другими увидели пришедших туда наших русских солдат. Они в своих мемуарах описывали

их как азиатов, скифов. Мол, пришли странные, страшные люди.

Но это они к нам сюда пришли. И получили по заслугам. Но они убили 19 миллионов мирных граждан. Это величайший в истории геноцид.

Есть такая фраза, что они, мол, сами виноваты, ведь Сталин был плохой. Тезис о плохом Сталине – это тезис о том, что эти 27 миллионов сами виноваты.

Они как бы были на неправой стороне, на стороне сталинизма. Поэтому, что их там считать, они – не жертвы. Вот так говорят.

Те, кто так говорит, – это подонки, это негодяи, это враги. Они оправдывают нападение на нашу страну, сожжение тысяч городов и сел, истребление людей.

Говорят, что в немецком тылу было хорошо. А с немцами на территорию Советского Союза пришла виселица. Немцы стали вешать на улицах сел и городов людей.

Виселицы, на которых висели молодые люди с надписью «партизан», «спекулянт», стали нормой.

Советские люди знали, что ли, до 1941 года, что такое виселица? Это считалось образом дикого Средневековья. Это к нам принесли.

К нам принесли публичные расстрелы. Это они принесли сюда насилие, не виданное в истории. И потом, когда это насилие вернулось к ним весной 1945 года, оно было гораздо более гуманным.

Красная армия никого не вешала в немецких городах. Карали, сажали в лагеря пособников нацистов, расправлялись с ними, но с военнопленными обращались достаточно гуманно. Многие из них спустя время, в 1955 году, вернулись в свою Германию.

22 июня по-прежнему актуально. Оно по-прежнему живет, оно по-прежнему является днем, на котором мы проверяем свои души, свое мировоззрение и свою политическую позицию.

Откуда берутся небылицы про Грозный?

Запад пишет про Чеченскую Республику небылицы, это – безусловно. По крайней мере, читаешь австрийские или немецкие газеты – просто диву даешься!

В их представлении Чеченская Республика – это какой-то безграничный концлагерь, где непрерывно мучают и убивают людей.

Про то, что Чеченская Республика – это сейчас самый стабильный регион Кавказа, где нет бандитизма, в этом может убедиться каждый, купив билет Москва – Грозный.

Где, между прочим, на деньги главы республики строятся не только мечети, но и православные храмы. В православных регионах такого нет.

Пусть меня поправят, я не помню, то ли шесть, то ли семь православных церквей было заложено Рамзаном Кадыровым и уже построено, в том числе в русских станицах.

И сейчас вот они будут строить большой православный собор. Там была маленькая церковь Михаила Архангела, и есть она в Грозном, но сейчас будет большой православный собор в Грозном.

Есть специальная программа по возвращению русского населения и русскоязычного. Потому что, допустим, русские – это русские, а русскоязычные – это могут быть немцы, корейцы, армяне и так далее, которые тоже там жили, в Грозном, или хотят там работать сейчас.

Откуда же берутся эти небылицы в западных СМИ? Ну, западные журналисты в Грозный-то не ездят, понимаете? Они сидят в Москве в основном, многие в

кабаках, и выслушивают мнения правозащитников, которые им рассказывают, и пишут потом.

Да, есть сложности, многовато, на мой взгляд, портретов Рамзана Ахматовича, хотя их уже меньше в два раза, чем было год назад. Многовато славословий, многовато маек с его портретом.

Мне здесь трудно судить, потому что я до конца не понимаю всех тонкостей чеченского характера и менталитета; для меня тут есть очевидный перебор просто стилистический.

Во всем остальном могу сказать, что даже те люди, которые не любят Кадырова, подтвердят, что разительные изменения в республике налицо.

Ну конечно, да, есть переборы. Я не понимаю, зачем так необходимы машины «порше» с номерами КРА, которые не являются результатом бизнес-деятельности той или иной финансовой группы, что было бы понятно, а явно принадлежат каким-то околосударственным структурам.

Понимаю, что есть какие-то кавказские понты, но должен быть в ситуации, когда ты открыт перед всей страной и на тебя смотрит масса дружественных и недружественных глаз, какой-то элемент скромности все-таки. Понимаете?

Хотя в личной жизни Рамзан человек достаточно скромный и религиозный, между прочим. Очень религиозный. Здесь есть какие-то нюансы, которых я до конца не понимаю, но хочу в них еще разобраться.

Что касается всего остального, то даже оппоненты Рамзана не могут не признать, что республика восстановлена буквально из пепла.

А по бюджету, что их бюджет кормит... Знаете, смести огромный город с лица земли просто до основания и сейчас его восстановить почти полностью, а на месте, где еще стояли разрушенные дома, поставить заборы с номерами этих домов и с номерами

улиц, показав, что здесь мы восстановим каждый дом, – это серьезно.

Что касается Запада. Запад не хочет, чтобы Россия излечилась от ельцинизма. Во времена ельцинизма бюджет Российской Федерации утверждался в Международном валютном фонде.

Все финансовые ресурсы Российской Федерации зависели от западных политиков. Даже не от инвесторов, а просто от политиков. С ельцинизмом было гораздо удобнее.

Восстановление Грозного – это дело не только чеченского народа, это дело всей России. Наше общее излечение от общей страшной болезни 90-х годов, от ельцинизма, которым мы когда-то заболели.

Зачем нам ЕГЭ?

Учитель – это человек, который ведет своего ученика, который оценивает его знания, который за него отвечает, вкладывает в него душу свою. Ученик за десять лет учебы или за два года учебы, если это старшие классы, становится учителю родным человеком, если это нормальный учитель.

Мы же хотим учителей превратить просто в наемных работников, которые приходят и дают детям знания, читают лекции, а потом на ЕГЭ некие абстрактные дяди и тети будут оценивать знания этих ребят.

Считаю, это дополнительное унижение учительского сословия и профессии учителя. Учитель у нас понимался в традиции Ушинского, в традиции Макаренко – не самых плохих педагогических традициях в мире, прямо скажем, – как воспитатель, как воспитатель души, как воспитатель личности.

А превращение учителя в некоего технологического наблюдателя, который прочитал курс и отошел в сторону, а дальше другим передается судьба и жизнь ученика, это, конечно, очень соответствует либеральной концепции, в которой каждый сам за себя и каждый выживает как может.

Но это противоречит коренным началам нашего самосознания, которое воспитывалось в нас достаточно долго, в том числе и великой русской литературой.

ЕГЭ – это прежде всего дегуманизация учебного процесса. В нас постоянно утрамбовывают формат соответствия принципам так называемого Запада, который органически враждебен началам нашей жизни, духовным и человеческим.

ЕГЭ был создан потому, что определенная часть российской элиты тупо и упорно, подобно баранам, пытается ввести нашу страну в так называемое цивилизованное, как они говорят, человечество. То есть себя ввести.

Потому что, когда говорят «Россия должна стать частью Запада», имеется в виду, что они, члены их семей, их родственники, их прихлебатели и лакеи должны стать частью Запада. А вся остальная страна – она как бы не соответствует этим стандартам.

Это значит, что Рублевка должна стать частью Запада, европейского пространства, и они все законы делают под себя, под богатых.

Мальчики и девочки из сел в советское время поступали по спецнабору практически без экзаменов. У нас Московский университет и другие вузы были наполнены ребятами из сел, из дальних мест – из Сибири, с Кавказа, с Дальнего Востока.

Были рабфаки. Человек, отслуживший в армии, мог поступить практически без экзаменов в любой вуз. Сегодня люди после армии этого преимущества не имеют – сегодня все у нас упирается только в деньги.

Советская система образования была почти идеальная. Она обеспечивала социальную возможность в получении высшего образования для любых категорий населения. Для любых.

Она в целом гораздо лучше детей воспитывала и образовывала, потому что была нацелена на всестороннее гармоническое развитие личности, а не на просто технологическое обучение человека какому-то определенному навыку, как делает это современная система.

Вся эта реформа образования – инициатива узкой группы людей, которая, как всегда бывает с реформаторами, полагает себя светочами, понимающими мировые процессы. А Россию полагают

такой отсталой, туповатой страной какого-то третьего или четвертого мира, которая нуждается в свете с Запада.

Слепое копирование западных образцов губительно и унижительно для нашего национального самосознания. Оно для нас так же противоестественно, как многие Петровские реформы, и также насильем прививается на нашей почве.

Зачем нам День России?

День России... В чем парадокс этого праздника – Дня России 12 июня? Дело в том, что никогда в истории человечества ни один журналист, ни один философ, ни один мыслитель, ни один историк, ни один политический деятель, ни один религиозный деятель, никто, никогда, ни один даже юморист не грезил о стране под названием «Российская Федерация».

Сама возможность возникновения Российской Федерации на обломках империи воспринималась как историческая травма, как трагедия, как крушение исторических надежд и чаяний того народа, который провозгласил себя строителем державы.

Наверное, это правильно. Только надо трезво понимать, что радоваться тут нечему. 12 июня – это не день радости, праздника и гульбы.

Это, скорее всего, день осмысления ответа на гамлетовский вопрос: откуда мы пришли, куда свой путь вершим?

У нас за пределами нашей страны осталась большая часть населения – я не только русских имею в виду, – которая считает своей родиной Россию, но почему-то вынуждена жить во всех этих новых странах.

Уверяю вас, что по всему Советскому Союзу, если еще пару лет назад провести опрос, да и сейчас еще это во многом так, многие по-прежнему скажут: да, да, да, хотим быть вместе! Хотим!

Население Средней Азии не поняло, например, почему его бросили во власть каких-то тираний, вместо того чтобы быть частью большой современной страны, где жители горного кишлака могут поступить в университет, в институт, стать врачом, инженером или ученым.

А сейчас они должны максимум - торговать помидорами или арбузами, называться гастарбайтером и, опасаясь скинхедов, тайком подметать московские улицы. Они просто не поняли - почему?

Зимой мы проехали со съемочной группой от Ташкента до Термеза - мы ехали в Афганистан.

И вот в кишлаках останавливаешься, и плохо говорящие уже по-русски молодые узбеки говорят нам: о, Советский Союз! Советский Союз - когда?

Но, как сказал один политик, у того, кто не жалеет о распаде Советского Союза, нет сердца, а у того, кто мечтает о его восстановлении, нет разума. Так или иначе, 12 июня - это день страшной исторической травмы.

И еще о соотечественниках. Когда мы говорим о России, почему-то у нас всегда считается, что 25 миллионов русских оказалось за пределами России.

Уверяю вас, что большая часть узбеков, киргизов, грузин, армян, украинцев, белорусов и даже, думаю, часть прибалтов готовы были бы считать Россию своей родиной, а себя считать россиянами.

Есть сейчас и такая коллизия. Со времен Кавказской войны в Турции и на Ближнем Востоке живет порядка 2,5 миллиона черкесов.

В то время как на Северном Кавказе их порядка 800 тысяч, условно говоря. Большая часть черкесов живет за границей.

Они ушли, называя себя мухаджирами, в годы Кавказской войны. Они считают Кавказ своей исторической родиной.

А поскольку это территория Российской Федерации, то, стало быть, и Россию считают своей родиной и являются нашими соотечественниками.

Но почему-то им отказывают в праве быть соотечественниками. Отказывают в праве считаться соотечественниками чеченцам, живущим за границей в

эмиграции. Отказывают в праве считаться соотечественниками армянам и так далее, и так далее.

Наша страна, несмотря на то что ей двадцать лет исполняется со времени этого безумного ельцинского акта о суверенитете, по-прежнему концептуально не продумана, не проговорена и не оформлена.

Она по-прежнему является просто местом заработка властных элит и примкнувших к ним финансово-олигархических группировок.

Мне кажется, что эту страну могут достроить только сами люди – русские, татары, кавказцы, представители сибирских народов. Все люди, которые хотят тут жить, должны подписать общественный договор.

И когда будет подписан этот новый общественный концептуальный договор, а потом будет еще предложен власти к рассмотрению и, может быть, даже в достаточно жесткой форме, вот тогда родится новая Российская Федерация, о которой мечтали поколения людей.

Государство свободы, справедливости, возможности социального, интеллектуального и духовного развития. Но для этого нам надо еще много работать и работать.

Зачем увозить детей из страны?

Увозить детей из страны - это просто-напросто безобразие и позор страны. В России полно возможностей для того, чтобы устраивать детей.

Зачем детей отправлять куда-то в США? Тем более что судьба семилетнего Вани Скоробогатова, погибшего от жестокого обращения в приемной семье, не первый случай в Штатах.

Зачем отправлять детей в страну, где все поголовно пьют разные стимуляторы, психостимуляторы, которые их успокаивают, взбадривают и так далее?

Зачем отправлять детей в страну, где постоянно в школах расстреливают?

Конечно, надо бороться с насилием в наших семьях, с избиениями детей надо бороться. Но это было всегда. Еще Достоевский писал про мать, которая забыла ребенка на крыльце, и ребенка свинья съела.

Это старая история. Не только, наверное, в России, но и где угодно может случиться история такая.

У Гашека был рассказ, как в одном католическом приюте, в Праге, дети скидываются на то, чтобы негритенка купить себе к празднику - усыновить. И мальчик там пишет: купим, будем его щекотать.

В благополучной Бельгии, например, только что были истории с детьми, когда педофилы этих детей насильовали, а потом убивали.

Это неправильно, когда богатые тетеньки и дяденьки из-за границы приезжают и покупают наших детей. Я против того, чтобы торговать детьми.

Посреднические фирмы, которые занимаются усыновлением, зарабатывают огромные деньги, это бизнес. А потом мы не знаем, что с этими детьми происходит.

Вот отдали детей в семью, а их там забивают. И это не первый забитый ребенок. Это позор страны. Это позор страны - 60 тысяч проданных за рубеж, так называемых усыновленных детей.

Надо пропагандировать усыновление в самой России. Должны быть богатые семьи в России, они должны усыновлять.

Есть семьи бедные, где и так было четверо-пятеро детей, и к этим детям бедные люди еще берут детей из детского дома.

Вот тут была кампания против Церкви, про приюты монастырские, что якобы там девочек обижают. Я вообще считаю, что это спланированная, организованная кампания.

На этом деле посредники зарабатывают огромные деньги. Поэтому и считаю, что кампания против православных приютов была организована, в частности, этой мафией, которая хочет держать под своим контролем детские дома, из которых продают детей.

Надо дать Церкви возможность заниматься воспитанием детей. Потому что именно церковная инициатива, религиозная инициатива по воспитанию детей является препятствием на пути торговли детьми.

Не хочу сказать ничего плохого про американскую социальную систему. За этим там следит огромное количество людей, причем верующих людей. В Америке церкви играют огромную роль в контроле над этой системой.

Вот и в России нужно пустить сюда Церковь. У нас есть также протестантские церкви, которые занимаются реабилитацией наркоманов.

Пустите протестантов, православных в эту систему. Но не пускают же никого в России!

Зато на олимпиаде у нас в «Русском доме», в Ванкувере, говорят, черная икра тоннами... и водка лилась из каких-то шлангов...

Вот хорошо бы туда портреты детей наших беспризорных отправить и цифры проданных за границу - для презентации мощи и величия олигархической страны.

Что говорить... Американская система хороша, но надо изменить ситуацию так, чтобы дети оставались в России.

Почему нами правит надежда?

Социальное государство - это не способ заботы о слабых, не надо его путать с социалистическим государством. Государство - это вообще не способ заботы о слабых.

Государство - это способ выжимания из слабых последней капли жизни и последней капли пота. Слабый в диалоге с государством неизбежно приносит ему в жертву свою собственную жизнь.

Не важно, какое государство - демократическое или тоталитарное. Природа государства всегда одна и та же - это всегда Левиафан, который всегда пожирает человека. И нет другого отношения государства к человеку.

Просто это пожирание может быть с улыбкой на устах и со всякими ласковыми словами. В публичном пространстве будут перемалывать и пережевывать твою жизнь и твои кости, получая с тебя твою жизненную энергию.

Либо это будет с таким кровожадным урчанием волка-людоеда, который сразу в тебя вцепляется и рвет тебя на части.

Неизвестно еще, что лучше - длинное, мучительное пережевывание тебя или быстрое разрывание на части.

Социальное государство является, например, основной идеологией ФРГ. Это некий консорциум людей, которые участвуют в общих, коллективных ситуациях развития.

Они попытались совместить социальное государство с идеей демократии, либерального государства, свободы. В чем-то это получилось, конечно.

В чем-то идея социального государства успешна. Смешно это отрицать. Германия поднялась из небытия

не только на американских кредитах, но и за счет трудолюбия немецкого народа, его дисциплины, его способности к общему делу – это тоже важный момент для реализации идеи социального государства.

Когда ты успешен, а кто-то неуспешен и ты не несешь за него никакой ответственности или несешь такую ответственность, когда тебя заставляют отдавать ему часть денег, это не социальное государство.

Социальное государство – это одновременно создание общей идеологии, общего мировоззрения, общего дела.

Социальное государство, идея социального государства требует постоянного маневрирования, потому что постоянно меняются границы того общества, которое ты призываешь к коллективному общему действию, в котором ты предлагаешь каждому взять на себя какую-то роль.

И эта роль должна быть социально полезной. Она должна быть направлена на общее развитие. И не важно, к какой партии ты принадлежишь.

Идея социального государства, которая, кстати, прописана в нашей Конституции, была бы для России правильной и спасительной.

Но проблема в том, что мы не можем пока описать рамки, границы того общего целого, чем для нас является Россия.

Мы постоянно сомневаемся. Точнее, наши элиты, которые берут на себя право за нас решать, кем мы являемся, что мы за народ.

Например, принадлежат ли таджики и узбеки к нашему народу. Вчера принадлежали, а сегодня уже нет. Кто это решил? Ну, кто-то решил – Бурбулис решил с Ельциным, Гайдаром и Козыревым в Беловежской Пуще. Грузины вчера принадлежали, сегодня – не принадлежат. Почему? Как? Где?

Нет, давайте уже определимся, кто принадлежит. И это не только гражданство, хотя гражданство является важным фактором.

Идея социального государства, ее воплощение в России должно начинаться с вопроса: чем мы являемся? Кто является участником этого социального государства, государства общего дела?

Я выступаю в данном случае за идею открытости и свободы. Россия должна быть открытой Евразией. Наши творческие силы, творческие ресурсы находятся в Евразии.

Проблема в том, что Европа не заинтересована в возникновении в России социального государства. Запад не заинтересован.

Потому что это приведет к появлению альтернативного центра социального развития – по отношению к европейскому.

Они хотят, чтобы мы подчинялись Брюсселю. Поэтому они не заинтересованы в том, чтобы Россия была обращена к огромным человеческим ресурсам Азии.

Мы должны, по мнению европейцев, создать у себя некий пул правящей элиты, которая будет раболепно смотреть в сторону Брюсселя, Берлина, Лондона и Парижа, говоря: «Боже мой! Там просвещение, там демократия, там свобода, там все самое лучшее!»

Но это уже все Грибоедов описал в «Горе от ума»:

Французик из Бордо, надсаживая грудь...
В той комнате незначащая встреча...

Все – туда! Все наши ИНСОРаы смотрят туда: «Как мы хотим? Да как в Европе хотим!..»

Мы все это слышим уже триста лет. От этого «как в Европе» у нас уже океаны крови пролились и в

гуманные времена, и в негуманные времена, с одинаковой, на мой взгляд, беспощадностью. Одно вытекало из другого.

А мы хотим, чтобы у нас было как в России. Хотим реального социального государства, в котором участвуют наши коренные люди - разных национальностей, разных культур, разных цивилизаций, а стало быть, и разных возможностей.

Люди разных взглядов на мир, а стало быть, и разных тезисов к нашему общему, общественному договору, к договору о социальном государстве.

И не надо этого бояться. Понимаю, что многие боятся творческих сил, которые коренятся в нашем народе.

Может, они, эти творческие силы, опять могут создать в своем воплощении нечто оригинальное, некий оригинальный образ социального государства.

Ну, кто боится, тем пускай правит страх. А нами, теми, кто верит в свою страну, будет править надежда.

Я был на Балтике
не продохнуть от финнов
в местах, в которых было так прекрасно,
когда мы были юными
и ждали
повесток от судьбы

мне даже показалось, что китайцы
являются по отношению к финнам
реликтовым остатком вдохновенья
Единого Творца
а Калевала - как краткий курс истории народа
и мельница все мелет,
и старуха
все строит козни, создавая финнов
подобием героев

эти финны
блудят и пьют,
танцуют и торгуют
точнее покупают все на свете, что
хоть чуть-чуть имеет отношение
к соблазнам ночи
в Таллине их мало
(соблазнов ночи)
все они капусту
напоминают кислую
и рыбку,
замоченную в уксусе под пиво

ночь европейская – не та, что Ходасевич
описывал в трагическом для русских
Париже, где осколки и обломки,
дымилась кровью, страстью и надеждой
предательством, отчаяньем и смертью
а кто на это кроме нас способен?

ночь европейская теперь
подобна плачу
китихи по китенку
в ультразвуке
ее кошмары и ее позоры
они гуляют куклами на воле
они бодают козами заборы
они сестрам всем раздают уборы
из выделанной демонами кожи
с татуировками забытых ритуалов
животным посвященных
и чудовищ
различных лики продают в нагрузку...

эстонцы – это присказка такая

эстонцев нет
как нет и отношений
эстонцев к русским
русские – как песня
что мучает, а слов не можешь вспомнить
и подобрать мелодию не можешь
но точно знаешь, что она такая
что петь ее ты можешь бесконечно
спит гаолян, сопки покрыты мглой...
или
полюшко-поле, полюшко широко поле...
или
матушка, как во поле пыльно...
или
вихри враждебные веют над нами?

русские
это последний аккорд
уходящего века надежды
дальше лишь тьма
в этой тьме
мы находим друг друга
ты обнимаешь меня
я прижимаюсь к тебе
оба мы делаем мир
погружаясь друг в друга
оба мы учимся смерти
моя дорогая
вечная пэри моя

ПЕРСОНАЛЬНО

Что читать перед сном?

Медведев в пору своего президентства сказал, что перед сном читает Ремарка, Пелевина и «Исторические портреты» Василия Ключевского.

Что касается Пелевина, последнего его романа, то мне понятно, почему перед сном – потому что скучнейшая вещь про этого графа Т.

Это уже совсем галлюциногенно-дискурсивный бред, но хорошо организованный – в силу глубокого таланта Виктора Пелевина, который перед сном идет очень хорошо.

Вычитать там ничего не возможно, но три страницы прочитаешь и заснешь точно.

Что касается Ключевского – ну, наверное, чтобы быть в курсе актуальных событий современной российской политики, президент читает Ключевского.

Как известно, в России все кружится-кружится и возвращается на круги своя. Ключевский актуален в XIX веке, Ключевский актуален и сегодня.

Причем смотрите, Путин у нас все Ивана Ильина пропагандировал, «Наши задачи». Как бы такого «фельдфебеля от философии», как его называли младогегельянцы. На мой взгляд, прекрасного политического мыслителя.

И если бы то, что мы называем путинским курсом, совпадало бы с «Нашими задачами» Ильина, так вот реально, со всеми пунктами этих «Задач», то, может быть, это было бы и хорошо.

А у Медведева не Ильин, а Ключевский. Ключевский и Ильин стоят в одном ряду. Хотя и разделены они почти столетием, но что-то между ними есть общее. Ключевский, правда, полиберальнее Ивана Ильина.

Президент сказал: такие-то книжки люблю. Вот Пелевина упомянул. Ну, ведь не Сорокина же читать? Не скажешь ведь: я читаю перед сном «Тридцатую любовь Марины».

Как-то странно будет для президента. Поэтому, естественно, – Пелевин, это – интеллектуально. Ну и Ремарка тоже. Можно было бы, конечно, и Хемингуэя читать перед сном.

На мой взгляд, перед сном идет лучше не Ключевский, а Карамзин. А чтобы проснуться, Платонов хорошо идет. А чтобы совсем проснуться, Покровский тоже отлично шел – марксистский историк.

Посоветую Медведеву почитать Мартина Хайдеггера. Пора идти в глубину. Пора читать «Бытие и время» и менять свои взгляды на политику.

Менять в сторону усложнения, углубления, в сторону размышления о том, что есть подлинное бытие и как оно определяет и сознание президента, и бытие страны.

Еще советую почитать Ги Дебора «Общество спектакля» – очень полезная книга. И освежить в памяти «Общество потребления» Жана Бодрийера.

Может быть, пора из общества спектакля, из общества потребления переходить в более реальный мир бытия и реальной истории.

А Хайдеггер и те, кто с Хайдеггером был в переписке, могли бы сказать Медведеву свое веское слово.

Пора России просыпаться, вот что я бы посоветовал в русле чтения президента.

Почему мы вспоминаем о Сталине?

Мне кажется, что фигура Сталина не актуальна сегодня, по большому счету, в политическом контексте современной России, как бы нас ни уверяли, что сталинизм возрождается.

Сталинизм – это прежде всего сам Сталин, лично Сталин. Вне личности Сталина, личности уникальной по многим параметрам – и по параметрам гениальности, по параметрам злодейства – никакой сталинизм невозможен.

Сложно представить – не хочу никого обидеть, – допустим, кагановичевизм, или молотивизм, или хрущевизм.

После смерти Сталина все его сподвижники получили огромную власть – Каганович, Маленков, Молотов, Берия, Хрущев. И оказалось, что все они достаточно посредственные, серые люди по сравнению со Сталиным.

А Сталин был человек абсолютно незаурядный. Он был человек шекспировского масштаба.

Вот трудно себе представить, что Шекспир пишет драму про Маленкова, например. Ну, просто невозможно. А про Сталина уже написаны тысячи книг.

Сталин – фигура, которую невозможно вычеркнуть из истории России. Но этот факт нисколько не отменяет отношения к тем его деяниям, которые мы считаем кровавыми.

Но, как ни крути, какие бы преступления Сталин ни совершал против народа – а он их совершал, это моя позиция, – победа связана с его именем.

Невозможно отделить 1945 год от имени Сталина, какие бы XX или XXII съезды ни происходили. Это даже

Хрущеву не удалось сделать в эпоху разоблачения культа личности.

В 60-х годах были такие комические споры: чья роль в войне была больше – Жукова или Хрущева, например?

Оказалось, роль Хрущева была больше. Он и на этом фронте был, и на том, и там в окопе сидел, и тут сидел. А Жукова во время войны практически нигде и не было. И только в 70-х Жукова вернули в историографию Великой Отечественной войны.

А Сталин был Верховным главнокомандующим, за которым и тяжелейшие кровавые поражения 1941–1942 годов, и великие победы 1943–1945-х. Все они связаны с его именем.

И вот его-то никто не может из истории Великой Отечественной и Второй мировой войны просто так выкинуть.

Сегодня страна живет инерцией того, что было достигнуто Сталиным, по большому счету.

Представьте себе, что сформировался какой-то снежный ком, который катился с горы, и он постепенно оттаивал, от него отщипывали по кусочку, и сегодня он катится по инерции, как ледышка.

Это та самая инерция, которая была задана в 30–40-х годах. Сталинская инерция продолжается и в сегодняшней России.

Выскажу мысль более крамольную: может быть, современная Россия по-прежнему и является Россией, потому что она продолжает инерцию заданного когда-то Сталиным.

В той мере, в какой ее воспринимают как Россию, это, конечно, сталинское наследие в чистом виде. И номенклатура российская, чиновничество, имеет генезис структурный и политический, заданный сталинской эпохой.

Вот и главные мифы страны связаны со сталинской эпохой – начало войны, преодоление в войне, великая

Победа и так далее.

Даже полет Гагарина в космос на самом деле – это инерция, заданная еще 40-ми годами и так называемой «бериевской научно-технической революцией».

Поэтому что нового страна, что нового Россия предложила миру и самой себе, кроме того, что «грабь награбленное по второму разу», «живи как вздумается, живи в свое удовольствие»?

Какой альтернативный проект, внятный, реальный, предложен? Альтернативный проекту сталинизма, реформированного сталинизма, демократического сталинизма, либерального сталинизма, модернизированного сталинизма?

Как ни крути, либералы, силовики, патриоты – все они, так или иначе, пляшут вокруг сталинского мавзолея, вокруг сталинского трупца.

Потому что сама по себе страна является догнивающим трупом сталинского СССР, который постепенно распадается по кускам.

Представьте себе – Каганович, Маленков, Молотов и «примкнувший к ним» Шепилов не против Хрущева бы выступили, а раздербанили бы собственность СССР в 1953 году, например.

В марте Сталин умер, а уже летом 1953-го прошел бы какой-нибудь пленум ЦК, на котором выступил бы какой-нибудь Маленков и сказал бы: новое мышление у нас, конвергенция, частная собственность и все такое прочее – запросто, поверьте!

И сегодня во главе крупных нефтегазовых компаний стояли бы Маленков, Каганович, Молотов, Шепилов, Микоян и так далее. Тем более что их потомки в основном там и стоят – в руководстве этих компаний.

Сталинизм так называемый связан с достижениями – да, ценой больших жертв, страшных ошибок, – которые превратили страну в мощную державу.

Другое дело, что мощь этой державы оказалась не такая уж мощная, потому что держалась она не на народовластии, как об этом говорилось, а на чиновничьем, номенклатурном, аппаратном продуцировании бесконечной лжи.

Путин понимает, что полный отказ от сталинского наследия, в его позитивной части, приведет к обвалу, к гибели всего того, что пока еще называется Россией.

С другой стороны, принятие сталинизма как единственного позитивного наследия исключает какую-либо возможность участия народа в модернизации страны.

Потому что одна из главных сталинских задумок состоит в том, что без парткомов, без руководства совнаркомов – мы никуда.

И если они нам скажут «модернизация» – все мы радостно, как в фильме «Кубанские казаки», построимся, лопаты – на плечо, и пойдём модернизироваться.

Сегодня Россия хочет от этого избавиться. По крайней мере, она декларирует себя как страну, которая хочет от этого избавиться.

Как выйти из этого достаточно тяжелого, страшного наследия? Потому что на самом деле – страшно: выйдешь и тут можешь все потерять.

Николай Александрович Романов пошел на реформы, на модернизацию, а в итоге оказался в ипатьевском подвале.

У России есть опыт модернизации и есть опыт демократизации. И каждый раз эти опыты кончались для тех, кто их затевал, в худшем случае ипатьевским подвалом или Алапаевской шахтой.

А в лучшем случае, как для Горбачева, тем, что он теперь рекламирует сумки и пиццу. То есть чем-то вроде «Короля в Нью-Йорке» Чарли Чаплина.

Власть терять никому не хочется. С одной стороны, хочется себе ее оставить, потому что себя ты видишь как человека, который отвечает за развитие страны.

С другой стороны, понимаешь, что в нынешней ситуации отдавать власть нельзя, поскольку все эти либеральные претенденты, предлагающие западные пути развития и так далее, страну распродадут по кускам.

Сегодня у нас выдвигают прекрасные планы модернизации страны.

У меня большие сомнения в том, что в России есть процедура, которая позволит эти прекрасные планы реализовать. Потому что непонятно – кто является субъектом этой реализации?

С одной стороны, у нас общество демократическое. И каждый вправе идти на субботник, и вправе не идти на субботник – если у нас общество свободных людей, социальное государство, а не социалистическое.

Вот мне говорят – ты не инициативен. Я говорю – а что, должен быть инициативен? Это в СССР меня судили за тунеядство, когда я не хотел ни учиться, ни работать.

А сейчас, пожалуйста, – не учусь, не работаю, лишь бы за квартиру платил. Делаю что хочу, и никто меня судить не вправе за то, что я не работаю и не учусь. Правда, ведь?

А они отвечают – мы придумали прекрасные планы, у нас «Четвертый сон Веры Павловны» наяву, что же вы все такие ленивые, неинициативные!

На деле это серьезнейшая проблема. Как очертить эту проблему, говоря о сталинском наследии: каким образом сделать так, чтобы планы партии стали планами народа?

Власть понимает эту проблему, она об этом говорит открыто, но просто у нее нет процедуры, чтобы повлиять на это.

У власти есть понимание проблемы. Но она не знает, как связать концы с концами, не знает, как выстроить систему, которая могла бы помочь запустить жизнь страны.

Почему? Потому что Российская Федерация – это умирающий труп сталинского наследия, умирающий труп сталинизма, вот что это такое.

Как сделать так, чтобы из этого перегноя родилось и выросло что-то новое?

Как запустить реальную жизнь, преодолеть усталость и апатию людей, объяснить им, что они хозяева этой страны? Может, просто перестать их прессовать?

Тот, кто придумает, каким образом перейти от этой догнивающей сталинской парадигмы к чему-то новому, что одновременно останется Россией, тот, собственно говоря, и станет национальным лидером и великим мыслителем.

Какая элита нужна России?

Современную так называемую «элиту» я бы назвал правящим слоем, слоем управленцев, представителями номенклатуры. Но не элитой. Оговорюсь, мои слова в большей степени касаются ельцинского времени, чем путинского.

«Ельцинские люди» – это просто советская номенклатура, сумевшая адаптироваться к смене строя. Это даже не контрэлита советской эпохи.

Да и откуда той было взяться, если в СССР не существовало элиты, а вместо нее функционировал широкий деидеологизированный корпус управленцев?

Настоящая элита берет на себя ответственность за исторический процесс. Ощущает собственную идентичность в диалоге с историей и со временем. Советский и постсоветский правящий класс не был готов к этой роли.

Он стремился лишь к контролю над ресурсами, понимая в качестве таковых страну, население, идеологию и информационное пространство. Поэтому слово «элита», на мой взгляд, к нему не применимо.

И в общем, он это убедительно доказал. Советская номенклатура сдала огромную империю без всякого сопротивления. Лишь с неким поскуливанием со стороны тех, кому ничего не досталось.

Основная же масса, входившая в высшие эшелоны (члены ЦК, кандидаты в члены ЦК, некоторые функционеры из Политбюро), просто перезаключила контракт на владение страной.

Ранее условия контракта были не совсем удобны, ведь номенклатура была связана некими обязательствами перед населением. В новом же

контракте, который был подписан с мировыми элитами, всякая ответственность снималась.

И никакой идейной эволюции в элитах не произошло. Своей номенклатурной природе они не изменили. То, что номенклатура сдала партбилеты и публично перестала верить в коммунизм, не имеет никакого значения – она в него никогда не верила.

Как известно, «заслуга» в создании номенклатуры принадлежит Сталину, взрастившему слой таких белогвардейских или даже власовских перевертышей. Главная его задача была не историческая, а собственническая – получение контроля над страной.

Романтиков и идеалистов в СССР считали дураками, непонятными, странноватыми ребятами, которые только портят коммунистам и комсомольцам их хорошую стабильную жизнь. Поэтому советская номенклатура вполне органично переродилась в антисоветскую.

Надо различать антисоветскую номенклатуру и тех «антисоветчиков», которые были представлены в эмиграции, в либеральном и националистическом подполье. Никто из них не пришел к власти в новой России, с ними велась отчаянная война.

Собственно, 1993-й надо понимать как год, когда антисистемная оппозиция, которая сформировалась в перестройку, была разгромлена советской номенклатурой, принявшей антисоветский демократический облик.

В Верховном Совете практически не было номенклатурщиков, там присутствовали разведчики, журналисты, офицеры, интеллигенты, преподаватели вузов.

Постсоветская номенклатура буквально повторила опыт большевиков, последовательно вытеснивших из Советов меньшевиков и эсеров. Точно так же поступили и с Верховным Советом образца 1993 года.

Ему противостоял воспроизведший себя в новых условиях весь правящий слой Советского Союза. За исключением немногих, например маршалов и генералов, которые были убиты при загадочных обстоятельствах.

Интересно, что в основном уничтожалась элита Вооруженных сил, то есть те, которые и в советское время были оппозицией партии и КГБ.

А уже потом при победившей номенклатуре возникла «гиперфарца», яркими представителями которой стали Березовский, Ходорковский, Гусинский. Эти люди в советское время были просто фарцовщиками с соответствующим менталитетом.

Почему Путин стал чем-то новым для России последних десятилетий? Во-первых, он не являлся выходцем из советской номенклатуры, будучи невысокого ранга офицером КГБ.

Коллеги Путина также не являются номенклатурщиками. Они пришли на смену «большой семье», понимаемой не в узком смысле как Ельцин и Татьяна Дьяченко с приближенными олигархами, а как совокупность всех номенклатурных связей.

Во-вторых, Путин приблизил политические цели к историческим задачам страны. Это впервые проявилось во время его «бесланской речи». До сего момента все протекало по тем же номенклатурным сценариям: контроль над ресурсами путем предательства национальных интересов.

Разумеется, в начале 2000-го никто не воспринимал всерьез группу, которая пришла к власти с Путиным. Думали, это легко управляемые люди. Но оказалось, что достаточно было расставить политические приоритеты, как ситуация сразу же изменилась и старая советская номенклатура стала проигрывать.

Впрочем, главное по-прежнему еще не сделано. Я говорю о перехвате у номенклатуры всех рычагов

влияния. Это задача очень высокой степени сложности, номенклатура обладает очень мощными ресурсами, состоит в тесном партнерстве с Западом.

Но в 2000-х хотя бы появилась некая возможность для возникновения элиты. На фоне того, что у советского и постсоветского руководства не было вообще никакой структуры ценностей, сделано немало.

В 90-х ценность существовала лишь одна – частнособственнические интересы: хватай то, что можешь схватить, подохни ты сегодня, а я завтра!

В масштабах страны было воспроизведено то, что описывал Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ»: в новой России восторжествовал лагерь, с лагерной психологией выживания, со всеми этими братками и бесконечным лагерным шансоном по радио.

В 2000-х было совершено, казалось, невозможное – власть стала формировать в политике систему целеполагания.

Эта система формируется крайне тяжело, потому что в корне противоречит номенклатурному представлению о стране как о большом экономическом ресурсе во владении его немногих распорядителей.

Первой задачей Путина стал перехват ресурсных потоков. Он начал с уничтожения нескольких крупных бизнес-структур наподобие ЮКОСа, вполне советских компаний по своей сути.

Касательно компании Ходорковского решение было абсолютно верным. ЮКОС являл собой одну из самых больших «труб», по которой из страны безвозвратно выкачивалось очень много финансовых и сырьевых ресурсов.

Подчеркну, что Путин бил именно по номенклатуре. Разумеется, Ходорковский никакой не демократ. Если бы надо было, он, как и его коллеги, в первую очередь Невзлин, стал бы жесточайшим тираном и залил полстраны кровью, не раздумывая ни секунды.

Сделав ряд жестких, очень смелых шагов в отношении номенклатуры, Путин заявил претензии на историчность. Фактически он и стал первым политиком, которого можно причислить к элите.

Вообще говоря, в мире существует два элитных клуба – британский (аристократический) и американский (по отношению к английскому контрэлитный). Это два элитных полюса мира.

Советский Союз очень долго виделся представителем контрэлитного клуба, но ровно до тех пор, пока заявлял претензии на лидерство в мировом освободительном движении.

В 60-х годах мировые элиты, посмотрев вблизи на Хрущева, изменили свое отношение к СССР. Они поняли, что имеют дело не с контрэлитой, а с номенклатурой. А значит, Советскому Союзу скоро конец, и никакой опасности в качестве контрэлитного вызова он не представляет.

Советскую номенклатуру заботила не мировая революция, а возможности сытно есть, сладко спать и не иметь никаких проблем.

Начав борьбу с номенклатурой, Путин сегодня напряженно ищет ответ на ключевой вопрос: войти в один из мировых клубов элит или идти своим путем?

В первом случае нам уготована третьестепенная роль. Во втором мы рискуем оказаться в сообществе, состоящем из мировых изгоев – иранцев, венесуэльцев, кубинцев.

Это очень неуютное место, чреватое большими проблемами с мировыми элитами. Напомню, что ранее лидером неприсоединения была Югославия, именно поэтому ее и раздавили с особой жестокостью.

Есть представление, что в 90-х был некий хаос. Но хаос чувствовали мы с вами. Для «них» никакого хаоса не было, а проводилась довольно внятная

реорганизация советской системы под внешним контролем со стороны Запада.

Им просто сказали: «Товарищи красно-белые, хотите, мы вас посадим за ГУЛАГ, за Соловки, за коллективизацию, за миллионы убитых, за разоренную страну, за запрещенную веру, за греко-католиков, за все что угодно? Тут не Гаагский трибунал, не Нюрнберг, а миллион трибуналов и нюрнбергов, понимаете?»

И они ответили: «Нет, мы не хотим никаких процессов, никаких нюрнбергов». – «Ладно, тогда чем вы готовы поделиться?» – «Чем хотите! Нефтью, территориями, этим и тем, но только дайте нам бабок столько-то». – «Столько-то не дадим». – «Ну, тогда столько-то». – «Ладно, договорились».

Именно так договаривалась с мировыми элитами номенклатура. А Путин постарался переписать договоренности. Он заявил: «Ребята, я к этой эпохе никакого отношения не имею. Да, я был офицером КГБ, но я сам осуждал массовые расстрелы».

И правда, к кому апеллирует Путин? К Солженицыну. К Ивану Ильину. Он их постоянно цитирует. Он объединяет разделенную большевиками русскую церковь. Путин дает очень ясное и внятное целеполагание России. Это способно стать основой для возникновения элиты.

Мы были слабыми, а слабых бьют, поэтому мы должны стать сильной страной. Мы должны быть единым народом. Мы должны прекратить эту чудовищную войну. Мы должны начать думать, какое место мы занимаем в мире. Сказав эти слова, Путин начал движение к нашему возрождению.

Внешне это проявилось как ужесточение политической системы. Которое я очень приветствовал, потому что это было не ужесточение, а чистка.

Беслан стал точкой обнуления, уничтожения политтехнологий как господствующего в политическом

пространстве метода мышления и действия.

Я тогда писал, что Россию как яд разъедают политтехнологи. Они задают политическую рамку, тогда как должны быть вторичными по отношению к политическому целеуказанию.

Вот когда Владислав Сурков стал исполнителем, а не законодателем политической воли, он и проявился необычным и интересным человеком, которого мы видим все эти последние годы, с его проектными и проблематизационными лекциями и выступлениями. А раньше это был очень опасный и с непонятными функциями политтехнолог.

Что случится после ухода Путина? Тут возможны два варианта. Если Россию возглавит менеджер, нынешний правящий слой вновь трансформируется в номенклатуру. Разумеется, эта конторская буржуазия сможет существовать лишь с санкции мировых элит.

Если же придет человек, который продолжит линию Путина, человек, который будет опираться на некие ценностные основания, Россия получит шанс возродиться как полноценный субъект исторического процесса.

СОНЕТ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Зачем человечеству эта ужасная власть
Мокрая вечная с макаронами в бороде
Если человечество думает как бы куда не впасть
А в пасти думает – Господи, быть беде!

Так было сказано прежде, всегда, везде
В самом конце попадаешь зачем-то в масть
А потом попадаешь в суровое энкавэдэ
Вечности и начинаешь на время как будто
клась.

И не найти утolenия в играх умов и волю
И не понять - что - как это! - света внезапно нет
Вой по Земле стоит: Боже, доколь, доколь!
То ли ответа нет, то ли ответил, то ль
Ясный как боль понимания всех примет
Все что так мучает - это и есть ответ

Мерзкий выводок пусей...

Истерия по поводу процесса над срамными девками, осквернившими православный храм, достигла апогея.

Лицемерию нет предела – в зависимости от конъюнктуры – в интеллигентном кругу эти бунтарки – «восставшие кошечки», в брутальной панк-среде, естественно, – «бунтующие п...ы».

Вереница поп-звезд первой величины Питер Гэбриэл, Иоко Оно, Мадонна и пр. высказались в их защиту, обратились с требованием к «кровавому режиму» освободить «девочек, бросивших слова правды в лицо власти и клерикалам».

Вряд ли, конечно, они знают, о чем речь, более того, уверен, что их, как и всех нас, вводят в заблуждение, рассказывая о том, что девок судят за политический протест. То есть лгут. Потому что за это их не судят.

Это их защита хочет, чтобы их судили за то, что не является преступлением, – за критику Путина и патриарха.

Путина и патриарха сегодня поносят почем свет все, кому не лень это делать. И что-то не видно «черных воронов», снующих между редакциями газет, или толпы арестованных интернетчиков, монтирующих мультики, ролики, клипы, издевающихся над Путиным, осмеивающих Путина, проклинаящих Путина.

Таких продуктов оппозиционного творчества в Интернете тысячи. Одни смешные, другие похабные – но никого за них не преследуют. А если бы преследовали, то это было бы нарушением свободы слова, и тогда протест был бы оправдан.

А по сути-то, за что судят девок?

А по сути, как выясняется, в храме Христа Спасителя не было сказано никаких слов правды о

режиме и клерикалах. И неправды тоже. Были только «срань господня» и пляски на солее, бесовские вопли и толкотня со служителями... И никакого Путина или патриарха...

Тогда при чем тут видеоролик с бессмертными текстами и «Богородица, Путина прогони!»? Неужели судят за него, смонтированного из двух эпизодов – в Елоховском соборе и храме Христа Спасителя, и записи песенки в студии?

Если за это, то отпускайте их сию секунду! В России за это не должны, не должны, не должны сажать в тюрьму!

Если же их судят не за политику, а за незаконное вторжение на территорию православного храма, оскорбление верующих криками «срань господня» и плясками у алтаря, то почему этот суд незаконен и их надо отпустить?

Почему тогда не надо отпустить группу антилибералов (радикалов правого толка, например), которые приходят, допустим, на вечер памяти какого-нибудь достойного либерального мыслителя, ну, допустим, Андрея Сахарова или Галины Старовойтовой, и посреди вечера патетических воспоминаний и тихой музыки начинают кричать «срань господня!», «зиг хайль!», «либералы – тупые уроды!», «Сахаров – предатель!» и т. п., прыгать по сцене и вообще устраивать безобразную драку и хаос в стиле Бегемота с Коровьевым?

Почему, кстати, какие-нибудь социопсихологи, работавшие над темой спонтанного провокативного перформанса, никогда не устраивали свои крики и вопли посреди либеральных политических мероприятий? Чтобы не нарушать сакральности дискурса?

Власть же, с изяществом носорога, разбирающегося в религии и религиозной психологии, говорит о каких-то

страшных репрессиях, которые бы ждали этих девок в синагоге или мечети.

Уверен, что это - от незнания подлинной религиозной жизни. Было бы точно так же, как в православном храме, то есть никакого насилия. Вне храма - другое дело...

Ведь для нормального верующего (иудея, мусульманина, православного, католика) храм (синагога, мечеть, которые и не храмы, строго говоря) есть место, в котором подобная выходка является настолько парадоксальной, выходящей за рамки здравого смысла, что совершающий ее сразу видится прежде всего бесноватым (одержимым демонами, джиннами, бесами - в зависимости от традиции), то есть находящимся под влиянием иной, злой нечеловеческой воли.

А пусть не верят либералы, но бесноватых и одержимых в традиционных религиях не бьют, полагая, что они не ответственны за свои выходящие за рамки человеческого разумного поведения деяния.

Помню, как-то в конце 80-х, во время литургии в одном из московских храмов, женщина интеллигентного вида с криком «Попы - убийцы и воры! Я не на Земле - я на Марсе!» вбежала в храм, заскочила в алтарное отделение через Царские врата. Там она стала биться, рыдать, бранить Московскую патриархию. Ее не только не били - ее аккуратно вывели (не останавливая службу), посадили на скамейку возле храма и отпаивали валерьянкой.

Так и везде - их усмиряют: выводят, аккуратно, терпеливо, но настойчиво за пределы сакрального пространства, следя, чтобы они себе не навредили и других не покалечили.

А вот уже потом с ними разбираются. И если выясняется, что они никакие не бесноватые, а находящиеся в своем рассудке и сознательно

продумавшие богохульство и осквернение циничные подонки, руководствующиеся «идеями», то тогда их судят.

В разных странах их судят по-разному. В Европе за умышленное осквернение храма могут дать, говорят, до трех лет. Смешная эта Европа, кстати, с ее «демократией» – за ревизионистскую книжку о том, что «холокоста не было», до десяти лет, за осквернение храма – до трех.

Итак, у меня два вопроса к поп-звездам, вступившимся за девок.

Если их судят не за «Богородица, Путина прогони!», а за пляски в храме, то поддерживают ли все эти звезды идею о том, что в их странах – США, Великобритании, Голландии и т. д. – любой может ворваться в любой храм любой конфессии и начать оскорблять религиозные символы и верующих – будь то молитвенный дом мормонов, церковь сайентологов, община Свами Прабхубады, ашрам Ошо, католическая или протестантская церковь, пагода или синагога, синкретический всеэкуменический храм всех религий или какая-нибудь церковь во имя Денницы (разрешенная в толерантном западном обществе)?

И если да, то готовы ли они выступить с этой идеей в своих странах на страницах, безусловно доступных для них в любое время, топовых медиаресурсов – хоть «Роллинг стоунз», хоть «Плейбой», хоть «Нью-Йорк тайме»?

Но даже если они это и сделают, то нормальные верующие, сторонники свободы слова и свободы религии, своего мнения не изменят – между ними и либералами, оправдывающими подобное, ничего общего быть не может. Это – два враждебных лагеря, и война объявлена.

В тюрьмах сегодня сидят люди, заявляющие о пытках, о несправедливом суде и несправедном

следствии, о подлогах и фальсификациях. Многие из них – за то, что верили не так, как хотелось начальникам в чалмах и погонах, за то, что посмели сопротивляться и доказывать свою правду, за то, что, в конце концов, ругали власть и рассуждали об иных форматах политического будущего (как это непрерывно, до одури, делают либералы, националисты и левые). Это – мусульмане – для них сегодня в России нет свободы слова, только им нельзя сегодня рассуждать о том, что такое «Россия с Путиным или без Путина» – их сразу хватать, и в кутузку.

Кто-нибудь из стройного хора защитников девок, которых не зовешь иначе, как «мерзкий выводок пусей» (так громко они гогочут на весь свет), в их защиту голос возвысил? Напротив, только и слышно: «Террористы, ваххабиты, противники свободного общества должны сидеть». Туда же они с удовольствием упрячут и православных – всякого, кто будет твердо и последовательно отстаивать свою религиозную свободу.

Верующие не забудут ни одного звука, ни одного слова, ни одной капли тех помоев, которые были вылиты в эти месяцы на то, что им дорого и свято. Ни одного имени и лиц тех, кто это делал.

Будет Путин или не будет Путина – либералам лучше, чтобы он был, чтобы нашлось за кого спрятаться, когда верующим станет не вмоготу терпеть либеральное беснование, а сдерживающий фактор в лице государства исчезнет или ослабнет.

А прощение отдадим Господу – и Он воздаст, так ведь сказано в Евангелии, не правда ли?

Еще раз о девках и о прощении...

На мой текст о девках, осквернивших православный храм, либералы, как и предполагалось, ответили потоком брани и оскорблений.

И разумеется, проявили себя большими знатоками Священного Писания, отметив, как им показалось, ошибку в конце «Мерзкого вывода пусей».

Я закончил вопросом: «А прощение отдадим Господу – и Он воздаст, так ведь сказано в Евангелии, не правда ли?»

Только совсем уж ленивый и невежественный либерал не обхамил меня, напоминая чванливо слова из Послания апостола Павла к римлянам: *«Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь»* (Рим., 12: 19).

Во-первых, послание апостола – не Евангелие, господа всезнайки.

Во-вторых, повторю, отдадим именно Господу возможность прощения за ваши панк-молебны в храмах и защиту «святых девочек, бросивших вызов растленной церкви».

А в-третьих, начиная с самой постыдной акции девок, либералы атаковали верующих словами из Библии и всячески наставляли в христианском смирении.

Эти странные и злобные существа, матерящиеся в твиттере, в своих ЖЖ и Вконтакте, оправдывающие содомию и все мыслимые извращения (полагая их простительными слабостями), публикующие в Сети свои бесстыдные фото и распространяющие непристойности о собственной жизни, оказались большими книжниками и начетниками.

Они призывали и призывают всех, оскорбленных надругательством над храмом Христа Спасителя, к милосердию, прощению и христианской любви.

Мы их поблагодарим за это, естественно.

Потому что слова Священного Писания, даже исходя от стремящихся уподобиться животным, остаются словами Священного Писания.

Вывод о том, что таковыми предположительно являются защитники девок, можно сделать из досконального исследования сути явления **«Об умалении духовных основ и PR»** (<http://wonderbull.livejournal.com/153476.html>).

Ибо только уподобляющийся животному может поддерживать тех, кто организует подобное надругательство над человеком.

Предлагаю внимательно прочитать эту работу. Предупреждаю заранее, что ссылки в ней содержат похащину. Но таковая, увы, неотъемлема от либеральной клаки.

В конце же напомним, что в Евангелиях много чего сказано о прощении и о наказании. Мне на память пришли две цитаты.

От Матфея, глава 7:

6 Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас.

От Луки, глава 23:

34 Иисус же говорил: Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят.

Воистину тот, кто совместит в себе эти две премудрости, способен обрести святость.

И помолиться потом за нас, грешных.

Процесс и третий путь

Сегодня выносят приговор пусям. Обсуждать их больше нет ни малейшего смысла. Они добились того, что хотели, – скандал, пиар и политическая карьера. Толоконникова объявила себя и подруг точкой консолидации моральных сил общества, прогресса и социального развития, а сам факт консолидации – Чудом. Аминь.

В этой точке сошлись интересы двух противоположных сил, получивших от чуда свои приятные бонусы.

Первая сила – либерально-западническая «общественность», «болотная» оппозиция, упражнявшаяся последние месяцы в ненависти к государству и православию.

Эта сила – пестрая, неоформленная – считает, что в ходе процесса пусей она консолидировалась, отхлестав при этом Кремль и МП РПЦ.

А по ходу дела заручилась поддержкой мирового либерального истеблишмента, то есть получила благословение мировых сил прогресса и демократии.

Очевидно, что без покровительства на каких-то вершинах российских власти и олигархата болотно-пусинная оппозиция не смогла бы так лихо провести эту кампанию.

На нее работали ведущие СМИ и в целом всякого рода сетевая общественность.

Главное – это сделать плохо «омерзительной власти». Каждое бранное слово в ее адрес – успех и удача.

В ходе процесса бранных слов вылилось целое море – это уже и не успех, а «огромная моральная победа». Практически моральный триумф. Можно ходить с гордо

поднятой головой – сказано громко, публично и многократно!

Вторая сила – государственно-бюрократическая машина, втягивавшая шесть месяцев своих противников из политического протеста, опасного для власти, в процесс защиты трех карнавальных девок.

Эта машина полагает, что «болотная» оппозиция и оппозиция вообще, публично встав стеной за пусей, дискредитировала себя в глазах страны.

Страна же, по всем соцопросам, все-таки ассоциирует себя с традиционными и вполне консервативными ценностями, а не групповым сношением в биологическом музее, не с запихиванием курицы во влагалище, не с плясками посреди православного храма.

Очень жаль, но «болотных» предупреждали, что процесс пусей как смоляное чучелко – коснись его коготком, потом не отлипнешь.

Теперь «Справедливая Россия» и другие левые и либерально-левые партии, идя на региональные выборы, должны быть готовы к тому, что народу их будут претезентовать как «заступников тех девок, которые православный храм осквернили».

Об этом будут говорить по всем местным ТВ и радиоканалам, писать во всех местных газетах, сообщать в ходе предвыборной борьбы во всех местных церквях и монастырях – и черным пиаром это уже не назовешь.

Посмотрим, сбудутся ли аналитические фантазии либералов о том, что народу безразличны Церковь, религия и традиционные ценности.

Так что власть – вполне в выигрыше, независимо от приговора, который вынесут сегодня пусям.

И Путин, высказываясь о процессе вполне индифферентно, но с довольной улыбкой, именно это, похоже, и подразумевал – протест, угрожавший системе

зимой и весной, к августу плотно упаковал себя в нечто, что, как говорили конкуренты пусей из группы «Война», именно эту войну и кормит.

На передний план общей картинки протеста выползли социальные маргиналы и авангардисты – странно выглядящие, нечистоплотные, лохматые, гениальные в своих фантазиях о свободе и формах ее воплощения.

Проблема всех подобных активистов в том, что они герои узкого круга и определенного ракурса. Широкий экран их губит, уничтожает их загадку, таинственность.

Власть через процесс вытащила их именно на широкий экран – и оппозиция обрела для страны новые лица.

Но это не суровые лица Удальцова или активистов левых профсоюзов, родителей и друзей убитых в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Ингушетии молодых мусульман, даже не лица националистов из Русского марша, живущих идеей и мечтой, это лица пусей в разноцветных капюшонах и их сподвижников из «общественности».

Я не уверен, что они понравятся нашей мрачной державе...

Да, собственно, и остается третья сторона всего этого пиар-балагана – люди, народ. Им осточертел как бюрократический маразм с бесконечным восхвалением начальства всех мастей и хапанием всего что только можно, так и либеральный шабаш, поносящий Россию, открыто рассуждающий о ее распаде, упражняющийся в ненависти к религии вообще и православию в частности.

Этих людей – 95 процентов населения. Они только кажутся безмолвным большинством. Они очень даже себе на уме. И пока они не консолидированы. Они различаются местом жительства, религией и национальным происхождением.

Они все видят – самодовольный произвол коррумпированной бюрократии и безумие рвущихся к кормушке либералов; зажратость и «симонию» клерикалов и дикие богохульства их оппонентов.

Они пока живут по принципу, о котором напомнил Солженицын, повествуя о лагере: «Тебя не гребут – не подмахивай».

Нет политической партии, выражающей их интересы, их настроение, их взгляды, их отношение к происходящему. Пока нет. Но скоро появится. И те, кого сегодня стравливают бюрократы и оскорбляют либералы, – русские и нерусские, православные и иноверцы – увидят, что между ними нет серьезных противоречий и враги у них общие. Вот тогда это будет чудо.

Тот категорический императив, о котором напомнила нам всем из тюрьмы Толоконникова: «Кант сказал бы, что не видит иной причины этому Чуду, помимо морального начала в человечестве».

Уверен, что его слова сбудутся.

Все начинается с песенки

Приговор трем плясуньям - постыдный, неадекватный, жестокий и, главное... беспредельно глупый. Система публично высекла себя перед всем миром.

Но Система - не унтер-офицерская вдова, она жестокий и тупой Левиафан. Секущий сам себя, свирепо отдувающийся и важный монстр - что может быть смешнее и карикатурнее!

Против смеха у Системы нет защиты. Она не способна смеяться сама и, в ответ на смех, начинает пыхтеть, злиться и тащить всех в участок.

Придавая, таким образом, смеху политическое и практическое значение.

Система все это время видела перед собой панков и молодых девчонок, прошедших «крым и рым», сознательно отказавшихся от буржуазного и стабильного образа жизни, принципиальных нонконформисток и легкомысленно относящихся к морали стебщиц.

Вела же она себя так, будто перед ней три прогулявшие воскресную службу женщины, случайно изменившие своим примерным мужьям и попавшие в дурную компанию странноватых революционеров.

Апофеозом была встреча Аркадия Мамонтова с пусями в тюрьме. Какими глазами он и его попечители видят эту сцену, интересно?

Трех молодых женщин поочередно вводят в кабинет следователя, и дальше здоровенный мужик, которого нет в кадре, кстати, но которого страна видит как живого, спрашивает их: «Вам не стыдно?»

Естественно, в ответ с милой улыбкой - «нет», которое звучит как «да пошел ты...».

На чьей стороне симпатии зрителя – на стороне крашенных однотонных стен тюрьмы, баритона журналиста, напоминающего о мерзких школьных выволочках в кабинете директора школы – или арестанток, ни одной секунды не боящихся ни полиции, ни журналиста, ни всего государства с тюрьмами и атомными бомбами?

Подметали бы они улицы – об этом умоляли Систему с самого начала все, и либералы, и враги либералов, и священнослужители – над пусями самими бы смеялись до упаду. Что может быть смешнее – ниспровергательницы морали с метлами в руках!

Но Система искренне верит в силу тюрем как инструмента наказания и политической борьбы.

Это у Системы, кстати, от ее преклонения перед США – ее представители на разные лады любят повторять, как там здорово работают законы, суды и тюрьмы, как мы должны у них всему этому учиться!

Все эти пожизненные сроки, заключенные, одетые в яркие пижамы и сидящие в клетках со скованными ногами, вождение людей между камерами лицом вниз с заломанными назад и скованными руками – конвоир придерживает запястья (воспетое Соколовым-Митричем в незабвенной статье «Поза ку»), все эти современные каторги и одиночки – оттуда, из великой демократии.

И приговор пусям во многом оттуда. Это там надо не спорить с судьей, не вести себя дерзко (об этом в истерике шепчет адвокат, добивающийся соглашения с судом) перед его суровым лицом, не отказываться, когда тебе предлагают стучать и доносить (это называется соглашением со следствием), – и прочие мерзости, непривычные и неприемлемые нормальному человеку.

Это там судья – выразитель морального авторитета общества и государства, а юристы – привилегированный

слой паразитов, крутящихся вокруг людей, опутанных законами и нормами, точно пчелы – паутиной.

Православные люди были и остаются оскорблены действиями плясуний и их промоутеров. Храм – в том числе и мемориальный храм Христа Спасителя – несмотря на сомнительный порой моральный облик иных священников, несмотря на то, что в его подвальных или иных помещениях или вокруг него порой происходит городская и порочная светская жизнь, – место личного глубокого молитвенного переживания для каждого.

Во время службы люди, хоть и молятся за патриарха, страну, воинство, благорастворение воздухов, за тех, кто строил храм и за всех христиан, переживают все, что происходит в храме сугубо лично, не как «члены РПЦ», а как община верных тому, что их привело именно в храм.

В этом дурацкая ошибка плясуний (если только они не хотели в принципе плюнуть в душу всем верующим): критика патриарха и власти вне похабного поведения в храме – доходчивее и живее была бы для ума и сердца каждого верующего.

Теперь «Богородица, Путина прогони!» стала усилиями Системы (суда, госпропаганды, ОМОНа) – не просто песенкой неудачниц из панк-группы, а гимном единой оппозиции.

Тюрьма в России не имеет позитивного образа. Люди в подавляющем большинстве сочувствуют тем, кто попадает в тюрьму. Сделать тюрьму в России приемлемой для общества нормой невозможно – это означает изменить саму суть России (сталинские пиар-мероприятия вкупе с террором создали лишь видимость народной поддержки тюрьмы и каторги).

Похоже, Системе не нужна Россия – она навязывает нам образ всенародного приятия приговора трем молодым женщинам за всего лишь оскорбительное для

православных поведение в храме. Но за это, повторю, православным было достаточно подметания метлой вокруг храма. Система пытается спрятаться за православных. Но православные не должны ей верить.

Система – с пьяными игуменами на спорткарах и гелендвагенах, с роскошью суперхрамов в элитных поселках, с «солидным Господом для солидных господ», с Великим Инквизитором. А не с верой и Христом.

Россия просто не может поддержать тюрьму как метод исправления. Слишком хорошо Россия знает мерзость и ужас тюрьмы.

И никто теперь уже не поверит (благодаря приговору), что не за песенку...

Хочу вспомнить под конец историю с другой песенкой, пропетой русскими мальчиками из все того же Московского университета во время пирушки в 1834 году.

Русский император
В вечность отошел,
Ему оператор
Брюхо распорол.
Плачет государство,
Плачет весь народ,
Едет к ним на царство
Константин урод.
Но царю вселенной,
Богу высших сил,
Царь благословенный
Грамотку вручил.
Манифест читая,
Сжалился Творец,
Дал нам Николая, –
С... .. подлец.

(Цитирую по Герцену «Былое и думы».)

Студент Соколовский, автор этих строк, умер, выпущенный через несколько лет из Шлиссельбурга, на Кавказе от чахотки.

Остальные получили кто крепость, кто ссылку в разных видах. Герцен и Огарев, которые вообще не присутствовали при коллективном застольном пении, прерванном арестом по доносу провокатора, были наказаны Николаем за «вольность мыслей» и стали отцами русской революции.

От приговора за песенку до Ипатьевского подвала – прямой путь. Тогда он был долгим – аж в 84 года! Просто письма дольше ходили – сегодня счет пойдет на годы, а то и быстрее...

Могли князь Голицын, назидая от имени императора юношей 1834 года жестоким приговором, предвидеть пылающие помещичьи усадьбы 1917 года? Конечно нет! Ему казалось, что Система незыблема и ее поддерживает большинство населения (как и сегодня Системе так кажется по опросам).

Дикие жестокости русской революции во многом вызревали под спудом Системы, не способной смеяться, не готовой прощать...

Сегодня Система, подражая былому имперскому величию, полагает, что деньги и телевидение изменили мир, но она такая же великая и имперская, имеющая право сажать за песенку. Праздничные парады, соцопросы и ОМОН убеждают ее в этом.

Тюрьма за песенку для панков и веселящихся студентов рождает ненависть и героев. Панки и студенты становятся революционерами и философами.

Сегодня у власти – не князя, а бюрократы и силовики, устроившиеся на бюджетах и ресурсах, считающие, что они праведные и страшные и что они и есть «государство Российское».

Их валят либералы, растлевающие и развращающие народы России, чтобы отдать ее по частям западным колонизаторам и прорваться к нефти, газу, деньгам и удовольствиям.

И те и другие – два лика одной и той же Системы – 90-х и 2000-х. И те и другие, судя по страстям, кипевшим вокруг приговора пусям, служат только самим себе.

Третья сила – молодежь на улицах Москвы и Махачкалы, которой плевать в равной степени на величие государства и властей и на либеральные соблазны западных поп-демократий с их промоутерами в России.

Эта молодежь имеет дело с тюрьмой – в Махачкале (и вообще на Кавказе) давно и всерьез (а кроме тюрьмы еще и с ежедневными убийствами и похищениями), в Москве недавно и как бы пока понарошку, через административный арест на несколько суток (никто не помнит НБП, Нину Силину и других, мотавшихся по тюрьмам).

Приговор в Хамовниках – это первый серьезный ответ Системы молодому поколению Москвы, переход от «понарошку» к настоящей тюрьме.

Думаю, ответ не заставит себя ждать. Это будет опять смех – более жестокий, провокативный, с готовностью драться всерьез.

Создать будущее, в котором не было бы ни первых, ни вторых ликов Системы, но были бы вера, свобода и справедливость, – вот задача.

ты веришь
что зима должна
забрать утраченное
в летние забавы?
и что она намерена сполна
вернуть

принадлежащее по праву?

душа моя мы лед во тьме ночной
мы холод в этой теплой круговерти
смерзаясь мы становимся одной
из тайн преодоления зла и смерти

зима нас не отпустит никогда
мы ей нужны ведь мы ее защита
без нас она безмолвна и убита
без нас она лишь талая вода

ты веришь что пути иного нет
как нам ложиться снегом друг на друга
и на ухо шептать: когда б не вьюга
лежать бы так хоть сотню тысяч лет?

Почему мы говорим спасибо Ассанжу?

Джулиан Ассанж сделал огромный подарок всему человечеству, показав нам подлинное лицо того, к чему нас приучили относиться как к более святому, чем папа римский – к мировой бюрократии.

Оказывается, мировая бюрократия – это просто люди такие. Они тоже потеют, они глупыми тоже бывают, понимаете?

А вовсе они не могучие и страшные, в своих костюмах Brioni, восседающие в кабинетах, смотрящие на нас грозно, когда мы в эти кабинеты заходим, и держащие в руках печать и ручку Parker, чтобы печатью разрешить, а ручкой Parker запретить, например. Или наоборот.

Оказывается, они похожи на нас и даже более того – часто бывают гораздо более невежественны и смешны.

Миф о могучих бюрократических демократах, которые правят современным человечеством и являются инициаторами глобализации, развеян одним этим человеком. Спасибо тебе, Джулиан Ассанж.

Поэтому я предлагаю именно Джулиана Ассанжа выдвинуть на Нобелевскую премию мира. Могу сказать, что никто не сделал для дела мира, мира свободы, мира демократии, мира гражданского общества больше, чем Ассанж.

Могут ли публикации Wikileaks поставить под удар страну? Под удар может попасть не страна, а бюрократия, которая говорит от имени страны и от имени народа. А бюрократия и страна, народ – это не одно и то же.

И благодаря Wikileaks мы можем теперь представить себе еще раз, что это за деятели с каменными лицами

сидят на пресс-конференциях, кто они такие.

В свое время большевики пришли к власти под лозунгом «Долой тайную дипломатию! Сделаем мир открытым! Долой тайный сговор и мир без аннексий и контрибуций!».

Но и сегодня тайная дипломатия никуда не делась. Сегодня она господствует в мире. И Wikileaks – это удар по практике тайной дипломатии.

Мы, народы мира, самые разные – русские, американцы, немцы, – хотим, чтобы нас перестали стравливать в интересах корпораций для того, чтобы где-то кто-то разжился Албанией или чтобы у кого-то, у Ротшильдов, или у Рокфеллеров, или там у кого-нибудь еще, повысились какие-то котировки.

Публикации Wikileaks не сталкивают народы. Они стравливают друг с другом бюрократов. Ну и бог с ними!

Наши судьбы, судьбы миллионов людей не должны зависеть от фобий, маний и стилистики каких-то людей, которые окончили МГИМО или Гарвард, которые работали тайно, делая карьеру, а потом внезапно, на сороковом году жизни, в кулуарах власти, или в кулуарах посольств, или где-то еще, пройдя энное количество километров тихим шагом, подобно Молчалиным, вдруг начали определять судьбы мира.

Грибоедов был прав: Молчалины господствуют на свете. Сегодня с этих Молчалиных сорвана маска благодаря Джулиану Ассанжу. Спасибо ему еще раз за это большое.

Что нового мы узнали из этих публикаций? Да ничего из того, о чем бы не говорили раньше! Ничего нового.

Мы знали, что это лживый, кровавый истеблишмент, который лжет и который описывает самым грязным образом своих друзей и союзников.

Мы знали, что США – это империя, в которой все построено на бюрократии, на торжестве денег, что они давно уже вытерли ноги о принципы отцов-основателей и о конституцию свою.

Мы знали, что европейский истеблишмент, прикидывающийся демократическим и свободолюбивым, на самом деле лижет подметки американцам и вертит перед ними куцым хвостиком. Что тут нового-то?

И про Россию там, кстати, ничего особенного нет. У нас долго тут смеялись, что вот «шакалят у посольств» – да как Путин смел так сказать!

А из переписки Wikileaks мы видим правду – у посольств шакалят многие, и американцы об этом, обо всех своих источниках, прекрасненько сообщают.

И даже дают оценки многим своим либеральным информаторам, рисуя им картину политической ситуации в России.

Теперь мы, по крайней мере, поняли, откуда у американского Госдепартамента складывается впечатление о том, что происходит в нашей стране.

Почему Муамар Каддафи - последний герой?

Муамар Каддафи – последний на земле политик, имеющий отношение к событиям середины XX века, которые мы можем называть пробуждением Африки, пробуждением третьего мира.

Хотя нет, есть еще Фидель Кастро, конечно. Фидель Кастро по масштабу гораздо больше, чем Каддафи. Рядом с ним Каддафи выглядит даже не как младший брат, а как младший внучатый племянник Фиделя Кастро – в политическом смысле.

Потому что даже все толстенные зеленые книги Каддафи, его многотомные произведения и экстравагантные одежды не стоят одной маленькой статьи Фиделя, одного его маленького очерка, размышления о том, почему США не хотят на самом деле никакого развития стран третьего мира.

Каддафи является тем, кем он является, и попытка снять Каддафи с доски истории, вычеркнуть его является попыткой зачеркнуть XX век целиком и полностью, с его надеждами, с его мечтами.

Сегодня Каддафи выглядит чудачком, но вспомним, каким он был в 1969 году, например, или в 1973-м. Это был молодой, подтянутый бербер, офицер с ярким лицом.

В самой личности молодого Каддафи, вступавшего в зрелый возраст, было что-то магическо-романтическое.

Он казался поэтической метафорой, бросившей вызов миру банала, миру простых истин на революционные темы, которые произносились мордатými партийными работниками Советского Союза.

И вот Каддафи, который тогда смотрелся ярким и невероятным артефактом революционной эпохи, превращается в графа Дракулу.

Дракула в фильме Копполы тоже ходит в расписных, расшитых одеждах. То он молодой красавец с невероятными кудрями, в очочках, такой бледный. То он страшный жуткий монстр с морщинами на лице.

Вот и Каддафи такой же. Каддафи напоминает нам о том, что времена меняются и смена времен происходит все быстрее и быстрее.

Мы видим, как новые политические силы пробиваются из-под этого асфальта времени, с которым уже сливается Каддафи, в который он уже вращается, как когда-то красивый дом с годами вращается в землю.

Вообще, мы мало что знаем про старых героев и новые политические силы, потому что то, что нам показывают по телевизору, – это чистая мифология.

В интерпретации этой драмы есть некий Каддафи, некий монстр, и некая оппозиция. Но кто входит в эту оппозицию?

Почему-то нивелируется и сглаживается политическая составляющая как самого Каддафи, так и оппозиции.

Вообще одна из задач общества спектакля – снятие XX века, который был веком яркой политической фразы, напряженной политической позиции.

Задача современных делателей мирового спектакля – снятие реальной политической напряженности, политической остроты и превращение всего в противостояние каких-то театральных персонажей, некоей оппозиции и некоего Каддафи.

Это не важно, что происходит в Ливии. Там не происходит ничего такого необычного, чего не происходило бы в других странах.

Вся эта мистификация, трагедизация происходящего в Ливии – это ход публичной

пропаганды. Но характерно распределение ролей в спектакле.

Мне кажется, мы не должны этому поддаваться. Мы должны пытаться напряженно вникать в программы и позиции тех политических сил, которые сегодня противостоят друг другу.

Попытаемся вскрыть, очень кратко, содержание этого спектакля и понять, что происходит в глобальном смысле.

Считаю, что реальный конфликт происходит не на Ближнем Востоке. Это просто сцена, на которой разыгрывается драма. Помимо того что там появилась целая когорта молодежи, которая не хочет жить по-старому, там проснулись политические силы типа братьев-мусульман и т. д.

Ближний Восток является ареной жесточайшей борьбы мировых элитных клубов. Совершенно очевидно, что, когда Каддафи, как и многие другие лидеры национально-освободительных движений, был предан Советским Союзом, был брошен на произвол судьбы, он должен был найти себе нового партнера.

И он нашел партнера, конечно, в американской администрации, поскольку все националисты рано или поздно обязательно прибегают к поддержке или покровительству США.

Потому что центр мирового национализма как идеи политического определения находится в Штатах.

Эта страна является покровителем всех националистов. Равно как Великобритания является покровителем всех тех, кто тяготеет к структурам так называемым традиционалистским, основанным на неких вариантах клерикализма, суфизма, исихазма, аристократизма.

Каддафи присягнул и стал вассалом американского националистического республиканского лобби.

Когда он стал с ними сотрудничать, сразу забыли все его прегрешения – и обвинение во взрыве самолета, и обвинение в поддержке терроризма, и все остальное.

И он перестал быть революционным вождем, а стал чудаковатым племенным лидером.

Но с приходом Обамы в США и во всем мире развернулась нешуточная борьба. Борьба между Рах Америгана, который базируется на интересах американских националистов, которые группируются вокруг республиканской партии, и – миром глобальной экономики, глобальных денег, который в американском формате ассоциируется с Демократической партией, центром и мировоззренческим полюсом которого является, конечно, Лондон.

Современная Демократическая партия, ориентированная на глобализм, в американской ситуации является верным партнером или даже, можно сказать, инструментом политики британских глобальных элит.

Не британских, в смысле сидящих на британской земле, а британских как объемлющих принципы свободной торговли – Вест-Индская и Ост-Индская компании, модифицированные в XXI веке.

Ближний Восток как колонию националистическо-республиканского американского лобби необходимо было демонтировать.

Вот и происходит демонтаж Ближнего Востока. Демократы и глобалисты взялись за демонтаж всего того, что подпитывало американскую республиканскую систему.

И о Каддафи они споткнулись. Вот как объяснить, что Мубарак то уходил, то не уходил? В Вашингтоне велись напряженные консультации. Реальная война, реальные бои велись там, среди этих масонских американских клубов.

Потом Мубарак ушел. По Каддафи не было принято решение такого рода. Каддафи тоже партнер. Эти связи легко прослеживаются. Например, Берлускони, как партнер Каддафи, тоже имеет отношение к республиканской клиентуре.

Здесь у нас, в России, несмотря на грозные заявления в отношении США, российская элита, ассоциирующая себя с правительством, конечно, возникла и укрепилась в эпоху господства республиканцев, является партнером республиканцев.

Поэтому и Сечин, и все эти группы так завязаны на Ливии, в частности. Равно как «медведевцы» условные, это, конечно, «обамиты», дети эпохи Обамы, связывающие свои надежды с Обамой, с демократически-глобалистским проектом.

Но Каддафи не ушел, он стал сопротивляться.

Вся эта мировая медийная сфера, конечно, глобалистская. «Аль-Джазира», CNN. Этим, кстати, объясняется, казалось бы, парадоксальная информация о том, что Израиль поддерживает Каддафи.

Как это может быть, Каддафи был врагом Израиля, что за лицемерие? Каддафи лицемер? Израиль лицемер?

Нет, просто внутри Израиля тоже оформились две партии. Первая делает ставку на национал-фашизм и видит партнером американских баптистов, этих республиканских Бушей и т. д.

И вторая – это партия мирового еврейского финансового лобби, которая в Израиле тоже присутствует и которая хочет изменения, в том числе формата Израиля.

Поэтому не Израиль поддерживает Каддафи, а эти партнеры республиканцев вынуждены его поддерживать.

Они становятся звеньями одной цепи. Саудовская династия, израильские консерваторы-националисты,

Каддафи, американские республиканцы – вот эта цепь.

Поэтому сопротивление Каддафи – это не столько сопротивление самого Каддафи, сколько американского правого националистически-республиканского лобби.

Это не значит, что они какие-то фашисты в старом понимании слова, просто они исходят из того, что Америка – империя и именно эта империя должна быть главной в мире.

Их оппоненты, «обамиты», парабританисты, так их назовем, исходят из того, что никаких империй больше не будет – ни американской, ни российской, ни европейской, ни китайской. Никакой.

Они исходят из того, что в мире будет свободное сообщество людей, в котором будут свободно циркулировать деньги.

И тот, кто смел, тот и съел, а кто съел, тот и потребил все эти либеральные блага, которые предоставляет современный мир.

Это и есть мировая война.

События в Ливии – одно из сражений глобальной мировой войны, которая на наших глазах набирает обороты.

Так и надо к этому относиться.

Не как к какой-то национальной революции, не как к студенческому бунту, не как к восстанию Аль-Каиды или братьев-мусульман, не как к попыткам тирана сохранить свою власть. А именно так и никак иначе.

Он пал в бою. Почему это важно для нас?

Муамар Каддафи убит. Почему он убит? Почему он пал в бою, как и обещал, почему он не попал в плен? По двум причинам.

Во-первых, он сам для себя решил в плен не попадать, что, на мой взгляд, было бы ошибкой – он мог рассказать много интересного о западных своих партнерах, которые еще в недавнем прошлом обнимали его, жали его руку и дрожали от страстного вожделения получить его деньги, бабки, money.

Во-вторых, уверен, что его убили по приказанию Саркози и других людей, которым он давал деньги на их избирательные кампании. Убили по согласованной позиции западного финансово-промышленного истеблишмента.

Каддафи вкладывал огромные суммы в западную экономику, но это же был не дар, это были инвестиции, которые надо было возвращать.

У меня есть подозрение, что в ситуации кризиса в Европе убийство Каддафи, а стало быть, уход от необходимости отвечать по тем долгам, которые они взяли у Каддафи, – это способ решения европейского экономического кризиса.

Эта война имеет для Европы огромную экономическую пользу. Миллиарды, десятки миллиардов, вложенные в Италию, в крупнейшие концерны, во французские корпорации, в реальный экономический сектор, – теперь это обратно востребовано уже не будет.

Поэтому его убили поспешно, по-пиратски, по-разбойничьи, по-бандитски.

Главная ошибка этого человека - желание договориться с Западом, стать частью мирового истеблишмента, его наивная вера в то, что демократия, гуманизм, декларируемые ценности Запада на самом деле реально существуют и он имеет дело не с бандой озлобленных, корыстолюбивых мерзавцев, для которых важнее всего просто власть и деньги.

Эта наивная вера и привела его к трагическому концу на улицах Сирта. В любом случае он умер как мужчина.

Будут ли за Каддафи мстить его дети? Например, Аиша, у которой убили детей и которая родила ребенка, контуженного уже в утробе, потому что она попала под удар французской бомбы, которая специально метила в семью Каддафи, чтобы убить его, его детей, его внуков.

Думаю, что у Аиши Каддафи есть личные счеты к семье Саркози и она имеет на это моральное право.

И если она однажды придет просто посмотреть в глаза Карле Бруни, принесет ей фотографии своих окровавленных, убитых, разорванных бомбами детей, думаю, тогда Карла Бруни проявит себя.

И мы поймем, кто она есть - бессмысленная топ-модель, раздевающаяся догола на страницах гламурных журналов, или человек, обладающий хоть какими-то зачатками души.

Ни слезинки эта мать, которая тогда уже была беременна, не пролила по поводу убитых ее мужем детей Аиши Каддафи.

Каддафи никогда не станет новым Че Геварой. Хотя бы потому, что Эрнесто Че Гевара в западном истеблишменте видел сатану и считал, что компромиссы с дьяволом, переговоры с дьяволом невозможны.

Эрнесто Че Гевара видел сатану в какой-то мере и в Советском Союзе. В своей известной алжирской речи он объявил, что советский империализм еще хуже, чем

империализм западный, потому что советский империализм прикрывается маской социализма, а на самом деле вынуждает развивающиеся страны брать заказы, покупать советское вооружение, брать деньги.

Че Гевара умер чистым революционером, человеком, который видел только свободу, только революцию, только социальную справедливость – как главную цель своей жизни.

Каддафи же в конце жизни, наверное, понял свои ошибки. Он хотел в какой-то момент стать неким клоуном при дворе, а если не клоуном, то экзотическим туземным вождем, что-то вроде раджи из романа Ивлина Во.

Каддафи хотел стать таким же раджей – в красивом мундире, с эполетами. Его принимают, и Карла Бруни с ним, и Саркози, и Берлускони, и Тони Блэр. Все с ним вместе, заодно.

Все знают, что он странный, чудаковатый, но он дарит им алмазные пасхальные яйца на Пасху, дамам – кольцо бриллиантовые и «бентли» и «роллс-ройсы» с инкрустированными надписями «Свобода, справедливость, равенство...». И все это принимали.

Но выяснилось, что в момент кризиса им выгодно его убить и отобрать его деньги. Что они и сделали.

Уверен, что это было подлинным мотивом ливийской войны. Цена – огромная. И они выиграли, эти грабители выиграли в этом деле.

Думаю, в последние дни Каддафи понял, что он сделал, и пересмотрел свою жизнь, понял все ошибки, которые он совершил.

Надеюсь, что он простил свой ливийский народ, который он так любил и которому посвятил свою жизнь.

Но думаю, на Страшном суде он явится и спросит с Саркози, с Баррозу, с Берлускони, да и еще кое с кого из тех, кто имеет отношение к голосованию в Совете Безопасности.

Это голосование убило в Ливии 25 тысяч ливийцев, не считая чернокожих гастарбайтеров, которых вообще никто не считал, и 50 тысяч ливийцев тяжело ранило, сделало калеками.

Это голосование разрушило десятки городов до основания и сделало вдовами не только Аишу Каддафи, но и еще огромное количество ливийских женщин.

Сирия: проиграть нельзя победить

Гражданская война в Сирии развязана международной коалицией, которая осуществляет наглую и беспринципную интервенцию на территорию суверенной страны.

Эта коалиция состоит из очень причудливых частей – в нее входят салафиты из организации «Джабат аль-Нусра», светский турецкий брат-мусульманин Эрдоган и Турция, Евросоюз с министрами иностранных дел – содомитами, как, например, министр из Германии, который представил свою «жену», оказавшуюся мужчиной...

В коалицию входят американские империалисты – в прямом смысле этого слова... В нее входят король Саудовской Аравии и эмиры Катара и Арабских Эмиратов. Еще ко всем ним присоединяется «прогрессивное либеральное человечество». И каждый член этого причудливого союза преследует в Сирии свои цели и интересы.

Салафиты хотят установить Исламский халифат – с властью Аллаха, как они говорят, и шариата, – чтобы было исламское правление.

Эрдоган хочет восстановить Османскую империю – в новом либеральном виде, приемлемом для Запада, – и чтобы Сирия, которая была османской провинцией, опять вернулась в такое состояние.

Монархи Ближнего Востока хотят пробить кратчайший энергетический путь для транзита нефти и газа из стран Залива в Тартус и Латакию, а оттуда – в Европу.

Европейцы заинтересованы в том же самом, желая иметь кратчайший путь к энергоресурсам Ближнего Востока.

Американцам же нужен просто хаос на Ближнем Востоке, чтобы там не осталось никаких государств, имеющих какую-то самостоятельную политику, не зависящую от США. Сирия пока последнее такое государство.

Еще игрок - Израиль, у которого тоже свои интересы. Все заявления Израиля о том, что он за Асада, что Асад выгоден Израилю, конечно, абсолютно лицемерны.

Асад поддерживал палестинское движение освобождения, Сирия оставалась последним государством, которое поддерживало его и материально, и политически и содержало на своей территории боевые и политические структуры Народного фронта освобождения Палестины и других левых организаций.

Поэтому Израиль заинтересован в уничтожении Сирии как своего последнего противника на Ближнем Востоке, готового сопротивляться и поддерживать силы, сражающиеся против Израиля.

Вся эта огромная коалиционная масса навалилась на Сирию. Почему у коалиции это получилось и почему не получается с окончательной победой?

Получилось с развязыванием гражданской войны, потому что руководство Сирии допустило очень серьезные социально-экономические ошибки, которые привели к возможности иностранной интервенции.

Прежде всего надо сказать, что лет шесть-семь назад Башар Асад начал либеральные реформы.

Вспоминаю взятое мной интервью у вице-преьера Дардари (он был «сирийским Гайдаром»), рассказывавшего, как в Сирию придут западные инвесторы, придут разные западные финансовые учреждения, как потекут потоком деньги...

Так и случилось - инвесторы пришли. Лет пять назад в Дамаске было не протолкнуться среди

американских «портфельных инвесторов» – людей, инвестировавших не в развитие экономики, а в скупку обесценившихся производств, чтобы перепродать их по более высокой цене.

Особенность же сирийской экономики состояла в том, что подавляющая часть населения занята в сельском хозяйстве, которое дотировало государство. Крестьяне не были богаты, но жили достаточно сносно.

Сирия не завозила импортных продуктов – вообще. Это была особенная страна, приезжая в которую знаешь точно, что будешь есть продукты экологически абсолютно чистые. Там не использовали никакие химикаты, не выращивали овощи-фрукты в парниках – климат позволяет снимать по три-четыре урожая в год.

Но после создания системы «либеральных реформ» – фактически прихода в Сирию западных спекулянтов – мгновенно выяснилось: сельское хозяйство нерентабельно. С точки зрения рынка. И выгодней давать большие кредиты перекупщикам (на Россию 90-х похоже, не правда ли?), чтобы они закупали помидоры не у сирийских крестьян, а, например, у турецких производителей в Аттакии.

И Сирию наводнили импортные продукты. Деревня мгновенно стала нищей, ибо утратила доступ к рынку в больших масштабах. Сельское хозяйство действительно стало нерентабельным.

А города стали резко богатеть – даже не представить как! Ведь город на Ближнем Востоке – это еще традиционно и центр торговли, пропускающий через себя громадные денежные массы. В городах резко богател средний класс, состоящий из алавитов, христиан, черкесов, друзов и части суннитского населения, примыкавшего к бюрократии, к правящей партии БААС.

Сложился (как и в России в 90-х годах) триумvirат из бюрократии, силовых структур и финансовых

спекулянтов. Каждый друг друга дополнял. Бюрократия обеспечивала разрешение на создание банков и прочих выгодных структур, силовики прикрывали бизнес, получая с него свою долю, а спекулянты накачивали эти структуры деньгами, обесценивая труд сирийских крестьян.

Крестьяне же были по преимуществу сунниты, и в какой-то момент уровень их жизни упал до такого уровня, что терпеть далее такое положение стало невозможно.

Асад тогда начал сворачивать «либеральные реформы». Потому что он понял, куда он ведет государство. Однако было уже поздно.

С одной стороны было обнищание суннитской деревни и ее озлобление в отношении несуннитского по сути города (что давало поводы для активных проповедей радикалов всех мастей).

С другой - уже начавшая паразитировать, эмансипировавшаяся от страны либеральная буржуазия. Которая несмотря на то, что получила свои состояния благодаря реформам партии БААС (как и постсоветская буржуазия в 90-х благодаря политике КПСС с Горбачевым), начала выступать против Асада, ставшего ей ненужным.

Либеральная буржуазия через свои банки и фонды имеет прямые выходы на мировое сообщество, Евросоюз, США, Турцию, на центры «либеральной спекуляции».

Асад оказался между двух огней - ненавидящим город суннитским большинством и готовой предать президента городской либеральной прослойкой. И вот тогда на Асада набросились.

И выяснилось, что даже пятьсот долларов, которые эмир Катара даст крестьянину из сирийской глубинки, равняется его доходу за полгода. И за пятьсот долларов он готов поддержать джихад и участвовать в нем.

И городская либеральная интеллигенция то же самое – она была сразу же готова перевернуться против Асада.

На все эти проблемы еще и наложились воспоминания о 60-70-х годах, когда были политические репрессии: например, против коммунистов, бывших в оппозиции к Хафису Асаду, против братьев-мусульман в 80-х.

Против Асада сложилась очень мощная оппозиция. И Запад надеялся, что в Сирии все пройдет очень быстро, что оппозиция быстро сметет БААС, что события пойдут по сценарию даже менее кровавому, чем в Ливии.

Но оказалось, что суннитская деревня попала под полное влияние радикалов из стран Ближнего Востока – Саудовской Аравии, Йемена, Катара.

Деревня вообще не хочет сосуществовать с городом. Она хочет города разграбить и уничтожить. Она хочет полностью доминировать. Она жаждет мести.

Что поставило городскую буржуазию перед сложным выбором: ведь предать Асада страшно – вместе с ним они потеряют власть, привычную им (Сирия очень либеральна, там весьма вольные нравы, это самая свободная страна Ближнего Востока с точки зрения социальной жизни).

Потому буржуазия поневоле начала спланиваться вокруг Асада. К тому же радикализация оппозиции привела к тому, что часть армии (которая, может, была готова договориться) поняла, что договариваться в общем-то не с кем.

Часть военных-суннитов перешла на сторону оппозиции – достаточно высокие чины, вплоть до генералов. Однако другим просто некуда переходить, ибо им и их семьям угрожает потеря социального статуса и даже смерть – начались межконфессиональные и этнические чистки.

Прежде сирийцы были весьма толерантны друг к другу. Но выходцы из Йемена или Катара никогда не видели никаких христиан или алавитов, которые для них страшные «кяфиры» – неверные, жить которым на земле никак нельзя.

Были зверские убийства представителей власти, которыми во многих местах были, как правило, алавиты. Алавиты ответили. Власть упустила контроль над происходящим. Начались жуткие кровавые эксцессы – людей вырезали деревнями, общинами. И даже армия ничего не могла сделать, ибо, вступаясь за какую-то из сторон, она теряла доверие другой. Потому часть войны в Сирии идет по «ливанскому типу».

Но вместе с тем за эти два года армия превратилась в мощную политическую силу.

До того армия готовилась к войне с Израилем – это «танковые прорывы», «авиационные бомбардировки», «ракетные обстрелы», «спутниковое оружие». Но выяснилось, что надо воевать в городах с партизанами, вооруженными автоматами, гранатометами, пулеметами и снайперскими винтовками. К такой войне армия не была готова.

Однако за два года войны, понеся большие потери (часть дезертировала, часть погибла, часть перешла к противнику), армия превратилась в весьма боеспособную структуру.

Сейчас в армии пять-шесть бригад, которые вполне адекватно и эффективно ведут бои в сложнейших городских условиях, на равных воюя с хорошо подготовленными повстанцами, которых тренируют специалисты – и турецкие, и американские, и даже есть информация об израильских.

Среди повстанцев есть те, кто прошел войну в Чечне, в Афганистане, то есть имеют огромный боевой опыт. Это очень-очень серьезные противники.

Сегодня ситуация такова, что практически идет гражданская война между городом и деревней, причем победы не сможет достигнуть ни одна, ни другая сторона.

Важнейшую роль сыграла позиция России. Благодаря которой Асад сумел удержать власть, но отнюдь не свою личную.

Асад - вполне демократичный человек и пострадал не из-за своей тирании, а из желания либеральных реформ, которые привели к чудовищному расколу в стране - так же как и в России в 90-х годах. Только наше население не взялось за оружие, а сирийское взялось за него. Под исламскими лозунгами. У нас не было такого катализатора. В 93-м у нас проиграл Верховный Совет - и схема была та же самая. Но в Сирии есть исламские радикалы, которые не позволяют затухнуть воле к борьбе по социальным мотивам.

Всюду, куда приходит западный либерализм, возникают предпосылки войны, везде возникает ненависть, везде начинает ослабевать государственный суверенитет, везде появляются продажная либеральная буржуазия, завязанная на западные деньги, и обнищавший народ. Это просто универсальная схема.

Сейчас, я думаю, Асад и его союзники сделали правильные выводы. Армейское руководство теперь не сугубо алавитское. Я видел и офицеров - суннитов, христиан, друзов и других.

Сегодня война идет за Сирию как государство многогранной культуры, которым она была всегда.

Благодаря России такая Сирия смогла выдержать первые волны ударов. И у нее хорошие шансы не проиграть. Проиграет она только в одном случае, если будет принято решение об участии авиации НАТО, если Сирию начнут бомбить.

Но тогда война обязательно распространится на Ливан, она примет террористический характер (потому

что, я думаю, сирийские группировки начнут отвечать терактами в Европе - почти уверен), и вообще много страшного ждет мир.

Поэтому позиция России сегодня удерживает ситуацию не только в Сирии, но и в других регионах мира от войны и от волны террора.

Назовем ли мы Обаму «славным парнем»?

Обама получает Нобелевскую премию мира. Он сегодня рассуждал о войнах. Рассуждал как-то мутно, как-то непонятно – что, мол, есть какие-то ситуации, когда войны надо вести.

Говорил, что ему жалко тех молодых ребят, которые вынуждены убивать, и тех молодых мирных жителей, которых американская армия в изобилии убивает в Афганистане под видом борьбы с терроризмом.

Убивает людей, которые собираются на свадьбы, на похороны, на разные другие мероприятия.

Ну, ему жалко. Америка, с его точки зрения, была в центре мировых войн дважды в XX веке. Он бы вспоминал лучше не про мировые войны, а про Корею и про Вьетнам. Про те войны, которые американцы вели под идеологическими предлогами.

Вспоминал бы Иракскую войну, вспоминал бы Югославскую войну, которые гораздо ближе к нам и которые гораздо более трагичны и неоднозначны по своим мотивам и своим результатам.

Обама выделил еще в этой своей речи какой-то восторг по поводу своих отношений с Дмитрием Медведевым. И сказал, что наконец-то мир избавлен от угрозы войны между двумя сверхдержавами.

Считаю, что только сумасшедший может верить, что война между сверхдержавами – а Россия не является сверхдержавой, к сожалению, вот уже двадцать лет – была реальна. Она абсолютно нереальна.

И сокращение ядерных вооружений – тут Обама обманул человечество – ни в коей мере не снижают угрозу глобальной войны, тем более с применением ядерного оружия.

В общем, так я и не понял, за что давать Обаме эту Нобелевскую премию, хотя по своим интенциям, по всему тому, что он делает, хочет делать, лично мне он симпатичен.

Он, может статься, славный парень, который пытается изменить ситуацию. Но, однако, многое из того, что Обама обещал, до сих пор не сделано.

Он не закрыл концлагерь в Гуантанамо. Он не отменил в должной мере «Патриотический акт», который нарушает, по мнению многих, американскую конституцию.

Он увеличивает военные контингенты в тех регионах, где, на мой взгляд, пребывание существующих контингентов – безумие в чистом виде.

В мире, в Ираке например, происходят теракты, которые являются прямым следствием американского вторжения в эту страну.

И последний, один из самых жутких терактов в Ираке, в котором погибло больше ста человек, произошел как раз в преддверии обамовской Нобелевской премии мира, которая ему была вручена.

Мне кажется, что, отказавшись от нобелевского ужина с королем Норвегии Харольдом, Обама на самом деле продемонстрировал также и то неудобство, которое он ощущает в связи с этой Нобелевской премией.

Какие к нему могут быть моральные претензии? Он делает тяжелую работу, хотя, на мой взгляд, ошибается.

Намерения его хорошие, но люди устали от либерального «общества спектакля», в котором обамы эдакими зайцами прыгают по сцене мировой политики.

Что тут обсуждать про этого лауреата Обаму? А американскому правительству пора бы вывести войска из Афганистана и прекратить насиловать и уничтожать этот народ.

Глаза закрою – вижу как поля
уходят вдаль
теряется земля за гранью неба
и как будто сталь
душа моя
тверда и холодна
как будто не был я
ни там, где города
толп человеческих движением горды
рождением в лоне огненной воды
как будто я
как бы из-под льда
не видел как луна
идет туда
где черная стена
чтобы понять, что значит для луны
расстрела ждать
в молчанье у стены
как будто не бежал по мостовой
не знал всегда
что только лишь с тобой
глаза закрою – вижу наяву
могилы, солнце, юную траву
дорогу, озеро
и птичьего крыла
взмах в ожиданьи
крови и тепла

ВОСТОК-ЗАПАД

Кто они - эти легитимные подонки?

В Сербии арестован генерал Ратко Младич. Я не оправдываю его, потому что видел, что делалось в Косове.

Я был в Косове буквально на третий день войны, когда уже шла достаточно серьезная, да что там, просто страшная этническая резня.

В Югославии совершены были жуткие преступления. И в этих преступлениях повинны были многие люди, которые выступали на стороне сербов, хорватов, боснийских мусульман, словенцев, всех крупных национальных общин Югославии.

Считать, что только сербы или Ратко Младич повинны в делах этнической войны, - это абсолютно неправильно.

Просто так получилось, что у сербов была изначально более сильная армия, больше запас оружия и больше возможностей вести полномасштабные боевые действия.

Я видел своими глазами, не на картинках, рвы с расстрелянными людьми, изгрызенные собаками тела, головы отрубленные, которые были горками сложены на берегу ручья.

Видел сожженные дома, и в сожженных домах лежали сожженные трупы людей, мирных жителей, тоже застреленных в упор.

Разговаривал с девочкой четырнадцати лет, которая была изнасилована солдатами, и на ее глазах сожгли живьем ее бабушку, ее деда.

У нее такие были голубые глаза, в которых застыло жуткое знание жизни и безумие.

Ничего более страшного, чем югославская этническая война, я не видел. Даже чеченская война,

или афганская, или какая-нибудь другая не является войной такого уровня беспощадности, звериной ненависти, которая там была явлена.

Но я считаю, что в этой войне помимо тех реальных преступников, которые убивали людей, безусловно, повинны страны Запада, которые содействовали развязыванию этой кровавой этнической бойни.

Потому что в нарушение Хельсинских соглашений 1975 года о нерушимости европейских границ, лихорадочно, поспешно Германия, прежде всего, во главе с Гельмутом Колем, Франция и другие вслед за ними стали признавать все эти Словении, Хорватии и так далее.

Тем самым исключив диалог внутри федеративной республики Югославия, диалог между разными национальными общинами и разными национальными группами о возможности сохранения югославской балканской федерации.

Зачем это было Западу? Затем, что в Европе не должно было быть никаких федеративных образований, кроме тех, столицей которых является Брюссель. Все остальные федеративные образования должны были быть уничтожены.

Уверен, что признание Словении, быстрое, поспешное, скоропалительное, признание Хорватии породило реальную югославскую бойню. Это и было политическим толчком к югославской войне.

Считаю, что на скамье подсудимых в Гаагском трибунале вместе с Ратко Младичем должны сидеть Гельмут Коль, Мадлен Олбрайт и Билл Клинтон. Это они подталкивали лидеров югославских этнических общин к этим кровавым событиям, вооружали их.

Говорят, что Младич отдавал приказы убивать тысячи и тысячи людей. А Билл Клинтон не отдавал приказания бомбить Белград?

Я видел в Белграде куски мяса журналистов, валявшиеся по мостовой, когда они бомбили телецентр. Телецентр – это что, военные, что ли?

Клянусь, я фильмы Кустурицы не могу смотреть. Когда смотрел в фильме «Черная кошка, белый кот» сцену, где бандиты повесили таможенника, помню, зал хихикал.

А я реально видел такие картины в Югославии. Нет ничего менее смешного, чем югославская война.

Я не вижу разницы между людьми, которые отдают приказ о бомбардировках или создают ситуации политического конфликта, искусственно стравливая людей, и теми, кто руководит боевыми отрядами.

Только одни подонки сидят в дорогих костюмах в респектабельных офисах, в Давосах, в Нью-Йорках заседают, и они, видите ли, легитимные элиты.

А такие, как Ратко Младич, или другие – они, видите ли, нелегитимные элиты. Поэтому, когда, допустим, человек, который не является бюрократией и номенклатурой, совершает преступление, он – преступник.

А если бюрократ или член демократической номенклатуры, например, совершает такое же преступление, приказывает бомбить фосфорными бомбами, приказывает делать чистки, оправдывает пытки – он не преступник, он просто действует от имени государства.

Значит, злодеяние от имени государства легитимно, а злодеяние от имени тех, кто не успел стать государством, от имени Сербской Краины, например, не легитимно.

В этом и есть сущность либеральной демократии. Либеральная демократия – это гнилая ложь, это господство сильных, которые имеют превосходство над слабыми. Но наступит момент, когда слабые получат

оружие примерно такой же мощности, и тогда они станут победителями.

Правящие элиты считают, что если человек победил, то хорошо. Нет человека – нет проблемы, победитель всегда прав. В истории и Чингисхан побеждал. С их точки зрения, Чингисхан, истребивший десятки миллионов людей, абсолютно правильный человек.

Они не верят ни в справедливость, ни в гуманность, ни в демократию. Потому что принцип «победитель всегда прав» – это принцип не демократии. Это принцип несвободы, это принцип несправедливости.

Ну что же, тогда мы продолжим борьбу с этими правящими элитами. Нас достаточно в этом мире, тех, кто не считает, что победитель – это, безусловно, всегда правый человек.

Люди, которые убивали людей, резали им горло, насиловали женщин, являются убийцами. Люди, которые стравливали людей и превращали их из офицеров югославской армии в убийц и насильников, преступники гораздо большего масштаба, чем даже те, кто насиловал и расстреливал.

Потому что это преступники в белых перчатках, в хороших костюмах. Но души их гораздо грязнее и морды их гораздо омерзительнее, чем лицо генерала Ратко Младича, который, возможно, является военным преступником.

И вот его собираются отправить в Гаагский трибунал, который почему-то не судит американских офицеров, которые бросают бомбы на мирных афганцев.

Вот они бросают бомбы, вот они убивают 150 человек во время афганской свадьбы – по ошибке! Таких случаев полно, и никто за это не понес ответственности, никто не посажен.

Но почему? Потому что США не подпадают под юрисдикцию Гаагского трибунала - он почему-то создан только для Европы.

Представим себе, что какой-нибудь Ратко Младич, не обладающий статусом четырехзвездного генерала, отдал приказ об убийстве 150 человек. Вопль на весь мир!

За этим Ратко Младичем охотятся Интерпол и все остальные. А вот американские генералы или израильские генералы, которые бросали фосфорные бомбы на Газу, - герои.

Что бы американцы ни вытворяли, что бы ни вытворяли их любимейшие союзники - израильтяне на Ближнем Востоке, это все будет легитимно - концлагеря, пытки, допросы.

Этим пыткам они обучают в России наши силовые структуры. Я по Кавказу знаю. Те, кто применяет жуткие пытки - сдирать ногти, сажать на бутылку, - эти люди ссылаются постоянно на израильский и американский опыт борьбы с терроризмом.

Мы видели по Абу-Грейб, где американские бабищи травили собаками голых иракцев, привязанных к полу. Это были военнослужащие американской армии. Мы знаем, что творится в Афганистане, у нас есть данные о том, как пытают на американской базе в Баграме.

Считаю, что на скамье Гаагского суда должны сидеть не только Ратко Младич, но и Билл Клинтон с Мадлен Олбрайт.

Если Гаагский трибунал не знает адрес, где проживает Билл Клинтон, - он проживает неподалеку от Вашингтона, можно приехать и арестовать его. Хотя, конечно, кишка тонка.

Почему нам надо договариваться?

Совет Безопасности обсудил возможность сокращения СНВ.

Любое сокращение отнюдь не всегда ведет к миру. Иные сокращения приводят к войне гораздо быстрее, чем гонка вооружений.

Когда сокращаются системы тотального поражения, против которых бесполезно даже рыпаться, то возникает соблазн применять обычные вооружения, которые развиты у США и у России достаточно хорошо и в достаточной степени.

Ядерное оружие, так или иначе, сдерживало мировую войну. И несмотря на то что в локальных конфликтах, во Вьетнаме или в Корее, американцы рассматривали возможность применения ядерного оружия, они его не применили, понимая, что это может привести к необратимым последствиям.

Поэтому сегодня ядерное оружие является оружием, которое можно использовать на поле боя. На поле боя его использовать не будут, потому что просто поля боя не будет уже после пуска первых ракет.

Но вне поля боя все эти ракеты являются фактором политического доминирования, политического присутствия и политического, если угодно, статуса державы.

Поэтому сокращать ядерные вооружения можно только в обмен на конкретные политические предложения другой стороны, а не руководствуясь гуманистическим бредом о том, что все это ядерное оружие несет угрозу миру.

Никакой угрозы миру в его современном состоянии оно не несет. Угроза миру исходит в гораздо большей

степени от применения разного рода пушек, самолетов и ракет, начиненных обычной взрывчаткой.

По крайней мере, большинство людей убито именно обычным вооружением.

Большое количество комментаторов считает, что угрозу миру несут уже не Россия и США с их ядерными запасами, а новые ядерные игроки.

Ничуть не меньшее количество комментаторов считает, что по-прежнему угрозу миру несет блок НАТО. А есть еще комментаторы, которые считают, что угрозу миру несет, допустим, Россия.

Конечно, нераспространение ядерного оружия – это важная тема. Тогда давайте отберем это оружие у тех государств, которые его распространяют.

Вот у Израиля ядерное оружие есть, у Пакистана, у Индии. Но почему-то в последнее время все к Ирану с этой темой прицепились.

Все соседи Ирана имеют ядерное оружие, только Иран почему-то не может его иметь. Пакистан имеет, Индия имеет, Израиль имеет, Россия имеет.

Считаю, что все державы, которые или подошли к порогу ядерных вооружений, или уже этот порог перешли, должны созвать международную конференцию, на которой клуб ядерных держав должен быть оформлен и политически, и институционально.

Потому что в этом клубе есть державы, которые говорят: мы тут главные, мы тут паханы, а все остальные должны сидеть и смотреть на нас, ожидая, что мы им скажем делать.

Нам говорят – да, они объективно паханы! Что значит «объективно»? История XX века, особенно его второй половины, показала, что сверхдержавы не могут справиться даже с народами, вооруженными обычным стрелковым оружием.

США не могли справиться с вьетнамским народом, Советский Союз не смог справиться с афганским

народом.

В современном мире статусы зависят не только от зубодробительной мощи, которая к этим статусам прилагается. В современном мире ситуация несколько изменялась, хотя мы все еще мыслим категориями колониальной эпохи.

Государства, у которых есть ядерное оружие, у которых есть современные истребители-бомбардировщики, а главное, сила духа, совершенно не понимают, почему им должны указывать какие-то дяденьки из Вашингтона, или из Москвы, или из Лондона.

Считаю, что Тегеран, Исламабад и Дели вполне могут и должны договариваться между собой сами.

Но определенной проблемой здесь является позиция Израиля, который заявляет себя исключительно как сателлита американской мощи на Ближнем Востоке.

Если Израиль осознает себя по-настоящему суверенным государством, которое может существовать и проводить свою политику вне контекста того, какие будут приняты решения в Белом доме, без участия Барака Обамы, как это на наших глазах постоянно происходит, то, может быть, ситуация понемножечку будет меняться.

Но пока есть государства, которые обладают ядерным оружием, при этом иные пытаются спрятаться за спину более могучих государств, мне кажется, это наследие XX века сегодня является уже проблемой.

Новые ядерные игроки должны подтвердить свой официальный статус. Они должны сознаться, раскрыться, раскрыть активы, выложить карты на стол, и после этого с ними можно будет разговаривать.

Тогда и обозначатся державы, которые перешли ядерный порог или которые стоят перед этим ядерным порогом, – Бразилия стоит перед ядерным порогом, Япония стоит перед ядерным порогом.

И после, никого не унижая, не наезжая, не заявляя, что такое-то государство является осью зла, а такое-то государство является светочем мира, свободы и демократии, надо откровенно сказать: если у вас есть ядерное оружие или вы можете этим ядерным оружием обладать, то мы признаем ваш статус технологической державы, и давайте договариваться.

А не собираться в советах безопасности для того, чтобы кому-то угрожать санкциями, наезжать на кого-то – мне кажется, это не метод, он не будет работать.

Он приведет к таким трагическим последствиям, к каким привела блокада Ирака во времена Саддама Хусейна – гибели большого числа мирного населения, к оккупации этой территории войсками Запада или какой-нибудь иной коалиции, или к чему-нибудь в этом роде.

Кто такие «пикейные жилеты ПАСЕ»?

ПАСЕ – что это такое? Надо ли нам это ПАСЕ? ПАСЕ – это просто совещательная площадка, на которой представлены парламенты государств, сотрудничающих с Советом Европы.

Туда приезжают парламентарии, получают бюджетное вспомоществование от своих государств, ездят в Страсбург, пьют Gewurztraminer и Eiswein и спорят друг с другом – исключать им Россию или не исключать.

ПАСЕ не обладает никакими полномочиями и никаким ресурсом на кого-то повлиять, кроме ресурса словоблудия и бумагозаявления.

Говорят, что страны, вступившие в ПАСЕ, берут на себя обязательства по соблюдению прав человека. Ну да, европейские либералы соблюдают права человека!

Мы видели, как они соблюдают права человека, когда воют с молодежью на улицах Франции. Как они соблюдают права человека в Германии, когда людей за высказывания о Второй мировой войне бросают в тюрьму на пять, на десять лет.

Считаю, что ПАСЕ – это организация изначально лживая. Потому европейский либерализм никаких прав человека не гарантирует и не соблюдает в том объеме, как это подразумевается.

В Америке, при всей критике Америки, права человека защищены в большей степени, чем в этой Европе.

ПАСЕ – организация, которая изначально была задумана для привлечения масс парламентариев из восточных государств, которые своими бесконечными

склоками и претензиями влияли бы на политику великих государств Европы. Если, конечно, смогут.

Если ПАСЕ убрать, это никак не повлияет на все остальное. ПАСЕ не приняла ни одной резолюции, которую хоть кто-то мог бы использовать в реальной политике.

Вот ПАСЕ требует, чтобы наказали Россию за то, что она куда-то не пускает каких-то наблюдателей. Да ПАСЕ может все что угодно требовать.

Вот если этого потребует Европарламент, примет резолюцию, это будет серьезный разговор. А ПАСЕ – это просто дискуссионный клуб.

Ездят депутаты из разных парламентов, собираются, разговаривают – зачем? На что это влияет? Какие законодательные резолюции в ПАСЕ были претворены в жизнь?

Ну, давайте и мы превратимся в клуб, где будут такие говоруны в пикейных жилетах, которым очень важно выступать. И эти выступления будут транслироваться, будут создавать информационный и пиар-шум, и пиар-повод.

На абсолютно ничего не значащие выступления будут ссылаться политики как на что-то значимое.

И мы все будем играть в такую странную игру, которая называется «игра с комментариями и со ссылкой на заявления ПАСЕ», ПАСЕ, которая вообще ни на что не влияет.

ПАСЕ создает просто трескотню, которая зачастую и мешает. ПАСЕ обладает только возможностью повышать или понижать децибелы.

Надо трезво относиться к этой организации. Я лично от ПАСЕ не вижу ни пользы в защите прав человека, ни минусов в нарушении прав человека – просто болтовня.

Почему нам так важна республика Науру?

Республика Науру признала независимость Абхазии и Северной Осетии. Тут интересен был даже не сам факт признания со стороны Науру, сколько разные комментарии по этому поводу.

Кто только не издевался над Науру, кто только не высмеивал Науру, как только не называли Науру – и островным государством, и самым маленьким государством!

Кстати, неужели Науру меньше Ватикана по своим размерам? Неужели те, кто называет его самым маленьким государством, не в курсе, что есть государства и поменьше?

Не так давно было какое-то голосование в ООН по какой-то резолюции, где против общего мнения чуть ли не Генассамблеи проголосовали четыре государства – США, Израиль, республика Науру и, кажется, Великобритания.

Так что будем считать, что Россия перетянула из лагеря американских могучих союзников одну из составляющих частей этой четверки. Теперь Науру перешла на нашу сторону – конечно, это удача, победа.

Говорят, Россия за 50 миллионов долларов купила признание Абхазии и Северной Осетии.

А если США перестанет давать деньги Израилю, например, будет ли Израиль лоялен США? Если США перестанет давать деньги Грузии, будет ли Грузия лояльна США?

50 миллионов не очень большая сумма для достижения такого серьезного дипломатического результата. В государственных масштабах это деньги не очень большие.

Финансовый обмен между государствами в ответ на лояльность вполне обычен. Грузия и Израиль полностью зависят от «донорской» помощи, от фактической покупки их лояльности.

Есть и другие государства в мире, которые содержатся более сильными внешними финансовыми партнерами. Вот и Россия помогла государству в обмен на его политическую позицию.

Сегодня Россия всегда и во всем виновата. Что бы она ни делала, ее действия подвергаются сомнению, подвергаются осмеянию.

А если не Науру признает независимость Абхазии и Северной Осетии, а какое-то другое государство, тут же скажут – ну, это российский сателлит, что с ним считаться! Или кто-то еще признает, скажут – кто это такие? Это вообще никто.

Говорят, Россия унизилась, выпрашивая признание независимости кавказских республик. А почему это называется «унижаться»? Почему дипломатическую процедуру называют унижением?

Российская дипломатия добилась серьезных успехов в ситуации угрозы полной политической блокады после этого вынужденного решения – оккупации территории Южной Осетии и политического признания независимости Южной Осетии и Абхазии.

Россия была под угрозой тотальной блокады. Об этом говорили многие, этого желали многие. Поэтому вообще непонятно, почему явный прорыв блокады может интерпретироваться как какие-то подкупы.

Государство обладает правом иметь друзей, союзников. Сильные государства имеют право считать, что какие-либо другие государства находятся в сфере их жизненных интересов.

Россия в этой ситуации должна, просто вынуждена создавать свой альтернативный, условно говоря, контур миропорядка.

Мы должны добиваться, чтобы Абхазия и Южная Осетия стали членами ООН. Потому что это в наших интересах, в интересах нашей страны, чтобы в ООН прибавилось государств, которые являются союзниками России.

Кто посягает на душу Грузии?

Одним из главных общественных институтов власти сегодняшней Грузии является так называемый Институт «свободы», в котором учились практически все сегодняшние саакашвилиевские «птенцы» – члены его политического бомонда.

Это соросовская структура. И этот Институт «свободы» выпустил книгу в Грузии. Книгу, которая в самом мягком переводе на русский называется «Тайная сходка». Тайная сходка – Тайная вечеря, улавливаете аналогию?

В этой книге автор допустил такую мысль: уж лучше бы Богородица сделала аборт, проблем было бы меньше.

И это в Грузии, которую большинство грузин и весь мир православный считают вторым уделом Божией Матери, для которой православие является сутью самосознания.

Хочется опубликовать в России выдержки из нее, чтобы просто понимали, что навязывают православному грузинскому народу.

Необходимо, чтобы не только православные – католики, протестанты, мусульмане России, да и многие другие понимали, о чем идет речь и какие ценности навязывают православной Грузии, обители святой Нины, стране, наполненной бесконечным количеством православных святынь.

Возмущенные люди пришли к университету имени Ильи Чавчавадзе, в стенах которого была презентация этой книги. Пришли православные студенты и устроили демонстрацию протеста.

Их стали обвинять в том, что они противостоят, как выражаются саакашвилиевские пропагандисты,

дискуссии о свободе слова, о свободе религии и о свободе выбора.

Эти пропагандисты говорят, что Грузии необходимо преодолеть дискурс православный, что Грузии пора стать либеральной европейской страной и пора принять закон о сексуальных меньшинствах, что без этого Грузия не сможет двигаться вперед.

И после этого Саакашвили заявляет, что он является политическим лидером Кавказа. Пусть он Нальчику, Грозному и Махачкале объяснит, как он хочет проводить гей-парад в Тбилиси, как хочет принять закон о секс-меньшинствах.

И это уже не конфликт между Москвой и Саакашвили. Это попытка изменения цивилизационной, культурной и религиозной сути Грузии.

Что мешает Эстонии и России стать друзьями?

Безусловно, ответ на этот вопрос лежит в плоскости политики.

Считаю, что ни история, ни язык, ни культурные различия не мешают народам иметь хорошие взаимовыгодные отношения. А вот интересы правящих элит этих народов мешают.

Дело в том, что все 90-е годы, несмотря на очень тяжелые отношения с Россией, на нарушение гражданских прав значительной части людей, проживающих на территории Эстонской Республики, никаких конфликтов между криминальной экономической верхушкой России и криминально-политической верхушкой Эстонии не было.

Таллин был местом, через которое в Европу, как через черную дыру, уходили нелегально нефть, нефтепродукты, металлы, цветные металлы и так далее.

И чем хуже были отношения между так называемыми государствами, которые на самом деле являются не чем иным, как вотчинами бюрократий, чем хуже были отношения в информационной плоскости, тем теснее были разного рода гешефты и сговоры между криминально-политическими элитами.

Мы в России знаем эти имена, в том числе депутатов от «Единой России», которые являются здесь владельцами крупной недвижимости.

Напомню, что в связи со скандалом вокруг Бронзового солдата были озвучены многие имена, в том числе российских чиновников, имевших крупный бизнес в Эстонии.

И мы очень хорошо знаем имена тех, кто вкладывался в ухудшение отношений между народами и на этом фоне делал свои крупные финансовые коррупционные сделки.

За время так называемых плохих отношений между Россией и Эстонией нажиты не миллионы, а миллиарды долларов.

Означает ли это, что Эстония и Россия никогда не будут друзьями? Нет, они будут друзьями, когда изменится политическая система и в России, и в Эстонии.

Всегда относился с большой симпатией к эстонскому народу, очень люблю Литву, люблю бывать в Латвии. Моя душа тянулась сюда. Для меня был очень болезненным разрыв, когда нас стали стравливать друг с другом.

Всегда следил за событиями в Прибалтике, в основном из-за того, что мне казалось вопиющим лицемерие европейской бюрократии, которая твердит о демократии и свободе, хотя мы видим, что значительная часть населения лишена политических прав.

Считаю, что это отношение России к своим соотечественникам, местным русскоязычным людям просто омерзительное. Оно для меня является постыдным.

Когда у нас в Общественной палате проходили слушания, я поддержал Константина Федоровича Затулина в его требовании ввести в законе о соотечественниках удостоверение соотечественника.

Но в дискуссии участвовал и представитель МИДа РФ. И он сознательно провалил это дело по каким-то своим бюрократическим интересам.

Считаю, что это просто саботаж и предательство интересов Российской Федерации. Потому что карточка соотечественника, которая могла бы свободно

получаться каждым человеком в заявительном порядке, могла бы стать могучим инструментом распространения влияния России, если бы Россия существовала как страна, в которой народ имеет хоть какое-то значение.

Но Россией правит бюрократия, которая наладила полное взаимопонимание с эстонской или с латышской бюрократией, потому что у них общие финансовые интересы. Эта бюрократия не заинтересована в том, чтобы между людьми были хорошие отношения.

И это вопрос не только русских Прибалтики. Хотя я и не большой поклонник советской эпохи, но мы все должны осознать то, что сделали с советским народом в 1991 году, – это была совокупность лжи, предательства, измены, жестокости. Вплоть до применения жестоких кровопролитных технологий.

Распад Советского Союза сопровождался огромной и страшной кровью. И кто это все делал? Понимаю, если бы это был американский десант или оккупационные войска из Китая.

Нет, это были комсомольские, партийные, кагэбэшные работники, которые в одну секунду стали светочами демократии.

На фоне нарушения гражданских прав большого количества людей конкурс в Юрмале и вот эти вот юрмальские фестивали смотрятся особенно постыдно, мерзко и отвратительно.

Меня тошнит при одной мысли, когда я вижу эту разряженную в золото и брюлики сволочь, которая там гуляет.

Мы должны говорить с эстонцами. Говорить не об отношениях русский – эстонец, не о 20-й дивизии СС – это бессмысленно.

Надо говорить о политэкономии, о социологии, о политических задачах, о капитале, о правах человека. Надо создавать политические партии нового типа, в которых бы русские и эстонцы боролись за свои права.

Как перефразировал Маркс, «нация – это ложная сущность». Nation можно создать, можно придумать.

Для этого нужна история, нужен язык и нужен политический класс – некий круг людей, которые берут на себя право говорить от имени остальных. Часто они берут это право силой, берут политической технологией и так далее.

Чем отличаются интересы русских от интересов эстонцев? Ничем. Нас просто заставили думать, что это разные интересы.

Почему коррупция и произвол главный фактор поддержки терроризма и экстремизма?

На Кавказе сегодня параллельно существуют два общества - так называемых сильных людей, маскирующихся под понятие «государство», и всех остальных, решающих свои социальные, экономические, конфессиональные вопросы кто как может, умеет и понимает.

Такая ситуация - по всей России. Но на Кавказе, с его естественными демократическими традициями народного самоуправления (в неменьшей степени присущими в прошлом и русскому народу, но утраченными им в ходе XX века), обрисованная ситуация приводит к наиболее болезненным и трагическим последствиям.

Сильные люди - это имеющие отношение к триаде бюрократии, силовых структур, так называемых финансовых институтов. Они органично дополняются криминалом, имеющим конструктивные, деловые и плодотворные отношения со всеми тремя головами неоимперского орла.

Сильные люди существуют в пространстве бюджетных инвестиций, силовых операций, номенклатурных комбинаций.

Их власть на местах почему-то считается властью государства. Хотя практика и реалии их деятельности по преимуществу и, как правило, вроде бы подпадает и под УК, и под другие запретительные и карательные законы государства.

Хотя де-факто это давно уже власть кланов, семей, группировок и т. д.

И система отношений подавляющего большинства этих людей строится на связях, которые нельзя уже называть просто коррупцией – это просто такая система управления, которая принципиально исключает любые формы демократического развития общества как угрожающие внутренним процессам финансового и человеческого обмена в этой среде.

Не все из этих «сильных людей» хотят находиться в такой позиции по отношению к обществу, к людям – это зачастую противоречит их моральным и этическим позициям. Но они вынуждены поддерживать правила игры, иначе их творческая энергия и этическая позиция неизбежно приведут их к конфликту со средой власти, то есть с триадой (бюрократия, силовики, финансисты), вкуче с криминалом, в рамках которой они вынуждены жить и работать.

А это, и таких примеров немало, может привести и к трагическому исходу – убийство, избиение, посадка в тюрьму по инспирируемым в рамках сговора, порой клеветническим обвинениям оппонента и конкурента в некоторых регионах стали трагической и не расследуемой никакими органами внутренних дел практикой экономической и политической жизни.

Все остальные – это люди, налаживающие свою жизнь зачастую не благодаря, но вопреки так называемым органам госвласти (триады с криминалом).

Конечно, в разных регионах Кавказа по-разному...

Но в целом развитие общества во всех его сегментах (экономика, культура, институты самоуправления) прямо враждебно сложившейся во многих регионах системе не власти, но ВЛАСТВОВАНИЯ, господства «сильных людей».

Невозможность для существенных групп населения нормальной реализации аспектов развития (экономического, социального, культурного, конфессионального, политического) в рамках

декларируемого правового и конституционного поля приводит не просто к неверию в эффективность институтов власти, но и к их прямому отрицанию, в лучшем случае презрительному игнорированию.

Люди ищут альтернативу социальным и политическим схемам, дискредитированной коррумпированной властью триады и криминала.

Тут и возникают альтернативные схемы социальной самоорганизации – этнические или религиозные.

С этой точки зрения, считаю, нет разницы между попытками самоорганизации жизни в казачьих станицах или горских джамаатах.

Разница в том, что казачья верхушка, как правило, связана с властью на местах через наделение ее земель как якобы лидеров казачьих обществ, – земля потом сдается в субаренду, в обход интересов станичников заезжим инвесторам, что приводит часто к межэтническим конфликтам.

Фактически казачья верхушка, действующая на основании актов о реабилитации казачества, превращается в своего рода землевладельцев-капиталистов, торгующих землей за спиной и от имени казачества. То есть в составляющую часть «сильных людей» Кавказа.

Горские джамааты в большей мере оппонировать коррумпированным элементам во власти, поскольку их лидеры, в отличие от «атаманов», нелегитимны в глазах власти («сильных людей»).

Такая ситуация предоставляет большие возможности радикалам и террористам всех мастей и национальностей.

Способы мобилизации – самые разные от религиозного джихадизма (в исламском сегменте) до радикального национализма (в русском сегменте).

И рассматривать успех проповеди апологетов терроризма только в идеологическом, дискурсивном

срезе (не те книги читают, не тех проповедников слушают) – не только неверно, но и опасно.

Возьмем трагический пример горного Дагестана.

Унцукульский район – села Гимры и Балахани, выходцы из которых печально известны по хронике террористической деятельности.

Чудовищны злодеяния некоторых членов террористического подполья.

Казалось бы, радикальная идеология проникла в эти села – что еще объяснять?

Но разобраться стоит. Энергетический каскад привел к затоплению садов, выращивавшихся столетиями. Эти сады были главным источником дохода, и немало, жителей окрестных сел.

Компенсация была получена разовая, с затяжками, с унижениями и ни в коей мере не компенсировала потери людьми привычного дохода и связанного с ним социального статуса.

Плюс Гимринский тоннель, который стал символом коррупционного строительства и распила, как, впрочем, и весь Автодор Дагестана.

По словам гимринцев и балаханцев, добиться справедливости ни у местных, ни у федеральных властей они не могли.

И это все было на фоне стремительного и открытого для лицезрения всех слоев дагестанского общества обогащения узкого слоя дагестанских элит, причастных к триаде и криминалу.

Годовые КТО, обстрелы лесов, поджог лесов вокруг Балахани, о котором сейчас сообщают из Дагестана, не только не решают ситуацию, а усугубляют ее.

Социальная апатия, резкое падение уровня жизни и неверие в законное решение социально-экономических проблем, безусловно, способствуют усилению влияния террористов.

Хотя уверен, что сочетание модернизации (строительства каскада ГЭС и затопления плодородных земель) и нормальных плановых мер по созданию новых форм деятельности для населения, частичного переселения (возможного) людей резко снизило бы социальное и политическое напряжение.

При нынешней системе управления, при наличии двух обществ это практически невозможно.

Одна надежда на федеральный центр.

Но напомню ситуацию с Кара-махи, известным «ваххабитским» центром в конце 90-х. Их лидеры не желали иметь дело с местной дагестанской властью, отказывая ей в порядочности, но буквально умоляли о том, чтобы федеральный центр обратил на них внимание.

Итогом был приезд Степашина и безусловное снятие им ситуации напряжения. К сожалению, вторжение бандитов в Дагестан с территории Чечни привело к иному развитию событий - кровавой и неспровоцированной исламскими джамаатами зачистке сел Кадарской зоны, последствия чего мы пожинаем до сих пор...

И так повсеместно: где ни начнешь исследовать корни терроризма, там везде, помимо эха Чеченской войны, присутствия радикальных форм религиозной или национальной проповеди, - несправедливый отъем земель, разорение бюрократией богатых колхозных или совхозных (в прошлом) хозяйств, выкачивание денег из населения с помощью финансовых пирамид и террористическое господство криминальных структур, сливающихся в глазах народа с силовиками.

Как преодолеть этот трагический раскол?

Здесь инициатива должна, безусловно, исходить от федеральной власти.

Еще раз скажу то, что говорил всегда, - главным союзником полномочного представителя президента

РФ, да и самого президента, на Кавказе является не слой правителей разного уровня, шантажирующий власть, а народ, пытающийся создавать собственные параллельные структуры управления, старающийся жить не «по закону» (который никем не соблюдается, но служит предлогом для рейдерских или репрессивных действий), а «по совести» – по согласию на основе групповой, религиозной или этнической этики, проверенной веками.

Этот народ пока еще имеет значительный ресурс доверия к федеральной власти.

Журналисты Кавказа сообщают нам об этом постоянно. Но их убивают и будут продолжать убивать. Профессия журналиста на Кавказе – одна из самых опасных.

Считаю, что именно федеральная власть должна взять под свою защиту даже критикующих ее, оппозиционных, неприятных ей журналистов. Они – союзники тех, кто хочет утверждения норм демократии, справедливости, свободы, вроде бы прописанных в Конституции, но не слышимых и не видимых на Кавказе.

Таким образом, хочу поддержать полпреда президента: главным фактором победы над сложившейся системой является союз федеральной власти и институтов гражданского общества – как традиционных, так и привнесенных извне, во всех территориях Кавказа.

Еще раз призываю к созыву под эгидой полпреда Кавказского гражданского форума, в котором приняли бы участие в том числе и оппозиционные местным криминализованным органам власти, но желающие жить в конституционном, правовом и гражданском поле РФ, а потому союзные президенту и его представителю политические, общественные, национальные и религиозные движения и организации Кавказа.

Почему цыгане - наши навсегда?

В конце 80-х - начале 90-х я много странствовал, бродяжничал, можно сказать. Ездил автостопом по России и по Западной Европе, когда появилась возможность выезжать. По Франции, в частности.

И где бы я ни бродяжничал, где бы ни ходил по дорогам с рюкзаком и с книжкой, цыгане везде давали мне приют - воду, ночлег, еду.

Во Франции, в Провансе, я, помню, шел к Пиренеям, цыгане пригласили меня. Они видят - идет парень, явно такого вида странного, нонконформистского, и говорят: иди к нам, иди поешь.

Я всегда буду на стороне цыган. Я вырос на пьесе Льва Николаевича Толстого «Живой труп».

Респектабельный адвокат, отец семейства, услышал, как цыганка поет, и в сердце у него такая тоска защемила, что бросил он и семью, и жену и пошел куда-то искать правду жизни.

Я вырос на повести Лескова «Очарованный странник», где он говорит: не ты ли небо и землю выдумала?

Потом услышал дуэт Юла Бриннера и Алеши Дмитриевича. Кто не знает, Юл Бриннер был на самом деле русский, тот человек, который сыграл в «Великолепной семерке» всемирно известную роль.

Алеша Дмитриевич - это великий русский цыган. И у них потрясающий дуэт, они поют песни на все лады.

Я всегда буду на стороне цыган в их конфликте с жирным, сытым, буржуазным обществом. Всегда. Пушкин с его «Цыганами» - его для нас никто не отменял.

Считайте эту позицию романтической. Конечно, с цыганами есть определенные проблемы. Но с цыганами

надо разговаривать не как с каким-то нарисованным на плакате чудищем.

У цыган есть свои законы, и эти законы более древние, чем некоторые государства, демократии и королевства.

Когда в Европе бегали в шкурах, бегали и думали, как бы мамонта забить, в это время цыгане в Индии уже знали, что делать.

Цыган нельзя переделать, с цыганами можно только договориться. Поэтому если есть какие-то проблемы с наркоторговлей, то надо пойти к баро и четко с ним договориться, что на этой территории наркотиками не торгуют.

В отличие от людей общества потребления, которые сами не знают, кто они, просто матрица эмоций или на самом деле люди, цыгане – это точно люди, которые существуют в конкретное время, в конкретном пространстве, с конкретными законами.

И эти законы они всегда будут ставить выше, чем законы любого государства.

Так вот, с цыганами просто надо по правилам обсудить: наркотики не продавать, сдерживать воровство, сдерживать беспричинную миграцию. Я уверен, что все вопросы можно решить.

К цыганам надо идти с открытым сердцем, желать им здоровья, добра, и у вас все будет хорошо. Главное – никого не бояться. В этом мире вообще никого бояться не надо, а цыган тем более.

Кому нужна эта премия «мира»?

Нобелевская премия мира таким людям вручалась в свое время, которые, честно говоря, обесценили эту Нобелевскую премию.

Ну, вот Горбачев нобелевский лауреат мира – это, знаете, такая особая песня, которая снижает доверие к этой теме.

Не знаю, какой там мир принес Горбачев моей стране, может быть, американцев он освободил от страха ядерного удара со стороны Советского Союза.

А Югославия и Советский Союз оценивают деятельность Горбачева как деятельность по уничтожению своих стран, приведшую к гибели сотен тысяч, если не миллионов людей.

Ну что же, тогда и фельдмаршал Паулюс должен был от Сталина получить премию мира за капитуляцию под Сталинградом.

Среди лауреатов Нобелевской премии мира очень много странных людей. Ну, вот Обама, например, человек, ведущий две войны, – тоже лауреат.

Нобелевскую премию мира, по-моему, получили в свое время Садат и Бегин. Но особого мира на Ближнем Востоке что-то не получилось.

Эта премия политизирована. Она дается непонятно как. Кто эти люди, которые принимают решение о вручении этой премии? Чем они заслужили право ее вручать?

Говорят, что это главная премия года. Но Нобель эту премию не учреждал. Она возникла после его смерти. Нобель учредил премию в совершенно понятных номинациях.

Если бы Нобелевская премия мира выдвигалась на консенсусе, условно говоря, представителей всех стран,

то вот это и была бы премия мира. Сегодня это премия узкой группы политиков.

Почему Западная Европа - общество несвободы?

Во Франции женщинам запретили носить религиозную одежду. Этот опыт, я думаю, очень внимательно будет изучен и услышан в России, и будут сделаны выводы из того, куда идет Европа.

Кому какая разница, как одевается женщина? Если она наденет вуаль и платье, которое полностью скроет ее красивые руки, разве дело посторонних указывать ей, в чем она должна ходить?

В чем заключается свобода? Получается, в том, чтобы бабы ходили, извините, голыми, с голыми животами, с проткнутыми пупками и с какими-то хаерами синими на голове.

Это нормально, чтобы женщины раздевались, везде и всюду свое тело выставляли на продажу? Стояли в витринах, как в Голландии? Это, значит, нормально.

В витринах Амстердама стоят женщины, которые продают свои тела. Вот это можно. А если женщина отказывается продаваться, если она хочет закрыть свое тело и лицо, то это ей запрещено.

Мусульманки хотят одеваться так. Почему именно им надо навязывать условия какой-то специальной одежды?

Проституткам разрешено стоять везде. Проституция разрешена и поощряется. Наркотики, пропаганда наркотиков – это считается нормальным дискурсом либерального мира.

Уход от этого, отказ от этого считается экстремизмом. Это касается не только мусульман. Была дискуссия и о том, чтобы запретить носить крест девочкам-католичкам в школу.

Вот говорят – европейские дети не привыкли видеть женщин в хиджабах, им страшно. А, значит, панков, грязных, вонючих панков дети не пугаются? Это считается нормальным?

Проституток в витринах дети не пугаются? Трансвеститов, которые в Булонском лесу толпами бродят, дети не пугаются?

Гомосексуалистов, которые ходят по Амстердаму в экстравагантных одеждах, дети не пугаются? Это считается нормальным для детей.

А вот традиционно религиозная одежда мусульманки, православной или католички считается опасной для детей.

Если женщина закрывается чадрой – это уже нельзя? Значит, она должна приспособиться, отказаться от своей души, от своих ценностей.

У нас два разных мира формируется по этому принципу. Я не хочу, чтобы в моей стране когда-либо верующие люди чувствовали себя несвободно.

И никто – ни прокурор, ни мент, ни журналист – не может указывать верующим женщинам, в чем им ходить. Это их дело. Муж говорит своей жене, в чем она должна ходить.

И потом – мы забываем, что вообще-то в Европе католическая церковь есть, традиционная католическая церковь.

Что, в Европе нет монашества? В Европе нет женщин, которые закрывали бы свои тела, прятали бы свои лица? Это что, не традиционный европейский вид одежды?

Недавно во Франции велась дискуссия о запрете детям носить крест, христианский крест в школах. Скажут – разве это традиционная одежда католички? А что, католики должны без креста ходить?

Религия нагло атакуется современным либеральным Западом, обществом, просто нагло. Про папу Бенедикта

XVI, например, говорят такие чудовищные гадости, которым просто диву даешься.

Тогда перестаньте говорить, что Европа – свободное общество. Тогда скажите, что это общество, свободное для трансвеститов, для тех, кто хочет раздеваться, для тех, кто хочет выставлять напоказ своих жен.

Скажите, что это общество не является свободным для верующих людей, что Европа – это место, где верующие люди не могут чувствовать себя свободно.

Здесь и проходит водораздел. Вот поэтому мы всегда будем бороться против либерального Запада.

За что интеллигенты любят Брейвика?

Думаю, что феномен Брейвика и сочувствие, с которым говорят в обществе о Брейвике, связаны с несколькими аспектами.

Брейвик реализует ту парадигму, которая трепещет ниточкой в душе каждого интеллигента: тварь ли я дрожащая или право имею?

Но автор этой мысли, герой Федора Михайловича Достоевского Родион Раскольников, хотел себя проверить, убив старушку процентщицу.

В итоге убил еще и беременную ее сестру Елизавету, на чем сломался в целом. Потому что стереть «насекомое» с лица земли у него не получилось, пришлось захватить еще и человека.

Брейвик тоже решил проверить себя таким образом, но масштаб у него уже другой. А масштаб другой, потому что и современный мир несколько иной.

В XIX веке жизнь одной старушки и ее беременной сестры была поразительным фактом, сшибающим с ног: их убили, убили человека! Убийство, в городе убийство! Это что-то невероятное!

После XX века, с его массовыми убийствами, с его газовыми атаками, пулеметами, расстрелами, траншеями, концлагерями, количество убитых уже по большому счету не имеет значения. Оно является неким фактором в информационном пространстве.

В Норвегии было убито 90 с лишним человек, правильно? Мы это обсуждаем до сих пор. В Ираке во время взрыва очередного смертника погибло 200 с лишним человек. Это был сюжет для полдневого обсуждения.

В Афганистане американцы расстреляли свадьбу «по ошибке». Потом принесли извинения – бумажка пришла, факс: извиняемся, убили свадьбу.

Там было 123 человека. Цена жизни европейца и цена жизни афганца или иракца – совершенно разная.

Брейвик совершил чудовищное деяние. Но он не совершил деяние, которое принципиально отличается от того, что делают американцы в Афганистане. От того, что делали мы в Чеченской Республике в годы войны.

В мире, где насилие институционализировано, действия Брейвика я не считал бы действиями отдельного сумасшедшего, который исходит из своих странных психопатических побуждений. Его действия мотивированы политически.

Современное тотальное насилие для нас по большей части – виртуально. Мы же не видим кровь, слезы. Максимум – кино в телевизоре, чтобы вышибить слезу.

И Брейвик действовал именно по этому сценарию. Это его политическая позиция. Он показывает, что ничем не отличается от какого-нибудь генерала Уэсли Кларка.

Или от Шарона, который приказывает бомбить Газу или Ливан или дает фалангистам приказ решить проблему палестинцев в Сабре и Шатиле.

Чем Брейвик от них отличается принципиально? Ничем, абсолютно ничем, на мой взгляд. Это такой же человек, который просто не имеет некоего легитимного мандата.

Мы не называем его премьер-министром, президентом, министром иностранных дел, командующим группировкой.

Его действия мало чем отличаются от их действий. Просто их убийства, их насилие как бы легитимно.

Вот если есть у тебя погоны и ты убил 250 женщин ракетами, то это нормально – mistake, легкая ошибка.

Если это сделал Брейвик, который выставил концептуальное обоснование своих действий, не менее масштабное, чем выставляют журналисты для обоснования массового убийства, которое совершает человек в погонах, то он – маньяк и сумасшедший.

Ничего подобного. Брейвик – часть этого мира, в котором массовое убийство, истребление, геноцид, расстрел являются фактором гораздо менее значимым для всех, чем это было бы в Средневековье.

Мы до сих пор помним о пытках ведьм в Средневековье – пытали огнем, мечом. Мы ужасаемся – как же так, их заставляли подписывать протоколы, им лили смолу на голову!

Сейчас пытка, подписание протокола под пыткой – это такая обыденная вещь, что об этом даже и говорить как-то неприлично. Ну и что, что пытали! А как же иначе обращаться с бандитами и террористами?

Брейвик является частью этого мира. Поэтому все, что он демонстрировал, все, что он транслировал, все, что он записывал в своем дневнике, – это не записки сумасшедшего.

Это записки политика, который претендует на свою роль, на свое место. Который говорит: государство в данном случае – это я.

Я действую от имени такой же легитимности, от имени которой действуют маршалы, фельдмаршалы, генералы, премьер-министры, дипломаты, военные и тому подобные люди. И я тоже имею право на такое же насилие.

И он обосновывает, он говорит: мы должны действовать так, как действует Израиль на Ближнем Востоке. Мы должны действовать так, как действовал Гитлер.

Мы должны бороться с этими сторонниками палестинцев. Мы должны бороться с этими противниками Израиля, с этими антисионистами. Мы

должны и их истреблять, и марксистов, и неомарксистов.

А что, этого не говорят в парламентах Европы? Этого не говорят правые радикальные партии, которые поддерживают Израиль, в голландском парламенте, в норвежском парламенте, например?

Те партии, которые подписали осенью прошлого года «Иерусалимскую декларацию». Крайне правые европейские радикалы сказали, что Израиль может применять любые средства для самозащиты против палестинцев, против арабов. Так и было сказано – «без малейших ограничений».

Это подписали крайние неонацисты. Это не было дезавуировано Израилем. Более того, это случилось в Иерусалиме в присутствии официальных израильских лиц. Все, кто хочет посмотреть, найдите, пожалуйста, эту декларацию в Интернете.

Единственный, кто потом отозвал свою подпись, был Хайнц-Кристиан Штрахе, лидер Австрийской партии свободы.

Штрахе плохо владеет английским языком. И когда он, уже вернувшись в Австрию, прочитал по-немецки вариант того, что он подписал, то пришел в ужас и дезавуировал свою подпись.

Брейвик – не сумасшедший. Он матрица и зеркало современного западного человечества. То, что он сделал, не является эксклюзивным, не является шокирующим, не является действием маньяка-одиночки.

Это абсолютное изображение того, что демонстрирует Запад по всему миру. Это право на массовое убийство, это право на информационное обоснование массового убийства. Это право на сегрегацию.

Это, скажем так, борьба против национально-освободительного движения, которое угрожает

интересам Запада, а стало быть, крупному капиталу элит Запада.

Напомню, что Брейвик расстрелял лагерь норвежской Рабочей партии, одной из самых главных пропалестинских сил в мире.

Норвегия является инициатором признания палестинского государства. Уверен, что в своем акте Брейвик руководствовался и этим политическим мотивом тоже. Он просто сам писал об этом.

Я отказываюсь считать, что он сумасшедший. Брейвик – политик западной цивилизации.

Это политик, который более смело, чем многие современные действующие политики так называемого демократического Запада, постулировал те ценности, те принципы, на которых стоит современная западная цивилизация: насилие, деньги и чувство избранности по отношению ко всему остальному человечеству.

Орхану

если на саланге цепи и снег
то в москве ничего, ничегошеньки нет
дома машины люди огни
не мои они не мои
а где мое там нет меня боле
любовь моя сгустком кровавой боли
проходит горлом выходит в крик
я чувствую смерть
и мне кажется – я старик
с душой молодой и телом уставшим от
житейских невзгод и ментальных всяких забот
я жить не хочу
но хочу увидеть пожар
новых неба с землей сочетание наяву
и чтоб бабы смогли на века солдат нарожать
и солдаты потом смогли бы курнуть траву

передать косяк и прижаться к другу плечом
и дремать в машине под мерный рокот колес
я хочу в этой жизни себе служить палачом
чтоб ответить на самый важный в жизни вопрос
как могу я забыть
как могу я забыть
как могу я забыть
москва. январь. уходим под лед.
ощущение времени настает
смс от любимой жены – это яд, это яд
никогда ничто нельзя отыграть назад
все посева созрели
на поле выходит жнец
собирать урожай лукавых слабых сердец
чары чарса
обманы мужских обид
женских страхов криков отчаяний череда
ведь у нас, мой друг, преимущество
в нас таит
свои тайны вечные мертвое «навсегда»
потому что мужчины лишь
носители тишины
воспоминаний о странных, диких в ночи
пустыках
потому что мужчины лишь
друг другу обречены
излагать отчаянье
в черных как ночь стихах

Что такое наше право быть человеком?

Тема гомосексуализма в современном мире – тема очень не простая, глубокая и, я считаю, политическая.

Это не тема личной свободы, личного сексуального выбора, как ее пытаются представить и интерпретировать. Вся пропаганда гомосексуализма – это попытка глубинного изменения человеческой природы и человеческой этики.

Изменения в том смысле, что людей хотят превратить в существ абсолютно управляемых, неуверенных в себе.

Неуверенных настолько, что они даже точно не знают, кто они по своей сексуальности – мужчины или женщины. Лишить человека той фундаментальной, базовой идентичности, которая ему дана.

Вообще, есть несколько уровней идентичности. Первый – это фундаментальная идентичность, гендерная, сексуальная идентичность – мужчина или женщина.

С детства, так или иначе, через игровые функции, через развитие гормональной природы, через социопсихологическую инициацию самих себя мы понимаем, кто мы – мальчики, девочки, юноши, девушки, женщины, мужчины.

Второй уровень идентичности, тоже базовый, – этничность. Мы рождаемся уже сразу русскими, евреями, латышами, китайцами, индусами, кем-то еще.

Третий уровень идентичности – политическая. Мы становимся красными, белыми, левыми или центристами. Или нам абсолютно по фигу, что происходит в мире, и это тоже политическая позиция.

Четвертый, самый высокий уровень идентичности, – религиозный. Когда ты соотносишь себя с неким абсолютом, неким идеалистическим форматом.

Когда пытаешься понять то, что является важнейшим для человека, то, что связано с его жизнью и его смертью.

Три верхних уровня идентичности: религиозный, политической, этнической – либеральный мир смёл.

Путем кровавых революций, войн, тотальной пропаганды, включения человека в общество потребления. Остался последний – гендерная идентичность.

Помню, у меня был разговор с одной дамой из немецкого бундестага из фракции зеленых. Она, естественно, лесбиянка, о чем сразу гордо и заявила. Она сказала:

- Да, мы будем пропагандировать преподавание гомосексуализма в немецких школах, потому что это преподавание снижает уровень тестостерона в мальчиках и таким образом снижает уровень насилия. Мы перепишем историю, изменим культуру человечества. Мы изгоним из нее то, что считается шовинизмом, нетерпимостью.

Нетерпимостью к этим гипертрофированным сексуальным проявлениям? То есть извращение, то, что на протяжении веков считалось отклонением от нормы, объявляется правильным, объявляется нормой, объявляется чуть ли не знаком свободы и главным способом самовыражения. И на это направлена огромная пропаганда.

Моя позиция такая: не лезть в спальню к другим людям, чтобы посмотреть, кто они такие и чем они там занимаются. Это их личное дело.

Но когда они сами это вытаскивают на публичное обозрение, когда это вытаскивают в виде парадов,

которые так лживо, так уклончиво называются «гей-парадами»!

Демонстрации гомосексуалистов и другие их акции становятся политикой. Гомосексуальная пропаганда – это вопрос политики в современном мире.

И поэтому борьба с публичной пропагандой гомосексуализма – это не какая-то гомофобия и нетерпимость к другим людям.

Это борьба против того удушающего политического наступления, которое идет на нас как на людей, обладающих полом, этничностью, политическими взглядами, религиозностью. Как на полноценных личностей, в классическом смысле этого слова.

Нас хотят сделать рабами неизвестно кого. Того, наверное, кто стоит за этими странноватыми существами, пляшущими в этаким перверсивном, искаженном виде, как будто на картинах Босха. Сошедшими сегодня с этих картин на площади Берлина, Рима, других городов.

Идет война, открытая война. «Не бойся, посмотри в себя, посмотри, что у тебя на душе на самом деле, какие у тебя интересы, не бойся своих странностей!» – говорят юному человеку, испытывающему естественные проблемы взросления. И не стесняются об этом говорить.

Они выступают против этики мира, который мы знаем с детства. Если это будет продолжаться, если мы потерпим поражение, то наши внуки будут жить уже в совсем ином мире.

В мире, в котором им в школах будут преподавать преподаватели-гомосексуалисты, открытые гомосексуалисты. Где гомосексуальные пары будут открыто усыновлять детей.

Борьба с пропагандой гомосексуализма является борьбой за свободу, за человеческое содержание, за человеческое сознание, за будущее.

И это не просто борьба за какое-то такое гомофобское, шовинистическое, традиционное большинство, как говорят.

Нет, это борьба за свободу, за право быть человеком – человеком истории, человеком культуры, человеком, над которым не ставят экспериментов.

В обществе открыто идет пропаганда гомосексуализма. Они хотят, чтобы мы перестали быть мужчинами, перестали быть солдатами. Перестали быть готовыми к тому, чтобы дать отпор. Перестали любить женщин, перестали проявлять мужественность в отношениях с женщинами.

Но мы не позволим нас изменить. Мы будем сопротивляться. Это сопротивление будет носить политический характер. Борьба с этим должна быть политической борьбой.

небо – это только песня
о бездумном человеке
что мечтает, хоть ты тресни,
летом о февральском снеге

он летит себе метельно
над лесами и полями
и поет себе смертельно
точно ледяное пламя

и цветы ему внимают
криком радостным и смелым
умирая – принимают
мир простым, холодным, белым

спросишь ты
а где же песня
про любовь, что ярче света
я прервусь на этом месте

и убью тебя за это!

СМЫСЛЫ

Почему поэт всегда прав?

В Молдавии после четырех месяцев заключения переведен под домашний арест писатель и блогер, гражданин России Эдуард Багиров.

Думаю, что молдавский фашизм должен получить должный коллективный отпор от всех вменяемых и внятных людей.

Багиров – прекрасный писатель. Когда трогают писателей и поэтов, во мне вскипает возмущение.

Мне все равно, какие у них политические взгляды. Поэт выше толпы – этому нас Пушкин научил. Толпа, а тем более чиновники, которые являются худшим выражением толпы, являются окаменевшими ликами, рожами толпы, не смеют трогать поэтов.

Характерно, что в истории эта номенклатурная и жандармская сволота всегда тянулась удушить и прикончить поэтов или писателей.

Утверждают, что Молдавия строит европейское государство. Но я считаю, что это – в чистом виде либеральный фашизм.

Каждый человек в либеральном европейском мире, который не хочет участвовать в обществе потребления, который бросает вызов системе всеобщего супермаркета, где товарами становятся не только продукты или вещи, но и люди, их эмоции, их идеи, вызывает такую инстинктивную чудовищную неприязнь этой системы, что она обязательно стремится его упаковать.

В советское время, когда система прессовала поэтов или религиозных деятелей, люди доброй воли сажали себя в клетку перед советским посольством.

А мы, как только надо вступить за политзаключенного, за Багирова в данном случае,

предпочитаем смотреть телевизор, сидеть в Интернете и пить кофе.

Думаю, было бы правильно устроить постоянный пикет перед молдавским посольством.

В каждом сообществе есть те, кто готов идти против течения. Борьба за свободу и справедливость – очень важный момент. А борьба за поэтов – это борьба за свободу и справедливость.

Поэтому каждый вменяемый человек должен встать на сторону поэта в его конфликте с властью, даже если вдруг поэт является антигосударственным, а власть кажется такой правильной-правильной.

Поэт всегда прав, а власть в любом случае будет гореть в аду в своем конфликте с поэтом.

Что такое воздаяние?

Смертная казнь сохраняется в России, но мы остановили ее действие. Она не отменена, она просто заморожена в приведении к исполнению.

Есть ряд преступлений, таких как изнасилование, растление несовершеннолетних, тщательно продуманное убийство, торговля наркотиками, особенно в особо крупных масштабах, за которые должна применяться смертная казнь.

Надо понимать, что как профилактика преступлений смертная казнь не работает. Это просто нравственная позиция общества.

Наказание вообще не способ борьбы. Наказание – это воздаяние. Это то, что воздействует скорее на сознание людей, которые видят, что убийце, насильнику, растлителю, наркоторговцу воздано адекватно, согласно его деяниям, согласно его преступлениям.

Воздаяние вообще не работает. Воздаяние имеет отношение к тем, чья вина уже признана. Должно быть наказание тем, чья вина признана.

Но я все-таки человек русской культуры, и мне приходят в голову и Солженицын, и Достоевский.

Федор Михайлович писал о том, что человек, который совершил преступление, не совсем тот человек, который подходит к искуплению, к пониманию того, что он сделал.

Считаю, что разговор о смертной казни возможен не в правозащитном дискурсе, а именно в глубоко философском, экзистенциальном понимании этого вопроса.

Достоевский говорил – да, это разные люди, да, надо давать человеку возможность раскаяния, но в

«Дневнике писателя» он говорил и о том, что таким образом, может быть, нарушается справедливость.

Значит, общество должно проявить такого рода милосердие по отношению к убийце, который хладнокровно убил старушку и беременную женщину зарубил топором, чтобы себя проверить, в принципе?

Если сейчас про такую историю мы бы узнали, не дай бог, то сказали бы – этот человек заслуживает смерти.

Но Достоевский раскрывает перед нами внутреннюю проблематику Раскольникова – как он приходит к пониманию чудовищности поступка, который продумал и совершил. Ведь это продуманное преступление было.

И вот он приходит к Евангелию через разные трагические моменты. Мы видим все последующие трагические движения его души – искупление, раскаяние, Соня Мармеладова, Евангелие, сидение на берегу реки уже на каторге и размышления по этому поводу.

И возникает вопрос: а какое нам до этого дело, если перед нами два окровавленных трупа – старушки и беременной женщины? Это вопрос, на который Федор Михайлович не мог дать ответ сам.

Наши либеральные правозащитники, да и не либеральные, иногда очень суетятся, давая ответы на подобные вопросы, которые не так просты, как мне кажется.

Дело в том, что воздаяние за подобное преступление является мерой обязательной. А вот милосердие по отношению к убийце, преступнику, является мерой не обязательной, но возможной.

То есть приговорить к смертной казни такого убийцу надо обязательно, но входя в аспекты его переживания.

Может быть, иногда удастся каким-то образом помиловать, но я не знаю, как это сделать. Хотя его

раскаяние ни в коем случае не является самоценной вещью, на мой взгляд.

Мы говорим, что суды зачастую не изобличают преступника, или изобличают не того преступника, для отчетности, или пренебрегают теми фактами, которые им предоставляет адвокат и что суды занимают позиции несправедливые.

Но все это не отменяет необходимости воздаяния по тем преступлениям, которые совершены публично, а преступники найдены и изобличены.

Да, есть, наверное, трудные случаи, когда человека по косвенным уликам приговаривают к смертной казни. Наверное, это очень спорный вопрос.

Но вот человека с топором в руках, с ножом или пистолетом нашли над трупом. Или насильник, который издевался над жертвой, был взят прямо сразу же и изобличен. Или наркоторговец взят с тонной героина, которую он вез.

В этих случаях, если органы не доведут этих людей до суда, значит, они получили взятки и их отпустили. Такие случаи мы знаем, слышали.

Если преступление доказано, то общество должно иметь право на воздаяние. Это воздаяние, по крайней мере, гарантирует обществу некий императив существования.

Не понимаю, почему с преступниками, которые совершили особо гнусные и зловещие преступления, должны возиться, как с провинившимися детьми в детском саду, перевоспитывать их и так далее.

Конечно, надо призывать, как нам заповедовал Пушкин, «милость к падшим», безусловно. Но также надо твердо стоять на пути воздаяния.

Это моя позиция. Может быть, она не безупречна с точки зрения многих, я допускаю, что это так.

На этом стоит мир, и испокон веков так было – убийца, который убивает людей, или должен принести

объяснения, почему он убил, или должен понести наказание.

И тюрьмой убийца может отделаться только в том случае, если будут смягчающие обстоятельства этого дела.

Люди, которые берут в руки оружие, должны понимать, что это не игра. Если они готовы убить другого, значит, они должны быть готовы к тому, что и их убьют.

Что для нас субъект истории?

Я выступаю за развитие местного самоуправления. Демократия должна идти от местного самоуправления.

Да, каждый может жить там, где хочет, но при этом мнение местных жителей, которые вправе любому отказать в покупке земли или в строительстве определенного здания, должно быть определяющим.

Государство должно защищать права людей как в федеральном пространстве, так и права в пространстве маленького населенного пункта, поселка, села или городского района.

Развитие местного самоуправления, его систем может решить или способствовать решению многих национальных конфликтов.

Если государство будет заставлять маленький городок принять к себе людей, которые там хотят жить, но жители не хотят, чтобы они там жили, то я встану на сторону этого маленького городка в этой ситуации.

Вы полагаете, что президент и чиновники – это реальные хозяева страны? Вы заблуждаетесь. Хозяева страны те, кто контролирует и формирует денежный оборот.

Хозяева – крупные олигархи, бизнесмены, хозяева медиахолдингов, хозяева номенклатуры и чиновничества, связанные с финансовыми структурами.

Мы живем в диком капитализме, в олигархическом капитализме. И эти люди являются хозяевами страны. Я не знаю, кто это придумал. Вся эта система, которая у нас сложилась после 1991 года, она вся пародийна, комична, напоминает шутовской балаган.

Все время что-то придумывают какие-то чиновники, какие-то олигархи, какие-то бизнесмены – новые Рублевки, икорные водопады на Олимпиаде.

Философия правящей элиты основывается на твердой уверенности, что они избранные, что их выбрал Бог, что их роды и их семьи являются основой для восстановления России.

Я никогда с ними об этом не говорил. Но, анализируя их поведение, вижу, что они считают себя восстановленной новой аристократией.

Они полагают, что историю делает аристократия, то есть люди, которым повезло, которым Бог дал деньги, власть, которые услужили начальству и заняли определенную позицию.

В том-то и пародийность всей этой ситуации, что эти новые бояре, новая аристократия уверена, что мы холопы. Но мы не холопы, мы разночинцы. А разночинцы – это очень интересный социальный слой, из которого, возможно, приходят перемены.

Сейчас 90 процентов капитала, который направлен на развитие, принадлежит 2 процентам населения. Остальное население они считают ботвой, травой и электоратом.

И философия – всё для государства, всё для новых правящих элит, и элиты являются субъектом истории – мне не нравится.

Я придерживаюсь другой точки зрения. Субъектом истории является народ, который сам по себе не существует. Народ создается и формируется в ходе политической борьбы, в ходе политической истории.

Политическая история и политическая борьба сами по себе не возникают. Они формируются за счет того, что появляются люди, которые видят необходимость развития народа и возникновения политической борьбы.

В чем рождение нового?

Когда речь идет о постсоветском, прежде всего мне хочется избегать местоимения «мы». Исчезновение советского – это также исчезновение «мы».

Когда говорили в Советском Союзе «мы», люди понимали, о чем речь.

И, как ни странно, в этом «мы» могли объединиться и фрондирующий московский интеллигент, и хлопкороб из далекого Узбекистана. Мы были единое «мы».

Никакого «мы» больше не существует. Сегодняшнее «мы» – это виртуальное, навязанное политтехнологами псевдоощущение псевдообщности в «как бы» реальности.

Что меня лично объединяет с теми, с кем я вынужден жить на этом постсоветском пространстве, мне просто непонятно.

У нас принципиально разные ценности, принципиально разное видение будущего, принципиально разное видение прошлого – по многим вопросам.

Я вообще сторонник пристального рассматривания конфликтных точек и конфликтных сюжетов. Мы уснули блаженным сном на закате советского времени, а нас тем временем завернули в какую-то страшную шкуру, с которой мы срослись.

Но она не наша, она не живая для нас. Мы должны выдираться из нее. Но выдираемся не «мы», а уже каждый поодиночке.

Вот это нынешнее «мы» не означает коллективное. «Мы» – это просто некая совокупность людей.

Сейчас формируются совершенно новые связи. И скинхеды, и ваххабиты, и разные социальные сети – это

формирование принципиально иной реальности. Никакого «мы» между ними не существует.

Как нет «мы» между теми, кто был на Манежке, и между кавказскими ребятами, которые приезжают в Москву или живут на Кавказе.

Как не существует «мы» между москвичами и жителями российской глубинки. Это разные миры. Какое там «мы»!

Попытки объединить это «мы» в языке обречены на провал. Это «мы», может быть, возникнет и срастется в некоем новом политическом проекте, который может вырваться, возможно, в крови, возможно, в каких-то пожарах в будущем.

Если этого проекта не будет, если не родится новая историческая воля к формированию этого «мы» будущего, то просто все исчезнет, атомизируется, распадется, и исполнится заветная мечта либералов об образовании на территории великого Советского Союза маленьких швейцарий.

Но это будут Швейцарии не демократические, а тиранические. В некоторых будут править какие-нибудь Немцовы или Касьяновы, которые будут приезжать в Брюссель, в Женеву или в Америку и говорить слова о том, как строить демократию.

Чувствую, как пульсирует рождение нового. Как формы советского или постсоветского, все попытки применить старые сценарии и старые способы формирования идентичности – номенклатурные, государственные, чиновничьи, политтехнологические, – не работают, перестают работать.

И даже маленькие группы молодежи численностью двадцать человек, неожиданно противопоставляя себя большим группам численностью в Селигер или два Селигера, оказываются более весомыми, более эффективными, более реальными, более страшными. Так же как группы народовольцев.

Казалось бы, что такое был кружок Петрашевского или кружок Желябова? Ну, какие-то странные юноши и девушки, со странными взглядами, странно одевающиеся.

Их высмеял Тургенев в «Отцах и детях» – в лице Ситникова и Кукшиной. Их попытался высмеять, хотя и более остро и трагически, Достоевский в главе «У наших» в «Бесах».

Они были странными. Но именно эти маленькие группки людей сформировали иную реальность, которой ничто не смогло противопоставить огромная Российская империя с ее земствами, великими князьями, вишневыми садами, с ее философами, монастырями, старцами.

Не могла противопоставить их радикализму, их принципиальному постулированию превосходства царства духа над царством так называемой реальности, а по сути – материи, их радикальному гностицизму, который очевиден сегодня и в скинах, и в религиозных радикалах.

Это абсолютно те же самые русские мальчики и русские девочки, которые в XIX веке писали в своих тетрадках о необходимости казнить царскую семью – в кружке Петрашевского. Интуиция Николая I была правильной – Петрашевского и Достоевского надо было казнить.

Потому что они были опасней, чем польские повстанцы. Эти польские повстанцы, которые гонялись за великим князем Константином в 1831 году, и вся эта масса националистов была абсолютно не опасна империи.

Это были элиты, которые хотели жить по правилам этого мира и в правилах этого мира просто хотели свою долю пирога. С ними можно договориться.

Невозможно договориться с Софьей Перовской, нельзя договориться с Желябовым, нельзя договориться

с Александром Ульяновым.

Невозможно, нельзя договориться и с современными их последователями, просто нет общей почвы для договоренности.

Они дают точно такую же реакцию на это царство пошлости, царство банала, царство простых желаний «хапнуть и урвать».

Мне представляется, что эти процессы становятся все более реальными. Кризис власти заключается в том, что власть не способна отойти от старых способов управления, которые существуют на территории Российской империи уже триста лет.

Так или иначе, несмотря на спорадические попытки установления народовластия, которые проявились в русской революции, власть возвращается к понятной ей, привычной номенклатурно-аристократической форме управления.

Только нет никакой аристократии. Все эти современные игры в дворянство, в аристократию, в проекты Майкла Кентского – это все игры гоблинов. Вот если бы гоблины играли в эльфов, это выглядело примерно так же.

У русского дворянства хотя бы были искания духовные, духовные трагедии. Ну, например, вишневый сад рубят. Сейчас, когда рубят вишневый сад, мысль современной Раневской одна – хорошо ли она продала Лопухину этот вишневый сад.

Вот это, мне кажется, и есть кризис того, что называется «советское». Советское конца 80-х – это такая уродливая карикатура на имперское конца 90-х XIX века.

Современное – это карикатура на советское. Что за этим последует? Я не знаю. Или распад, или рождение принципиально нового.

Мне хотелось бы только, чтобы цена, которую мы за это заплатим, а мы неизбежно заплатим, и особенно

молодое поколение, которое не уместается, не утрамбовывается в форматы общества потребления, мне хотелось бы, чтобы эта цена была не слишком дорогой.

Но боюсь, что заплатить эту цену так или иначе придется.

Почему молодежи не существует?

Я верю в молодость. Верю в юность. Верю в людей определенного возраста, которые не имеют еще опыта жизни и которые этот опыт жадно в себя впитывают, словно губка.

Верю в дерзновение. Верю в социальную неукорененность человека, который ищет новые для себя позиции в жизни.

Это люди, которые дерзают. Люди, которые ищут - в любви, в работе, в войне, в творчестве, во всем. Губя свои жизни иногда. Это люди, которые не нуждаются в патерналистской опеке.

Они не нуждаются в конгрессах, съездах. В том, чтобы с ними носились дяденьки и тетеньки седеющие, лысеющие и стареющие.

Эти люди говорят себе: мы сами строим свою жизнь. Да, опыта немного в пятнадцать лет. Но опыт - это такая вещь, которая мгновенно приобретается, мгновенно!

Не то чтобы я был дзен-буддистом и проповедовал учение о мгновенном просветлении. Но точно знаю, что что-то в одно мгновение происходит.

И ты видишь, а главное - понимаешь, что с тобой что-то происходит. И ты будто стариком становишься. Я видел таких людей.

Но молодежь, о которой сегодня говорят, - это вообще бизнес-проект. Вот в 30-40-х годах XX века, при становлении тоталитарных систем, молодежь была основной кровью этих движений.

Кто крайне левые? Молодежь. Кто крайне правые, фашисты? Молодежь.

Как быть - это ведь опасно. Но вот мир поднимается - Азия, Африка, Латинская Америка. Освобождаются

колонии.

Везде в мире молодые лица. Фестиваль молодежи и студентов. В это время и появляется молодежная субкультура.

Считаю, что это придуманная вещь. Придуманная вещь под бизнес, под эстетику определенную. Под употребление наркотиков.

Если ты молодой, ты должен слушать определенную музыку, носить определенную одежду. Употреблять определенные препараты. Говорить на определенном языке, читать определенные книги.

Ты не можешь быть тем, кем ты хочешь быть. Это не модно. Ты должен быть модным. Мода, молодежь – придуманные бизнес-проекты, в которые вкачаны огромные деньги. Миллионы, миллиарды долларов. Может быть, даже больше.

И что мы видим? Целый мир клонирован. Приезжаешь в Испанию, в Португалию, в Россию, в Англию – одинаковая одежда, одинаковые лица. Одинаковая манера поведения, одинаковая манера речи.

Все это считывается с журналов определенных. С определенных кино- и телепроектов. Создан мировой канал молодежного поведения – MTV.

Не все, естественно, покупаются на это. Многие сопротивляются. Они считаются маргиналами, считаются находящимися в стороне.

На самом деле молодежь, с которой так все носятся, как вот именно с молодежью, о которой заботятся разные комитеты по делам молодежи, – это мизерная часть молодых людей. Процентом пять, думаю, не больше.

Остальные 95 процентов – это те молодые люди, которые работают, зарабатывают деньги, влюбляются, женятся. Учатся, совершают ошибки. Становятся взрослыми.

Мальчики, уходя на войну, возвращаются с нее мужчинами. Девочкам не стыдно любить этих мальчиков, становясь женщинами.

А с мальчиками, которые не уходят на войну и продолжают оставаться «мальчиками», с ними и девочки продолжают оставаться «девочками» постоянно, хотя они с ними живут.

В этом очень серьезная проблема. Ведь когда люди имитируют поведение, не вкладывая в него собственную душу, собственную метафизическую сущность, они являются как бы куклами.

Большинство современной молодежи, несмотря на все их искания, потуги, – это куклы. Но – наделенные потенциалом мгновенно стать людьми, как только они перестанут быть «молодежью».

Я знавал молодежь и в тридцать лет, понимаете. Тоже мне – молодежь!

Считаю, что только через политику, через религию, через внутренний метафизический статус человек становится взрослым.

Соотнося себя с бездной небытия, в которую глядит, в конце концов, каждый человек. Вот соотнося себя с этой бездной, ты становишься взрослым в одну секунду, в мгновение ока.

Другое дело, что ребенок еще не способен глядеть в эту бездну. Бездна нависает над ним в его детских снах.

Ночью просыпается пятилетний, шестилетний мальчик и думает – я умру, мама умрет, мы когда-нибудь все умрем. Неужели меня не будет, думает он.

Это приходят сны – из бездны. Сны о смысле, о смысле жизни. Подростка это мучает, но у подростка есть много других проблем, например созревание.

Он чувствует, что в нем пробуждается мужчина или женщина. Но все равно смерть присутствует в подростке. Смерть как проба, как конечная точка.

И вот, в какой-то момент человек становится более взрослым, более ответственным. Он уже все познал. Он познал другой пол, другое тело.

Он разобрался со своей сексуальностью более-менее. Со своей природой, интеллектуальной природой. Он определяется всю оставшуюся жизнь со своей смертью.

Чем быстрее мы будем помогать молодым людям определиться со своей смертью, тем быстрее они будут становиться взрослыми.

Чем больше их будут оберегать от этого, тем инфантильнее, а стало быть, и управляемее будет общество.

Через политическую, религиозную, метафизическую позицию мы получим общество сильных и взрослых людей. Которые будут сильными и взрослыми в шестнадцать, семнадцать, восемнадцать лет.

А если нет, то и в тридцать, и в тридцать пять, и в сорок лет они будут нуждаться в бесконечных инновационных конвентах и конгрессах по делам молодежи.

Необходимо понять: если они заинтересованы в больших массах управляемых марионеток, тогда не надо никого инициировать.

Пусть человечество погружается в сон - в сон молодежи, в сон общества потребления. В конец истории.

Для того чтобы управлять человечеством - это прекрасно. Но это либеральный проект. Проект традиционалистского возрождения должен опираться на человеческое в человеке.

Надо инициировать в людях их внутреннее содержание. Потому что в каждом из нас уже скрыт потенциал. Родившийся ребенок уже носит в себе взрослого мужчину и взрослую женщину.

Это сознание, которое будет, в зависимости от опыта, приобретать те или иные черты, на самом деле во многом определено тем, что мы можем описать прямым опытом.

И тем, что мы пока еще не можем описать, – опытом, приходящим откуда-то из неизвестных бездн, которые есть в каждом из нас.

Считаю, что этого не надо бояться. Хватит. Мы жили, как слепые, боясь открыть рот последние десятилетия.

Пришло время говорить о реальном человеке и о восстановлении статуса человеческого в современном мире.

Проблема молодежи, проблема взросления связана с проблемой человека как такового, с развитием внутреннего потенциала.

Верю, что это все возможно, хотя сопротивление всему этому огромное. Потому что человек, в котором человеческое становится реальным, выходит из общества потребления.

Он рождается свыше. Это то, о чем говорил Иисус. А если человек рождается свыше, то зачем ему это все?

Он становится свободным, стало быть – крайне опасным.

Как только люди перестают быть молодежью, они становятся свободными. Они становятся левыми или правыми, либералами или консерваторами, атеистами или монахами.

В любом случае они опасны для тех, кто навевает человечеству сон. Но только не золотой сон, а такой бумажный, с водяными знаками.

Я в самолете посреди ледяного поля
За окном только черное белое и желтые глаза
смерти
Я не знаю почему ощущение дикой боли

Самое живое из всех ощущений на этом свете

Ты моя прекрасная жена это слово сводит с ума
Превращает душу в метель и уносит в русскую
мглу

Ты ведь знаешь это потому что сама сама
Создала меня пальцем вода по ледяному стеклу

Я задуман Богом как тезис об оправдании зла
Ты была создана из моей межреберной пустоты
Куда входит нож жреца из вулканического
стекла

Вместе с сердцем моим из меня вырываешься
ты

Беги любовь моя беги и меня возьми
Из этой воющей тьмы русского забытья
Убежав от себя мы ведь точно будем людьми
В целом мире одни – только ты и я

Что значит победить жертвой?

Общество спектакля, которым является современное западное общество, и Россия в том числе, которая тоже как бы западное общество, навязывает свои правила не только социальным или политическим группам, но и каждому человеку в отдельности.

Если партии или национальные группы в обществе спектакля (журналисты, медиа, религиозные деятели) заслуживают этой приставки «как бы» – как бы религиозные, как бы журналисты, как бы партии, как бы политики, как бы нация, то, получается, и каждый человек в отдельности заслуживает этого эпитета – как бы человек.

У каждого человека возникает как бы язык. Псевдолюди все меньше и меньше доверяют собственному языку, словам – любовь, дружба, отчаяние, горе, радость, родина.

Все – как бы! Как бы любовь, как бы отчаяние, как бы родина, как бы радость, как бы горе.

Эту паразитическую приставку «как бы» очень часто использует молодое поколение, остро ощущающее фальшь и нереальность, нереалистичность собственного бытия.

Люди кажутся сами себе несуществующими. Виртуализация жизни, пребывание молодежи в Интернете, где редко кто называет себя своим именем или выставляет свою реальную фотографию.

Легко придумать себе псевдоним и под этим именем выступать, выступать активно, называя это свободой выражения, свободой высказывания.

Но это – как бы свобода, которая идет от как бы выступающего в как бы пространстве по поводу как бы реального как бы диалога.

Общество спектакля подробно описано и Бодрийяром, и другими философами и поэтому не стоит сейчас теоретически разбирать, до чего докатился концептуализированный мир – до такой степени, что концептом, то есть некоей вещью в себе, стало все.

Это не происки врагов, это объективные обстоятельства, которые являются следствием исторического поражения политического нигилизма и политической философии бытия, которое случилось в середине XX века.

И коммунизм, и правые идеологии были идеологиями модерна. Идеологиями диалектики, так или иначе.

Они опирались на сущности – массовые и личные, даже если они разрушали какие-то сущности как нечто реальное, как нечто имеющее плоть и кровь.

Отсюда, кстати, и террор, и расстрелы – для человека того времени вполне реальная вещь, например уничтожение правящих классов.

Это все носило не виртуально-метафизический характер.

Мы точно не знаем, хвост ли виляет собакой, или собака хвостом, есть ли война в Афганистане, или ее нам показывают по телевизору. А прошлое носило реальный характер.

И не то чтобы люди были более жестоки – люди были более решительны. Потому что отношения между каждым человеком и жизнью, непосредственным пространством жизни были более прямые. Человек просто ощущал себя частью этой жизни.

Но вот случилось следующее. В 1941 году коммунизм схлестнулся с крайне правым национал-социализмом. И победил его в 1945-м – при поддержке западных демократий. В итоге победил огромный рынок.

Либерализм одержал невероятную победу. Понятно было, что уже после 1945 года, в самый высший миг

торжества Советского Союза, просматривалась его гибель.

Тоталитарные идеологии переставали действовать. Потому что те ресурсы, которые освободились после разгрома континентальной Европы и Германии, позволили развернуть невероятное общество потребления.

Расширить его за пределы Америки и бросить в европейские пространства, пространства формирования старых смыслов мира.

Об этом немало писали философы, и французская школа, и британские философы, которые размышляли о соотношении человека и массы.

Об этом размышляли и итальянские философы Джованни Джентиле, Бенедетто Кроче, Юлиус Эвола.

Как согласовать человека с большими смыслами больших величин? Как согласовать человека с метафизикой внутреннего выбора? Сегодня эти философы ушли в тень.

Но вот бунт западногерманских радикалов – Ульрики Майнхоф, Андреаса Баадера, Гудрун Энслин. Бунт, срывающийся, тотальный бунт против общества потребления, которое Майнхоф в своих трудах называет «свинским».

Она пытается постоянно пробиться к реальности, она и Энслин. В их дневниках видно, что вслед за Гарри Геллером, героем «Степного волка» Гессе, они ищут реальности, мечутся в коридорах.

Но их героизм, их сопротивление, их акции, похищение, например, глав германских банков, не дают того эффекта, которого они хотят.

Им кажется, что люди являются сонными куклами, до которых они не могут достучаться.

Они говорят: как же, мы готовы гибнуть, мы готовы истекать кровью, а вы просто тупые свиньи! – говорят

они людям, говорят они членам немецкого общества. На них смотрят с удивлением, их просто не понимают.

Но это – высокий порыв. Что сравнивать!

Современное время в европейском пространстве, в России, конечно, примитивно по сравнению с 60–70-ми годами, когда философский пафос реального нигилизма еще сохранялся.

Когда еще Сартр был жив, когда еще внутренний экзистенциализм был актуален, соотношение внутреннего переживания по отношению к внешнему абсурду.

Сейчас, конечно, этого нет. И темы упростились и уплощились, и содержание предельных вопросов, которые ставятся нами перед собой. Какой же выход из этого процесса деградации?

Выход всегда один. Из постмодерна, а мы обсуждаем именно ситуацию постмодерна, выход есть только через личную жертву. Другого нет.

Любой концепт, любое самое сложное высказывание будет казаться просто пафосным, будет казаться как бы высказыванием. Ну и пожалуйста, это дело вашей группы.

Но позиционирование и постулирование своей жизни, как того дара, который ты готов принести в жертву на пути борьбы, готов сделать свою жизнь жертвой, является тем тезисом, с которым общество спектакля не знает, как бороться, и не знает, что ему противопоставить.

Но когда

...Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез, –

это декларируется, об этом говорится.

Но когда актер говорит: да, я готов, чтобы моя гибель стала настоящей, я готов на сцене умереть и готов убить на этой сцене, общество спектакля говорит: как так? Извините, это уже другое, это чрезмерно!..

Даже скандал вокруг фильма «Школа» показывает, насколько общество спектакля не готово к реализму. Оно считает реализм правильным, но недопустимым.

Так вот, необходимо возвращение к реализму, к реализму критическому, возвращение к готовности самопожертвования, возвращение к этике рыцарских отношений, к готовности «оседлать тигра» внутри каждого из нас, словами Эволы, к готовности посмотреть в глаза страшной реальности смерти и конечности.

Только эта готовность явится залогом выхода из общества спектакля, из общества «как бы», из общества пафоса, из общества лжи – как внешней, так и внутренней.

Кто такой повелитель времени?

Экономика всегда была и будет в реальности подчинена политической идее. Сначала мы продумываем образ мира, продумываем образ будущего.

Продумываем, пусть иногда ошибочно, как нам достичь этого образа будущего. Мы думаем об утопии. И под эту утопию подстраивается экономика. Экономика – это инструмент.

Есть две непримиримые позиции. Всегда есть люди, которые считают, что бабки – движитель прогресса. Нет, считаю, что интеллект, дух – движитель прогресса. Эти две позиции несовместимы.

Есть позиция юноши, который спрашивает: что мне сделать, чтобы спастись? Есть позиция Христа, который отвечает юноше: «Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах».

И юноша, смущенный, отошел. И сказал Христос: «Скорее верблюд пройдет через игольное ушко, чем богатый войдет в Царствие Небесное».

Это не значит, что богатым быть плохо, это значит просто, что богатый является вторичным и периферийным.

Потому что верблюд может совершить чудо и пройти сквозь игольное ушко, если верблюд изменит себя духовно, поверит.

Это связано с другими словами Христа: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет». Мы не можем не верить Христу.

Поэтому, если у некоего абстрактного верблюда есть вера хоть на горчичное зерно, что он пройдет

через игольное ушко, то он пройдет через игольное ушко.

Он изменит игольное ушко, изменит себя, изменит мир, изменит отношение к слову «пройдет». А богатый не может изменить свое отношение к деньгам и к экономике.

Он не может попасть в Царствие Небесное. Он может попасть туда, только перестав относиться к своему богатству как к самоценной вещи. Когда он станет по-настоящему аскетом.

Христос говорил: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них».

Чего же хотите вы, обращается Он к апостолам, чего боитесь вы, в чем нуждаетесь? Он не отрицает богатство, Он не отрицает, что человек может быть на вершине власти.

Никто не говорит человеку: «Откажись от богатства, откажись от власти».

Но не придавай этому такое значение! Это именно тезис о том, что дух определяет бытие, твое отношение к миру, твое отношение к политической власти. Твое отношение к образу будущего, твое отношение ко времени.

Время материально. Как материал, из которого лепится будущее. Время является важнейшей составляющей, оно подобно цементу, сгущающему это будущее.

А что такое будущее? Будущее – это идея, которая проложена временем, которое ты затрачиваешь на то, чтобы эта идея приобрела контуры, стала материальной.

За прошедшее столетие мы были свидетелями, когда самые безумные идеи какого-нибудь монаха, кидающего чернильницу в дьявола и пишущего 95 тезисов, просто прибывающего их гвоздем на дверь храма, меняли мир полностью.

Написал человек, которому пришло в голову, что индульгенция – это плохо, 95 тезисов и говорит: «Вот оправдание верой».

Ну, казалось бы, слова, но он же не пытался собрать денег для того, чтобы решить этот вопрос. Слова, но они изменили мир.

Мир изменили идеи, проговоренные и продуманные. Это первично.

Поэтому, когда меня уверяют, что на самом деле первичны деньги, капитал, мне кажется – это разводка.

Люди, которые так говорят, или что-то не понимают и, таким образом, являются манипулируемыми людьми. Или если понимают, то обманывают, пытаются обмануть меня и обмануть других.

Аскет, мыслитель Кант, сидящий в Кенигсберге и продумывающий тезисы доказательства истины бытия Божьего, гораздо больше значит для будущего и делает для будущего.

Он гораздо опаснее, чем десять тысяч миллиардеров, которые начнут инвестировать в то и в это.

Их деньги – ничто, золото, которое обращается в черепки, дьявольское золото. А тезисы Канта, или Гегеля, или Ницше невозможно забыть и избыть. Их пытаются не обсуждать, современное общество пытается их отдать философам.

«Философию – философам!» Почему? Потому что если философия поднимется в политику – это опасно. Она порождает вопросы, она порождает образы.

Она делает людей сильными, она делает людей хозяевами времени, хозяевами будущего, пусть даже

эти люди заблуждаются.

А что нам терять, кроме наших жизней, по большому счету? Можно, конечно, еще потерять душу, но для того, чтобы это понимать, надо, по крайней мере, верить в то, что эта душа у тебя существует.

Нас хотят лишиться философии, нам говорят: «Деньги – это главное. Деньги, деньги, деньги!»

Это не плохо – деньги. Но не это определит смысл твоей жизни. Экономика – это здорово, но она происходит от того и подчиняется тому, каким образом мы представляем себе прошлое, настоящее и будущее.

И вот тот, кто способен представить и описать свое видение прошлого, настоящего и будущего, связать это все воедино, и является претендентом на то, чтобы быть повелителем времени.

тысячелетний ствол
украшим свежей листвой!
месяц встал на прикол
над застывшей Москвой.
точно вымерший лес
точно голые дети зимы
в азиатский разрез
погружаемся медленно мы
нам бы неба глотнуть —
больно пресен небесный кусок!
собирайся и в путь
даже если полет невысок
ты раскинь свои крылья
ах что за дурацкая спесь
умирать от бессилья
сказать когда хочется спеть
потому то тебе
никогда ничего и ни в ком
на потеху судьбе
ты с судьбою своею знаком

до скончания веков
под началом различных светил
в омут смерти влеком
всей любовью что ты упустил

Почему советский опыт - попытка земного воплощения чаяний русского народа?

В экспертном сообществе продолжается дискуссия о путях решения национального вопроса в РФ. Сайт «Свободная пресса» предлагает ведущим экспертам представить свои взгляды по этой проблеме на дискуссионной площадке портала. Своим мнением согласился поделиться один из ведущих российских экспертов по проблемам этнической и религиозной политики, политолог Максим Шевченко.

«СП»: Один из самых наболевших вопросов - это место русского народа в государственном устройстве РФ. Можно ли считать русских государствообразующей нацией?

- Я считаю абсурдным задавать вопрос на этот счет. Это все равно что спрашивать, считаете ли вы, что «дважды два равняется четырем». Естественно, что Российское государство исторически создано усилиями в основном именно русского народа. Хотя наряду с ним в этом процессе принимали участие и принесли огромные жертвы и многие другие этносы и народы. Политически и исторически генезис России был производной от действий правящего слоя, который был интернационален по своей сути в любую эпоху - имперскую и советскую. Но по духу он был русским. В ходе исторического процесса сформировались понятия «русский» и «русскость». Понимаемое как русское и православное политическое ядро (даже в советское время русский социализм конечно же имел в себе много от христианства), которое объединяет вокруг себя разные народы. Не всегда включая их в русские

культуру и язык, но создавая именно на русском языке философские и политические обоснования совместной жизни и, что крайне важно, развития – от имперских до советских..

«СП»: То есть русский это в первую очередь культурная принадлежность?

– Нет. Русские – это этнос. Русские – это народ. Русские – это нация. Русские – это больше, чем может уместиться в этой прямолинейной классификации. Но «русский» можно понимать и как политико-историческую, и как культурную идентификацию. Допустим, есть Пушкин, или Лермонтов, или Достоевский. С точки зрения так называемой «крови» – они не русские. Но трудно придумать русских более, нежели они. Со времен Петра I, убившего своего сына от русской Лопухиной, в царской династии русской «крови» практически не было. В отличие от немецкой. При всем при этом наши монархи были русскими людьми. И Николай II был русский царь и русский человек. И жена его, датская принцесса Алиса, стала русской великомученицей Александрой. Вошла в русскость через Православие и принятие России. При всем этом были и будут миллионы людей, которые одновременно и этнически, и по духу, и по вере – русские. Народ. Его отношения с политическим брендом «русские», борьба за этот бренд и есть во многом суть нашей политической истории. Проблема в том, что до революции народ практически не имел доступа к политическим рычагам управления. Собственно говоря, это и стало главной причиной русских революций в 1905 и 1917 годах. Последняя была не столько интернациональной, сколько национальной. Русский народ в течение многих веков был придавлен романовской империей, кастой господ, которые создавали бренд русского, да на свой лад, в переводе на французский или немецкий. Правила жизни народа и

господ, их этика были разными. Господа читали Вольтера, Фихте или Шатобриана, а народ «Житие Аввакума» и слушал странников, бегунов и раскольников. Этика русских господ казалась народу нерусской, стоявшей над русскими правилами и нормами жизни. И даже над русской верой. Потому что синодальное устройство православной веры не соответствовало представлениям русского народа о том, каким образом должна быть устроена Церковь. Все это привело к национальному восстанию.

«СП»: Каким еще образом следует понимать русскую идентичность?

- Русское понимание окружающей действительности господ не видели и не понимали. Прозрение наступило только в конце XIX века, когда элиты присмотрелись к огромной стране, в которой жили миллионы людей. Причем власти долгое время почитали их безмолвными крестьянами и слугами. Но это было не так. Герцен очень хорошо и внятно описывает свой шок от пребывания мальчиком в «людской» - он понял там, что имеет дело с особым миром особых людей - с ясным пониманием правды и лжи. И это были слуги, изувеченные господской волей! А каковы были русские люди, не лезшие в дворню? Особая и могучая страна, относившаяся к господам как к завоевателям, которых рано или поздно надо скинуть. В итоге стало понятно, что в стране созрело пространство для абсолютно самостоятельной жизни. В которой присутствовала могучая национальная этика. Не говоря уже о религиозных представлениях. Русский народ отличается от многих других народов тем, что является одной из самых старых наций на Земле, поскольку его главный национальный политический миф - возможность осуществимости Царства Божия на Земле - овладел душами миллионов русских достаточно

давно. И сформировал их как нацию. Однако не в рамках национального государства.

«СП»: Отсутствие представительства на уровне субъектов РФ многими трактуется как свидетельство дискриминационного положения русского народа.

- Дело в том, что русские всегда полагали, что их национальное государство представляет собой значительную часть империи. Вообще создание империи - это был «русский проект». Только вот русский народ всегда конкурировал с господами за бренд «русские» и подразумевал не аристократическую империю, но империю народную. Отсюда приятие русского социализма и экспорт его другим народам как воплощенную «народную русскую правду жизни». Русские, кстати, издревле жили не только в «своих регионах». В Киргизии жили семипалатинские русские казаки. Русские жили на Кавказе и в Закавказье. В этом контексте можно вспомнить о молоканах и староверах. Не говоря уже о том, что наши соотечественники жили в Прибалтике и Финляндии.

«СП»: О чем свидетельствует «скукоживание» цивилизационного ареала русских?

- В первую очередь это объясняется ненавистью со стороны мирового истеблишмента и деятельностью его агентуры внутри России. Главный враг русского народа - это не другие народы (кавказцы, татары или башкиры), а космополитическая, антинациональная правящая элита. Которая рано или поздно становится частью мирового истеблишмента. Она действует не в интересах народа, а ради включения огромной ресурсной базы страны в составляющую мирового порядка. И нет разницы, каким образом формируется новый порядок. Будь то договоренности императоров между собой или либерально-олигархических институтов. Или это «конвергенция» Хрущева и

Кеннеди, Горбачева и Рейгана. Проблема России в том, что ее огромные ресурсы создают для власти соблазн окончательной эмансипации от народа и от служения ему. Каждая группа, которая приходит к власти на волне народного порыва, получает в свое распоряжение такие богатства, которые позволяют ей в итоге минимизировать влияние народа.

«СП»: Как вы относитесь к советскому опыту?

- Я считаю, что советский опыт - попытка земного воплощения чаяний русского народа. Русские люди всегда мечтали построить Царство Божье на Земле. Это должно было быть «Царство справедливости». Изначально никто не называл это социализмом, что является заимствованным на Западе словом. Но в русском сознании всегда жило ощущение, что Русь - Беловодье и Китеж - это царство, в котором нет господ, владеющих землей. Потому что русский народ всегда считал, что владеть землей грех - она Божия. Он верил в то, что удастся построить общество, в котором не будет эксплуатации человека человеком. По убеждению русских людей причиной богатства может быть только труд, а не ловкость за счет других. И что царь или любой властитель, попирающий Божьи законы, есть «наместник Антихриста». Русские люди по своей сути всегда были «естественными демократами». Но при этом демократами неевропейского склада. Поскольку наше понимание свободы исходит не из энциклопедического, философского видения человека как «меры всех вещей». В русском самосознании человек является мерой «правды Божьей». Насколько он несет ее в себе, настолько он человек. Я не сам по себе как некая социальная «монада» (атом по Лейбницу) - я - «носитель мысли великой, не могу, не могу умереть!» (Гумилев). Резюмируя, можно сказать, что русский народ - это один из величайших народов в истории. Он существует как этнически, так и

политически. Он обладает особой этикой – политической и социальной. Но он находится в чудовищном упадке, в режиме оккупации со стороны западных либеральных колонизаторов и их пособников, навязывающих русскому народу противоестественные для него ценности – этническое «кровавое» сознание, страсть к деньгам как мере успеха, разврат и легкость бытия. Национальное развитие – это западный термин, который привит русским «умниками» нерусского происхождения в XIX веке. Они начитались немецкой и французской философии, сегодня американских социологов. Русские называли это просто – «народное счастье». Это несколько иная коннотация, которая предполагает иное понимание человека.

«СП»: Нужно ли русским свое национальное государство?

– Это главный вопрос, вокруг которого сегодня ведется дискуссия. Апологеты этой идеи хотят, чтобы русские уподобились европейским народам. Я считаю, что эта тема была навязана русскому народу людьми, которые максимально далеки от него. Как по крови, так и по духу. Не говоря уже об этике или мировосприятии. С точки зрения русских, главное – это не обладание социальными правами или возможностью избирать своих представителей в парламент. Главное – это жить «по правде Божьей». Таким образом, речь сегодня идет об обретении русскими своего исконного исторического, духовного и политического пути. И я считаю, что это путь не европейский. Более того, в Европе русские превратятся в один из тех чудовищных мещанских народов, которые находятся под колониальной опекой финансово-олигархических и международных космополитических спекулятивных структур. Русское национальное государство – это народная империя, которая несет русскую правду, русское понимание «мира Божиего» другим народам, не унижая их и не

принуждая их менять веру, приглашая к братским отношениям. «Последний раз на светлый братский пир сзывает варварская лира!» – что может быть более русского. Это универсалистское антилиберальное мировоззрение – русская идея.

Я полагаю, что специальные агенты вольно или невольно навязывают русским «разговоры про кровь». На самом деле это нерусское понимание. Потому что в ком какая течет кровь – это напоминает талмудическое видение мира. Это у евреев кровь матери определяет национальность. А у других маленьких этносов такую же функцию национальной идентификации выполняет кровь отца. Разговоры о том, сколько в ком крови, – это вообще нерусская тема. Она никогда не звучала ни в русской культуре, ни в русской истории. Пушкин на нее ответил поляку Фаддею Булгарину своим знаменитым стихотворением: «Решил Фиглярин, сидя дома, // Что черный дед мой Ганнибал // Был куплен за бутылку рома». Когда рычащий на меня Нерсесов, непонятого происхождения субъект, прошедший сквозь постмодернистские причуды конца 1980-х – начала 1990-х годов и впитавший их в себя, организовавший «партию Сонечки Мармеладовой», учит русских, как жить, и сегодня выступает в качестве «зачинателя русской идеи» на сайте «АПН Северо-Запад» или в «Стрингере», то мне становится тошнотворно. Такие люди напоминают мне Нафтулу Соловейчика из великого лесковского произведения «Некуда».

«СП»: Многие комментаторы упрекают вас в подчеркнутой лояльности к представителям ислама. И напротив, по их мнению, вы предвзято относитесь к тем же русским националистам.

– Я никогда не отношусь предвзято к русским националистам. Если они русские и защищают интересы русского народа. Если же это производная от каких-то сионистских проектов, чтобы сделать русских неким

подобием Израиля и сионистского проекта, то с такими людьми я буду всегда бороться. Я считаю, что космополитические и языческие, меряющие «кровь» русские националисты – просто гомункулусы, выведенные в «израильской пробирке». Для того, чтобы посадить русский народ в израильский «окоп» дабы решать проблемы Израиля на Ближнем Востоке. Нерсесов и подобные ему «защитники» русских от мусульман играют здесь именно эту роль. Продвигают тему «общей судьбы» России и государства эмигрантов и мещан, уехавших за социальными дотациями на чужую землю, отнятую у православных и мусульман (палестинцев). Что общего у русских – народа-нации, призванной преобразить и изменить мир по «правде Божией», с этими странными людьми? Разве что сомнительные финансовые дела... Но сравнить русских с мусульманами, с которыми у русских никогда не было исторического конфликта и есть общее государство, отсечь русских от жизненно важных для них цивилизационных древних путей – в Среднюю Азию и к Персидскому заливу, к Святой земле (принадлежавшей России по преимуществу до образования Израиля) – вот их задача. Да, были войны с Казанским ханством или войны с Османской империей. Была страшная, почти двухсотлетняя с перерывами Кавказская война. Но то войны государства, империи. У русского народа никогда не было конфликта ни с кавказцами, ни с татарами, ни с башкирами. Хотя нас в это дело сегодня очень активно встраивают. Я считаю, что это абсолютная манипуляция. Я различаю русских националистов, которые стоят на позициях русской этической правды и православия (не важно – старообрядческого, беспоповского или никонианского), и националистов – либералов, безбожников, язычников, даже сатанистов (и такие есть!). Последние – симулякры, производные от манипуляций колонизаторов, врагов русского народа.

Само по себе православное христианство является для меня одной из фундаментальных основ русского самосознания. Поэтому русских националистов-язычников, русских националистов, меряющих «кровь», я всегда буду считать «сионистами в русском обличье». И всегда буду с ними бороться. Поскольку полагаю, что они являются врагами русского народа и всего того, за что русский народ положил миллионы жизней. Они являются врагами «правды Божией», что составляет суть русской идеи. Это моя принципиальная позиция.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ

Русская баллада о времени

я знаю
по дороге из Москвы в Петербург
на подъемах и спусках пологих
время замыкается в круг
под надзором ангелов строгих

ходит время руки за голову
от осины и до осины
и небо над ним цвета олова
от ужаса и бессилья

ангелы бестелесны
как зарево над лесами
стоят над русской бездной
с завязанными глазами

время ходит, как поднятый
медведь больной и морозный
под Тверью вдруг преисподняя
открылась под стук колесный

нет, это чертово зеркало
время в нем бесконечно
и вот уже словно нет его
поездом грянет встречным

дотянет до Бологого
и умрет на перроне
скажут мне «что такого?»

здесь время всегда хоронят

в этом месте особо
ему поют панихиду
оно ведь здесь невесомо
оно здесь только для виду

для того чтобы люди
не думали здесь о пощаде
и поэтому будет
здесь вечность времени ради»

к Торжку подъедем не веря
что нет нам времени боле
в вагонные наши двери
войдет холодное горе

спросит у проводницы
до Питера два билета
и в мертвые наши лица
последней швырнет монетой

сгорбится у порога
не велено ему дале
с ним обойдутся строго
и в Питер возьмут едва ли

вытолкают наружу
на ужин вечности рваной
что где-то все время кружит
над нашими головами

я знаю
по этой дороге
чудовище раньше жило
оно пожирало многих

но некоторым служило

сто пастей его пылало
но некоторым скулило
и все ему было мало
и мало что было мило

сосны дубы и ели
тополя и осины
дыбом стояли на теле
этого исполина

мясо его дышало
болью рабских поклонов
клыки острее кинжалов
терзали земное лоно

господа его когти
хвост его благодатный
в его барабанном топоте
время идет обратно

обло озорно огромно стозевно
лаяй стояло оно
проклято силой древней
издохло на станции Дно

труп его одинокий
лежит никем не опознан
у развилки дороги
где-то в грязи под Тосно

а поезд все едет дальше
колеса стучат все глуше
военные дикие марши
лезут штыками в уши

в еврейском гомоне резком
в опийном страхе китайском
сухим револьверным треском
к воротам подобралась райским

упали света засовы
усатым простым приказом
мы стали почти готовы
святыми сделаться разом

на трупе чудища встали
вызов бросили смерти
вручили себе медали
и серый листок в конверте

что все мы словно герои
падем под Бором Мясным
веселой майской порою
на сломе ранней весны

нас ангелы наказали
однажды в глухую осень
обливаясь слезами
время грохнулось оземь

потом очнулось и село
на корточки у села
его огромное тело
искало крови тепла

оно зевнуло и встало
и шагом мерным пошло
и все вокруг стало алым
как будто кожу сняло

потом был много такого
о чем уже не споешь
стала временем снова
простая земная ложь

утром оно нас будит
и шепчет в ухо «пора
понять что вы просто люди
и были людьми вчера

и будете ими вечно
и в грязь вернетесь опять
на станции той конечной
которой не избежать

ведь поезд идет стрелою
в обитель покоя и тьмы
где вашей судьбою злою
вполне утолитесь вы

пересекая реку
по мертвым сведенным мостам
почувствуйте что человеку
есть разница - здесь и там»

холмы перелески болота
прогалины пустота
и глины желтая рвота
у дороги возле креста

здесь время убили случайно
кровь смешали с вином
а после молились ночами
на трупе его ледяном

легло оно тяжелой зимою

от Ильменя до Невы
и верой угрюмой земною
упало на плечи Москвы

в граните закаменела
вера эта в веках
и ночью однажды белой
ее унесет река

куда-то от ангелов строгих
что стоят на посту
и подводят итоги
и проводят черту

я знаю
что по дороге из Москвы в Петербург
не то что по дороге
из Петербурга в Москву
здесь все замечаешь вдруг
и впадаешь в тоску
ясную точно сон
пророческий наяву